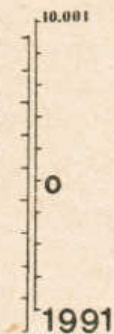

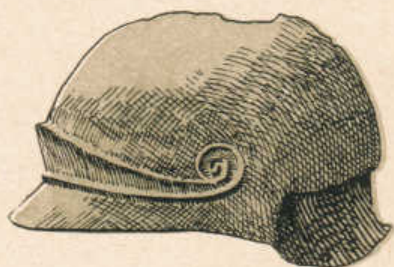
ЛО ИА АН СССР

**ПРОБЛЕМЫ
ХРОНОЛОГИИ
И ПЕРИОДИЗАЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ**

сборник статей молодых ученых

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ АН СССР ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ПРОБЛЕМЫ
ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ**

*Сборник трудов
молодых ученых*

ЛЕНИНГРАД 1991

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 3

Печатается по решению Ученого совета
Ленинградского отделения Института
археологии АН СССР

Ответственный редактор — д. и. н. А. Н. Кирпичников

Редакторы:

к. и. н. П. В. Шувалов, О. И. Богуславский,
В. Ю. Зуев

Технический редактор А. Р. Шилов

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории человечества всегда связано с воссозданием хронологии * событий. В самом общем виде, последовательность процедур и набор исследовательских операций едины, как для построения хронологии палеолита, так и для хронологии средневековья. С другой стороны, методы археологической хронологии значительно отличаются от хронологических методов других исторических дисциплин. Другими словами: археологическая хронология — это такая же самостоятельная историческая дисциплина, как, скажем, палеогеография в истории (кстати, в истории за хронологией уже давно признаны права на «автономию»). Но ее оформлению препятствует как отсутствие общепринятой методики построения хронологических систем, так и неопределенность основных требований, предъявляемых к хронологическим построениям.

Есть и специфические проблемы, свойственные лишь отдельным разделам археологии. Например археологическое время (интенсивность заметных исследователю изменений в древней археологизировавшейся культуре) течет для разных археологов по-разному. Более того, понимание самого археологического времени далеко не одинаково. В дописьменный период время мыслится исследователями большими отрезками, по несколько столетий или тысячелетий (особенно это заметно в эпоху камня). Внутри же этих отрезков хронологические изменения не улавливаются и кажутся археологам не важными. Таким образом, хронология в узком смысле слова практически атрофируется в пользу периодизации, методы которой детализируются до мелочей. С появлением письменных источников требования к точности хронологии увеличиваются в несколько раз. Основой абсолютного датирования становятся письменные источники и дендрохронология. Изредка возможна датировка комплекса методами археологии с точностью до года и месяца. Вместе с тем возникают и ситуации, когда для памятников одного круга существует несколько внутренне непротиворечивых хронологических систем. Увеличение количества письменных свидетельств делает крайне соблазнительным сократить весьма трудоемкую работу по построению собственно археологической хронологии и обходиться лишь данными письменных источников. В результате археологическое время самостоятельно вообще не рассматривается и археология превращается в иллюстрирование письменной истории.

---

* Термин «хронология» здесь понимается в «широком» смысле, как наука об историческом времени (греч. ΧΡΟΝΟΣ — время) или как совокупность систематизированных этой наукой фактов. Об узком понимании термина «хронология», как внутреннейгармонизированной совокупности дат археологических явлений,— см.: статью Вишняцкого Л. Б. и Колпакова Е. М.

Предлагаемый сборник не ставит своей целью решить даже малую часть изложенных проблем или ознакомить читателя с новыми археологическими разработками. Мы считаем задачей сборника лишь продемонстрировать разнообразие путей решения конкретных проблем археологической хронологии и таким образом выявить тот круг задач, решение которых стало необходимым для создания единой системы археологической хронологии и налаживания общеархеологических контактов. Пути решения, на наш взгляд, лежат через осознание общеметодических и общеметодологических основ всех хронологических исследований в археологии и через устранение «разнобоя» в работах исследователей, занимающихся изучением различных периодов развития человеческого общества.

И последнее. Этот сборник является третьим в серии «Археологические изыскания», которая организована в ЛОИА по инициативе чл.-корр. АН ТССР В. М. Массона. Сейчас уже подготовлены следующие сборники из этой серии: «Археологические культуры и культурные трансформации» (вып. 1); «Скифия и Боспор. Материалы симпозиума, посвященного памяти академика М. И. Ростовцева» (вып. 2).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Теоретические проблемы археологической периодизации затрагиваются редко и в тезисной форме¹. В то же время ощущается потребность в их разработке*. В нашей статье мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Хронология и периодизация. (Колпаков)**. Хронология — это размещение объектов (артефактов и их комплексов) и явлений на шкале времени, относительной или абсолютной. Периодизация — это выявление таких отрезков этой шкалы, которые по тем или иным признакам обладают единством внутри себя и отличаются от других аналогичных отрезков. То есть хронология — это классификация объектов и явлений по разным значениям лишь одного признака — времени. А периодизация — это классификация этих же объектов и явлений по разным признакам, но обязательно вместе с признаком времени — классификация хронологии. Из этого следует, что не может быть больше чем одной хронологии: если появляется вторая хронология, то это однозначно свидетельствует о том, что у нас непорядок с датами. Периодизаций, напротив, может быть множество — и это свидетельствует всего лишь о том, что разные встречающиеся признаки существуют во времени неравномерно и потому выполненные по разным основаниям классификации хронологически не совпадают.

Из этого же следует, что относительная хронология, построенная с помощью типологического метода Монтелиуса или сериации, является по своей сути периодизацией. В этом случае археолог выражает с помощью любых доступных признаков все тот же единственный признак времени, то есть с помощью периодизации он устанавливает хронологию. Допустимость этой процедуры и вытекает как раз из того, что периодизация — это классификация хронологии. В идеале, конечно, установление хронологии должно предшествовать построению периодизации, но это не всегда возможно. Тогда приходится допускать, что типологические или сериационные ряды отражают хронологию объектов, а обоснованность такого допущения можно определить только для конкретных случаев.

Периодизация может работать как относительная хронология, но не наоборот. Система трех веков, очевидно являющаяся периодизацией, может выступать и как хронология, пусть и

---

* Сборник «Археологическая периодизация», подготовленный на кафедре археологии ЛГУ еще в 1980 г. остался неизданным в связи с арестом Л. С. Клейна.

** Мнения авторов статьи по некоторым вопросам различаются — в этих случаях они представлены отдельно.

невероятно широкая. А таблица радиоуглеродных датировок? — Это только хронология.

(Вишняцкий). К построению периодизации можно приступить лишь после того, как материал, являющийся объектом исследования, размещен на хронологической шкале. Таким образом, периодизация — это классификация, обращенная во время. Археологическая периодизация — это группирование выстроенных в хронологической последовательности объектов по археологическим (то есть типологическим, технологическим) критериям.

Археологи в своих работах часто не различают периодизацию и хронологию, смешивая задачи, критерии и результаты первой и второй. Обычным делом является подмена понятий, когда, например, декларируется построение периодизации, а на практике разделение материала на группы производится по одному лишь временному признаку. Конечно, классификацию артефактов и комплексов по такому признаку, как время, тоже можно называть периодизацией, но это будет не археологическая периодизация, а хронологическая периодизация археологических материалов, объединяющая и разделяющая объекты независимо от того, что они собой представляют как артефакты, как явления культуры. Здесь уместно вспомнить о предложенном Мюллером-Карпе разделении подходов к периодизации на изохронологический и изофеноменологический. При первом из них объединяются хронологически близкие памятники, при втором — лишь памятники близкие в культурном отношении, то есть со схожими феноменами². Пользуясь этими понятиями можно сказать, что археологическая периодизация есть периодизация именно и только феноменологическая.

Хронология — это распределение объектов в астрономическом (геологическом) времени, достигаемое методами относительного и абсолютного датирования. Она играет при выделении периодизационных таксонов примерно ту же роль, которую при группировании материалов одного хронологического среза играют данные о размещении их в пространстве. Можно сказать, что хронология упорядочивает пространство периодизации.

Хронология является для периодизации необходимым условием. Археологический материал сам по себе в хронологическом плане нем. Датировка по археологическим критериям невозможна. На основе этих критериев возможно лишь соотнесение новых находок с аналогичными им вещами, уже датированными по письменным или естественнонаучным данным, а также с ячейками ранее разработанных периодизаций, построенных, что следует помнить, на материалах, для которых имелась независимая от археологии хронология. Относительная хронология, полученная с помощью типологического метода

Монтелиуса или сериации, является по своей сути периодизацией, способной выполнять датирующие функции лишь благодаря наличию стратиграфических реперов.

Задачи. Хронология и периодизация, даже когда одно и то же построение выступает в обоих качествах, ясно различаются по своим задачам. Задача хронологии — датировать объекты и явления как можно уже и точнее. Задача периодизации — сгруппировать последовательно датированные объекты и явления в блоки, обычно более крупные, чем один хронологический срез, дать типологическую характеристику времени.

Для чего нужна хронология — ясно. А для чего нужна периодизация? Зачем нам нужна классификация хронологии? На практике периодизация выполняет несколько взаимосвязанных функций. 1) Как служебная классификация она упорядочивает материал для удобства его хранения, изучения, экспозиции в музеях, публикации и т. п. Разумеется, и в этом случае хронологические рубежи проводятся не произвольно. 2) Как исследовательская классификация она выявляет в материале значимые для познания прошлого и/или статистически значимые типологические рубежи и периоды в хронологии.

Первое необходимо уже хотя бы потому, что, например, для изучения изделий из камня нужны совсем иные знания, нежели для изучения металлических изделий, несмотря на ряд общеархеологических методов, и если в глубокой древности нет металлических изделий, то в последние два-три тысячелетия очень мало каменных изделий — отсюда внутриархеологическая специализация в профессиональной подготовке.

Вместе с тем, эта внешне формальная необходимость вытекает как частный случай из объективно существующей неравномерности распределения различных категорий материальных остатков во времени, выявление которой по разным параметрам и является ближайшей исследовательской задачей периодизации. Связано это с тем, что история представляет собой не только последовательность событий, но и ряд процессов разной длительности, а также с тем, что для изучения функционирования общественной системы в синхронном срезе необходимо определить хронологические границы, в которых можно считать такую систему относительно неизменной в рамках проводимого исследования. Может быть, здесь уместно и модное ныне понятие *LONGUE DURÉE* Ф. Броделя. Кроме того, процессы развития вообще и исторического в частности протекают с разной скоростью: периоды медленных изменений чередуются с периодами быстрых изменений. Их выявление также входит в задачи периодизации: от периодизаций внутри археологических культур до наиболее общих периодизаций. Все это важно для выхода на более высокие, надархеологические уровни исследования: для исторических, социологических, этнологических и т. п. реконструкций и интерпретаций.

Построение. Как и во всякой классификации, в периодизации всегда встает вопрос, по каким именно признакам выделять классы—периоды. Периоды можно выделять по наиболее устойчивым сочетаниям признаков, типов артефактов, типов комплексов — так сделаны собственные археологические периодизации, начиная с системы трех веков Томсена—Ворсе. Либо по признакам, типам артефактов, типам комплексов, выбранным субъектом исходя из их связанности с интересующими субъекта не вещественными аспектами прошлого, имеющими хронологический характер, (Вишняцкий: по таким признакам и т. п., для которых заведомо установлена корреляция с интересующими исследователя историческими явлениями). Первый подход выделяет периоды формально, второй — содержательно. Разумеется, сам факт устойчивости сочетаний элементов, выступающих основаниями периодизации, говорит о том, что это не случайно, и, стало быть, выполненная по ним периодизация имеет содержательное значение. И, конечно, можно построить периодизацию по любому основанию, но сама по себе она может оказаться лишенной какого-либо научного смысла.

Характерно, что для относительно поздних эпох, где есть периодизации, выработанные на основе письменных источников, для периодизации археологического материала выбираются такие основания, которые коррелируют с известными историческими периодами. В таких случаях археологическая периодизация заведомо совпадает с исторической, а точнее, к исторической периодизации подбираются археологические маркеры. Например, археология классической Греции и эллинистической; археология домонгольской и послемонгольской Руси; археология додинастического Египта, Древнего царства. Среднего царства, Нового царства и т. п.

Хронология против периодизации и неравномерность развития. В археологии, как и в естественных науках (геология, биология), первые периодизации были построены на европейских материалах. Они воспринимались и использовались как панорамные. В дальнейшем, по мере накопления материалов и углубления исследований, создавались региональные, иногда узколокальные периодизации. При их сравнении и при переносе периодизаций из одного региона в другой обнаруживалось важнейшее явление: одна и та же периодизация может иметь в разных регионах разную хронологию. Казалось бы, это было ясно заранее, ибо эволюционизм в культурной антропологии эмпирически основывался на современности, одновременно являвшей у различных обществ разные периоды человеческой истории. Однако, поскольку в археологии огромную роль играют методы типологического датирования, до сих пор в этой области царит путаница и ошибка следует за ошибкой.

Например, при находке изделий мезолитического облика им автоматически приписывается дата европейского мезолита, и, наоборот, при находке изделий возрастом 0,3 млн. лет или в рисских отложениях они сразу же зачисляются в ашель, голоценовый каменный век, сколь бы архаичным он ни выглядел, никогда не относят к палеолиту и т. п. Все это было бы абсолютно справедливо, если бы человечество повсеместно проходило все выделяемые нами периоды одновременно, но ведь отлично известно, что это не так. Поэтому нельзя подменять периодизацию хронологией. Если индустрия микролитическая, то это мезолит по своему типологическому определению (разумеется, мезолит можно определить по-разному), как бы она ни датировалась³: 8 тыс. лет, 20 тыс. или 100 тыс. лет. Место объекта в уже установленной периодизации должно определяться типологически, вне зависимости от его датировки.

Сравнительно узкие локальные (для комплексов одной ограниченной территории) и секвенциальные (для памятников одной традиции) периодизации имеют законное право не совпадать с глобальными, пересекать границы последних. Это неизбежное следствие неравномерности и неоднородности развития человеческих обществ и их материальной культуры. Если же мы хотим иметь периодизацию, которая имела бы одинаковую хронологию, по всей ойкумене, то придется найти и соответствующие основания для нее. Прямо скажем, имеющиеся данные заставляют считать, что такая периодизация невозможна. Добавим к этому, что разная региональная хронология одной и той же периодизации и есть неравномерность исторического развития разных человеческих общностей, которую мы обязаны всячески выявлять и изучать.

Соотношение периодизаций. На этой же почве вырастает вопрос о соотношении археологической периодизации с исторической, экономической, антропологической и прочими. Полагаем, что из вышеизложенного ясно, что, по нашему мнению, они не обязаны совпадать. Некоторые исследователи видят «большой недостаток» в неуниверсальности археологической периодизации⁴. Однако это недостаток самого характера развития человечества, а не периодизации. Несовпадение археологической периодизации с исторической и прочими — это «результат различий в процессе, а не следствие скудости наших знаний»⁵. К сожалению, и здесь не обходится без путаницы и псевдопроблем.

Показательной является история с «неолитом». Как только выяснилась связь неолитических культур с производящим хозяйством, так в этом понятии главным стало социально-экономическое содержание: археологическая периодизация была подменена исторической или экономической. Для Чайлда понятие неолитической революции и совмещения начала неолита с началом производящего хозяйства было вполне орга-

нично по причине его марксистской ориентации и фактического признания ведущей роли технологических изменений. Но затем, когда выяснилось, что производящее хозяйство возникает в Передней Азии и на Ближнем Востоке до появления керамики, пришлось ввести понятие бескерамического (докерамического) неолита, применив абсурдный термин.

К этой проблеме может быть три подхода, как и во всех аналогичных случаях. 1) Если бы появление неолита в археологическом смысле всегда совпадало с появлением производящего хозяйства, то эти понятия можно было бы совместить, и «неолит» обозначал бы появление керамики и производящего хозяйства вместе. А появление керамики было бы археологическим признаком производящего хозяйства. Но они часто не совпадают: некоторые народы еще и в позднем железном веке не перешли к производящему хозяйству. В то же время вполне правомерна и, видимо, достижима задача найти надежные археологические признаки производящего хозяйства.

2) Можно взять за основу социально-экономическое содержание понятия. Тогда логичны термины «бескерамический неолит», «керамический неолит», «посткерамический неолит». Тогда хорошо бы полностью изъять термин «неолит» из археологии и заменить его другим, иначе будут вполне логичны такие термины и понятия, как «неолитический неолит», «мезолитический неолит», «донеолитический железный век» и т. п.

3) Единственно разумным было бы попросту не смешивать археологическую периодизацию с исторической и не применять терминологию одной в другой. Тогда за термином «неолит» останется его чисто археологическое содержание, а производящее хозяйство пусть так и называется производящим хозяйством, без бессмысленной шифровки. И у нас будет не «бескерамический неолит», а «донеолитическое» или «мезолитическое» производящее хозяйство, и будет присваивающее хозяйство железного века, и т. п. То есть использование двух периодизаций и двух соответствующих им систем терминов будет отражать как раз неравномерность исторического развития, но уже не региональную, а внутрисистемную, влияние природных условий и т. д.

Всеобщая периодизация. Немалые затруднения вызывает у археологов вопрос о всеобщей, или панойкуменной периодизации археологического материала. Однако ответ на него можно и нужно получить чисто эмпирически, без углубления в область теорий и философию, а приняв к сведению всего лишь одно положение: в одном и том же материале по разным основаниям можно построить разные периодизации. Тогда вопрос о всеобщей периодизации решается на двух путях: либо мы ищем в полной совокупности всего археологического материала мира всеобщие основания для его хронологического подразделения без всяких территориальных границ, либо пы-

таемся найти общее между различными региональными периодизациями. Если нам удастся найти такие всеобщие основания, будет и всеобщая панойкуменная периодизация, а нет — так нет. Вопрос, повторим, решается чисто эмпирически.

Археологи, тем не менее, никогда не шли этими путями. Но зато всегда бились на третьем — наиболее простом и наиболее проблематичном — региональную европейскую (в значительной мере — западноевропейскую) периодизацию перенесли на другие регионы. Понятно, что это связано с лучшей археологической изученностью Европы, но это же предполагает теоретическое обоснование в виде тех или иных эволюционно-стадиалистских представлений, справедливость которых вообще-то и должна доказываться построением панойкуменной периодизации. На этом пути мы не продвинулись дальше Томсена и Ворсе. Действительно панойкуменной выглядит сейчас только система трех веков в своем простейшем виде: каменный век, бронзовый век (с некоторыми оговорками) и железный. К этому, пожалуй, можно добавить лишь разделение каждого из них на ранний и поздний — но с этим, возможно, согласятся уже не все.

1. Лынша В. А. Мезолит — понятие технологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978; Ранов В. А. О соотношении хронологии и периодизации палеолита // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984; Гладиллин В. Н., Ситливый В. И. Принципы археологической периодизации палеолита // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири.— Ч. 1.— Улан-Удэ, 1986.

2. Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Band 11. Jungsteinzeit. München, 1968.

3. Лынша В. А. Мезолит юга Средней Сибири. Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Л., 1980.

4. Першиц А. И. Введение // История первобытного общества.— Т. 1.— М., 1983.

5. Бочкарев В. С., Трифонов В. М. Пространство и время в археологии // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ.— Ашхабад, 1980.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНЫХ ЭТАПОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ПРИПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ

Общеизвестно, что отдельные понятия археологической периодизации, в частности, такие как «мезолит» и «энеолит», до сих пор остаются дискуссионными. Дискуссию чаще всего вызывает правомерность отнесения того или иного комплекса к какому-либо этапу, что, как правило, вынуждает авторов к определению своей позиции при использовании терминов.

С нашей точки зрения, предмет дискуссии можно сформулировать как проблему переходных этапов, характеризующихся сходством процессов, протекающих на разных уровнях. При этом очевидно, что панойкуменная классификация (периодизация) должна иметь минимум единиц систематики. Крупнейшими ее отделами могут быть названы эпохи камня и металла, поскольку этапы металлургии меди, бронзы и железа составляют структуру последней, а глобальное освоение металла связано с распространением металлургии железа. Для выделения более дробных единиц возможно использование, по-видимому, только археологических признаков, проявляющихся помимо природы материала. Часто используемые при выделении ряда этапов (мезолита, неолита, энеолита) социальные и экономические критерии¹, как полагают многие исследователи, не могут играть никакой роли для археологической периодизации, поскольку они, являясь результатом интерпретации первичной археологической информации, образуют системы понятий, параллельные археологической периодизации².

Естественно, что при построении археологической классификации наиболее удобно пользоваться признаками, ярко характеризующими качественное отличие одного объема материала от другого — таких, как появление керамики, металла, используемых большинством археологов в качестве надежных критериев, позволяющих различать археологические эпохи; при этом керамика оказывается, хоть и очень ярким, но все же дополнительным признаком. Однако, если вспомнить, как сложилась еще во времена Томсена и развивалась в дальнейшем археологическая периодизация, то становится очевидным, что в качестве основного, наиболее общего признака всегда использовалась эволюция основных технических способов обработки того или иного материала, т. е. технология изготовления орудий труда. Подобная точка зрения высказывалась и ранее³. Выделяемые таким образом таксоны представляют собой прежде всего технологический феномен (мус-

ть, верхний палеолит и т. д.). Последовательно используя в качестве основания для периодизации технологический признак, можно выделить переходные этапы I (переход от камня к металлу) и II порядка (совершенствование технологии в рамках жестко заданного материала) — переход от палеолита к неолиту, внутреннее деление которых, особенно палеолита, строится по технологическому принципу. Смысл процесса развития технологии состоит в последовательном вытеснении новыми технологиями прежних в сфере производства основных орудий, при этом вытесняемые технологии в зависимости от конкретной ситуации еще долго могут сохранять свое значение, не деградируя совершенно или деградируя с минимальным темпом, как это произошло, например, на Севере Восточной Сибири. Хронологический интервал, охватываемый переходным этапом, может быть очень широким, и завершение его, по нашему мнению, связано с моментом панойкуменного преобладания новой технологии. Естественным является существование самостоятельных единиц систематики, которые позволяют более подробно (в пределах «разрешающей способности» метода) рассматривать структуру переходного этапа в региональных или еще более узких периодизациях. Представляется, что наиболее рельефно особенности переходных этапов проявились в эпоху глобального освоения принципиально новой технологии, то есть в эпоху перехода от камня к металлу. Совершенно очевидно, что с феноменологической точки зрения — для самой широкой, панойкуменной классификации — ни способ получения орудий из металла (производство или импорт), ни ранние типы металлургии (медь, бронза), не имеют никакого значения, оставаясь значимыми при построении региональных периодизаций, поскольку освоение металла в пределах практически всей ойкумены происходит лишь с широким распространением металлургии железа с достаточно высоким уровнем технологии. Специфику этих процессов позволяют достаточно полно раскрыть археологические материалы, накопленные при изучении приполярной зоны, где процесс перехода к металлу (в широком смысле слова) оказался растянут во времени на, как минимум, 3—4 тысячелетия и имеет «мозаичность», характерную для панойкуменного процесса: здесь представлены широко известные культуры эпохи бронзы и, наконец, на огромной территории, прежде всего на Севере Восточной Сибири, (с некоторыми исключениями), население вступает в эпоху металла лишь с появлением в сопредельных областях металлургии железа.

Рассмотрим первоначально основные подходы к определению термина «энеолит».

Первый из них, часто используемый в археологической литературе, В. М. Массон определяет как «формально-семантический», т. е. регистрирующий простое наличие/отсутствие

меди или изделий из нее⁴. Полагая такое понимание проблемы упрощенным, В. М. Массон предлагает более оправданный, с его точки зрения, «содержательный» подход, основанный прежде всего на учете целого комплекса культурных явлений, находящихся отражение в археологических материалах, и в типах вещей, в первую очередь⁵. Часто в качестве критерия привлекаются показатели уровня развития хозяйственной деятельности⁶, наиболее последовательно используемые А. И. Мартыновым⁷, но как справедливо полагают Н. Я. Мерпет, Е. Н. Черных и другие исследователи, подобный критерий в равной степени непригоден для выделения как энеолита, так и других эпох. Однако в наиболее уточненном виде В. М. Массон формулирует понятие следующим образом: «По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов кремневых орудий»⁸. (Хронологические рамки периода, его наиболее яркие проявления и область распространения даны в недавней цитируемой сводке; многие из памятников широко известны, и, по-видимому, нет необходимости останавливаться на них специально.) Как видно из цитаты, и здесь на первое место поставлен «формально-семантический» признак, ему закономерно придается решающее значение. Что касается тезиса о деградации индустрии кремня с внедрением орудий из металла, на первых порах из меди, то он, как представляется, не вполне справедлив, поскольку даже при более развитом типе металлургии, при наличии большого количества прекрасных бронзовых изделий, например, в сейминско-турбинской культуре, хорошо представлены весьма совершенные изделия из кремня⁹.

Трудно назвать деградирующей технику обработки кремня и на Северо-Востоке Европейской части СССР, и на Севере Восточной Сибири¹⁰. Реальную и быструю деградацию каменного инвентаря может вызвать лишь наличие металлургического центра, основанного на мощной по масштабам своего времени сырьевой базе.

Энеолитические комплексы, как совершенно справедливо отмечает В. М. Массон, наиболее отчетливо представлены в южной зоне, что связано в первую очередь с наличием в регионе руд, наиболее пригодных для получения металла на уровне примитивных технологий. Далее к северу «роль энеолитического периода» убывает¹¹, и на Севере Европейской части СССР энеолит фактически представлен пегемскими памятниками, исследуемыми А. П. Журавлевым¹². Отдельные находки, свидетельствующие о знакомстве древнего населения Карелии с обработкой меди, были сделаны ранее Н. Н. Гуриной. Однако, как полагает А. П. Журавлев, производство и использование таких орудий не имело здесь решающего значения, и камен-

ная индустрия еще долго сохранялась на высоком уровне¹³.

Учитывая эти особенности, проявляющиеся в реальном археологическом материале, В. М. Массон предлагает два случая использования понятия «энеолит»:

- 1) «период, выделяемый средствами археологии и соответствующий большой исторической эпохе»¹⁴ — т. е. представленный реальными комплексами с изделиями из меди, следами их производства и т. д., и
- 2) «понятие, относящееся почти исключительно к области археологической систематики»¹⁵, — т. е., по-видимому, при отсутствии таких комплексов.

Последнее утверждение не бесспорно, поскольку, вероятно, любому археологу трудно представить единицу систематики, не наполненную конкретным содержанием.

Проблемы, возникающие при использовании тех или иных понятий археологической периодизации, в том числе и проблема энеолита, неоднократно обсуждалась в археологической литературе по Северу. Хронологически первую точку зрения высказал А. Я. Брюсов, полагавший вслед за Монтелиусом, что эпоха «меди—бронзы» начинается с момента, когда изделия из этих металлов образуют типологические ряды¹⁶. Неправомерность такого подхода впоследствии была прекрасно показана Н. Н. Гуриной¹⁷.

Чаще всего специалистами по археологии Севера (М. Е. Фосс, Н. Н. Гуриной, М. Ф. Косаревым) при определении позиции материалов использовался подход, основанный на учете прямых и косвенных данных. На основании изучения обширных материалов был выявлен ряд признаков, которые как принято считать, позволяют отнести те или иные материалы к эпохе металла (высокая техника обработки камня — сверление, пиление, полирование, тонкая отжимная ретушь, появление специфических типов орудий, изменения в орнаментации керамики). Н. Н. Гурина дополняет этот список изменением топографии памятников¹⁸. Важным, по мнению М. Ф. Косарева¹⁹, поддержанному В. Т. Ковалевой²⁰, является учет степени оседлости при возрастании роли рыболовства. Большинство из упомянутых исследователей, однако, предпочитает использовать по отношению к северным памятникам, которые можно было бы отнести к неолиту, более осторожный термин «эпоха раннего металла». Не случайно и «расширительное» понимание данного явления Н. Н. Гуриной, согласно которому время перехода от камня к металлу растягивается вплоть до начала эпохи железа²¹. Выделение же собственно энеолитического этапа очень локально и возможно лишь по материалам пегремских древностей²².

Металлургия бронзы представлена значительно лучше — очаги бронзолитейных производств представлены на Европейском Севере, в Западной Сибири, на Таймыре, в Якутии, но

массовое производство таких орудий отсутствует, и на большей части территории, по-видимому, даже в эпоху бронзы использовались привозные орудия, и вопрос о принадлежности таких районов к тем или иным эпохам продолжает оставаться дискуссионным. Однако, в последнее время В. С. Стоколосом предпринята попытка выделить энеолитический этап в Северном Приуралье²³. Исследователь полагает, что «в последнее время этот вопрос получил принципиальную оценку»²⁴. Н. В. Рындиной, которая пишет, что «для древнего человека, взявшего в руки металлический топор, было безразлично, где и кем он сделан: в местных мастерских или чужих, удаленных на сотни километров. Ему важны были технические преимущества нового орудия...»²⁵. Для того, чтобы этот, бесспорно, доказательный аргумент работал на археологическую периодизацию, необходимо, с нашей точки зрения, единственное условие — археологическое наличие таких предметов. В Северном Приуралье подобных находок нет, поскольку комплекс Галово II, справедливо увязанный в свое время В. Е. Лузгиным с памятниками гранинско-борского круга²⁶, по-видимому, не может рассматриваться в системе чойновтинских памятников, включенных В. С. Стоколосом в североуральский «энеолит» наряду с чужьяльскими, а также с керамикой типа Конецбор и йоркутинского типа. (Для раннего этапа чужьяельской культуры сделан ряд оговорок о ее позднеэнеолитическом характере.)

Тем не менее, полагая вопрос окончательно решенным, В. С. Стоколос пишет, что «энеолитическими культурами Северного Приуралья следует считать те, которые включают металл или обнаруживают признаки его косвенного воздействия... В течение всего периода используется «чистая» медь без легирующих примесей. Внедрение металлических вещей и металлургических знаний становится возможным в силу внутреннего прогрессивно-поступательного (?) развития экономики охотничье-рыболовецкого населения, что приводило к созданию предпосылок для восприятия прогрессивных новшеств, каким, в частности, является металл и изделия из него»²⁷. Это утверждение является, на наш взгляд, слабо аргументированным.

Если обратиться к классической работе М. Е. Фосс, неоднократно цитированной В. С. Стоколосом, нетрудно заметить, что при «определении эпохи по технике изготовления каменных орудий, керамики и пр.» исследователь придавала огромное значение необходимости «углубленной проработки археологических материалов, с учетом местного своеобразия материальной культуры, распространенной на обширной территории»²⁸. Вывод об энеолитической принадлежности чужьяельской и других культур очень ответственен. Несомненное прикамское влияние, определяющее «энеолитический» характер

этих культур, неоднократно отмечено В. С. Стоколосом, но они не являются прямым продолжением, например, гаринско-борской, и отмеченные аналоги, убывающие, судя по опубликованным данным, по направлению к северу, могут объясняться либо большей или меньшей интенсивностью контактов, либо общими закономерностями развития, определенными более древней родственной основой.

Косвенные признаки, свидетельствующие о возможности знакомства древнего населения региона с металлом, имеют такое же самостоятельное значение для решения вопроса о наличии металлургического производства и, особенно, его типа, как и вполне стационарные постройки типа таймырских «голомо» могут свидетельствовать об оседлости. (Известно, что система таких построек, расположенных на промышленной территории, позволяет вести подвижный образ жизни, не связанный с трудоемким перемещением наземных жилищ.) Иначе говоря, между этими фактами нет жесткой взаимосвязи — техника и технология обработки камня, типы орудий, как полагает Г. П. Григорьев²⁹, как и керамическое производство, развивалось по своим законам, и на определенном этапе стало возможным восприятие металлургических знаний для Севера, как правило, в готовом виде. Показательно в этом отношении развитие поздненеолитических культур, объединяемых С. А. Федосеевой в ымыяхтахскую³⁰, для которой характерно совершенствование набора каменного инвентаря с сохранением вплоть до поздних этапов призматической техники. Лишь на завершающем этапе существования культуры происходит восприятие металлургии бронзы. Древнейшее бронзолитейное производство, открытое на Таймыре Л. П. Хлобыстиным, развивается на основе местной поздненеолитической культуры, минуя археологически уловимую стадию металлургии меди³¹.

Тем не менее, как следует из текста, решающая роль отводится В. С. Стоколосом именно косвенным признакам, поскольку единственный памятник, прямо документирующий металлургию меди для рассматриваемой территории — Галово II, изученный В. Е. Лузгиным³², маркирует в лучшем случае поздний этап северопривуральского энеолита, причем на юго-западе региона³³. Памятник включен В. С. Стоколосом в ареал чойновтинской культуры, складывавшейся под сильным влиянием гаринско-борской. В. Е. Лузгин, касаясь вопроса о культурной принадлежности и датировки Галово II, констатировал многочисленные черты сходства, позволяющие говорить, если не об однотипности, то, во всяком случае, об однокультурности его с камским материалом³⁴ и определил его время первой половины II тысячелетия до н. э. В. С. Стоколос считает возможным уточнить дату и относит комплекс к середине — началу 2-ой половины II тыс. до н. э.³⁵, при этом сходство

его с чойновтинскими памятниками проявляется лишь в общих чертах.

Относительно поздняя датировка, чем у других чойновтинских памятников, близость его к гаринско-борским материалам заставляет с осторожностью отнестись к привлечению его в качестве веского аргумента в пользу выделения столь широкого энеолитического этапа в регионе. Допустимо предполагать, что галовский комплекс мог оказаться полностью привнесенным на территорию региона и сыграл роль исходного импульса в распространении металлургических знаний, реализованных в культурах эпохи бронзы. Именно поэтому попытка В. С. Стоколоса выделить энеолитический этап в Северном Приуралье оказывается совершенно бесплодной, и, как нам кажется, представляется более верным использовать вслед за Н. Н. Гуриной, М. Ф. Косаревым и другими авторами понятие «эпоха раннего металла», объединяющее позднееолитические по своему облику культуры с недосказанным, но вероятным, исходя из общего контекста, наличием металлообработки.

Попытаемся сформулировать свое отношение к проблеме в целом. В нашем понимании энеолит — период, характеризующийся прежде всего появлением и распространением изделий из меди, является первой ступенью переходного процесса 1-го порядка, процесса перехода от эпохи камня к эпохе металлов, сильно растянутого во времени и носившего всеобщий характер. Главнейшей характеристикой процесса следует считать освоение и распространение принципиально новой технологии производства орудий. В его рамки вписываются как культуры, самостоятельно осваивавшие и развивавшие металлообработку, так и регионы, заимствовавшие металлургические знания в результате контактов или же использовавшие готовые изделия из металла, получаемые в качестве импорта, как это произошло в большей части приполярной зоны и на других территориях. Совершенно очевидно, что в силу неравномерности процесса развития и естественных ограничений метода, часто не позволяющих выделить те или иные этапы для отдельных территорий и регионов, не всегда и не везде возможно выделение энеолита. Кроме того, какие-то этапы этого процесса могут оказаться по тем или иным причинам «пропущенными». Сказанное отнюдь не умаляет значения вывода В. М. Массона о том, что «энеолит — это не какой-то переходный этап, а самостоятельная и важная историческая эпоха...»³⁶ Но высказывание это справедливо лишь по отношению к передне- и среднеазиатским памятникам, как об этом свидетельствует весь накопленный фактологический материал. Энеолит, таким образом, оказывается частным понятием археологической периодизации; региональным, по выражению Л. Б. Вишняцкого³⁷, явлением, наиболее отчетливо представленным в южной зоне. В отдельных случаях, как например,

в Карелии, он может оказаться элементом еще более локальной, секвенционной периодизации.

Региональной, хотя и очень широкой, — по отношению к панорамной периодизации — ступенью оказывается и эпоха бронзы. Широкое понимание эпохи перехода от камня к металлу, впервые предложенное Н. Н. Гуриной³⁸, для памятников приполярной зоны, оказывается, с нашей точки зрения, справедливым для глобального процесса. Его крупнейшие этапы, такие, как неолит, бронза, выделяемые регионально, и завершаемые панорамным этапом металлургии железа, связаны между собой переходными процессами 2-го порядка, часто трудно различимыми вследствие лавинообразного нарастания темпа технологического прогресса. Гораздо более отчетливо эти процессы представлены в эпоху камня.

В качестве такого процесса 2-го порядка может рассматриваться переход от палеолита к неолиту. Многолетняя дискуссия о правомерности выделения мезолита и его эквивалентов (голоценовый палеолит, эпипалеолит, бескерамический неолит), на наш взгляд, может быть сведена к проблеме соотношения общих и частных понятий, поскольку явления, стоящие за выделяемыми единицами систематики, представляют собой, как правило, локальные проявления последовательностей, составляющих переходный этап, за которым целесообразно закрепление термина «мезолит» в широком смысле — т. е. этапа, включающего в себя в хронологическом отношении раннеголоценовые (до появления керамики или металла) и, вероятно, частично верхнеплейстоценовые памятники. Такой подход был предложен, например, в одной из последних работ Л. П. Хлобыстина³⁹. В приполярной зоне этот процесс может быть раскрыт на примере сибердиковской культуры голоценового палеолита⁴⁰ и сумнагинской мезолитической («голоценового палеолита») по Ю. А. Молчанову⁴¹ культуры. В этих культурах представлены различные фазы процесса — медленная эволюция сибердиковской бесспорно финально-палеолитической индустрии в направлении «чистого» мезолита и слабо выраженный в сумнагинских чисто мезолитических материалах усть-тимптонский этап раннеголоценового палеолита, на что обращал внимание Н. Н. Диков⁴².

В заключение кажется уместным привести высказывание выдающегося геолога Д. В. Наливкина, посвященное проблемам, сходным с проблемами археологической периодизации: «Стратиграфические подразделения — это наши, человеческие построения. Они противопоставляются природе, единой и существующей независимо от нас. Расчленение разрезов — это дело человеческих рук. У каждого геолога, занимающегося стратиграфией, свои методы ее детализации, и каждый геолог так или иначе ошибается. Ошибки малые и большие неизбежны. Это надо знать и не считать себя всемогущим»⁴³.

1. Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*.— М., 1968; Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // МИА, 1966.— № 126; Формозов А. А. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА, 1970.— № 3; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии.— М., 1979.
2. Вишняцкий Л. Б. Резенция: *Hunters in Transition* // СА, 1989.— № 4.— С. 277.
3. Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита...; Рогачев А. Н. Некоторые вопросы...; Формозов А. А. О термине «мезолит»...; Диков Н. Н. Древние культуры...
4. Массон В. М. Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Археология СССР. Энеолит. СССР.— М., 1982.— С. 5.
5. Там же.
6. Массон В. М., Мунчаев Р. М. Энеолит СССР // Новейшие достижения советских археологов / Тезисы пленарных докладов Всесоюзной конференции.— М., 1977.— С. 10.
7. Мартынов А. И. Археология СССР.— М., 1973.— С. 76—107.
8. Массон В. М. Введение. Постановка вопроса...— С. 7.
9. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии.— М., 1989.— Рис. 104—106.
10. Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА, 1973.— № 172.— С. 54—65; Федосеева С. А. Ымьяхтагская культура Северо-Восточной Азии.— Новосибирск, 1980.
11. Массон В. М. Введение. Постановка вопроса...— С. 7.
12. Журавлев А. П. 1) О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии // КСИА, 1975.— Вып. 142; 2) Энеолит Карелии.— Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Петрозаводск, 1977.
13. Журавлев А. П. Энеолит Карелии...— С. 13.
14. Массон В. М. Введение. Постановка вопроса...— С. 7—8.
15. Там же.
16. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху.— М., 1952.— С. 7.
17. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА, 1961.— № 87.
18. Гурина Н. Н. Древняя история...— С. 82.
19. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М., 1981.— С. 68.
20. Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири.— Свердловск, 1977.— С. 7.
21. Гурина Н. Н. Древняя история...
22. Журавлев А. П. Энеолит Карелии...
23. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья.— М., 1988.— С. 14—22.
24. Стоколос В. С. Культуры эпохи...
25. Рындина Н. В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // АМУ, 1978.— Сер. 8. История.— № 6.— С. 79.
26. Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы.— М., 1972.
27. Стоколос В. С. Культуры эпохи...— С. 20.
28. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА, 1952.— № 29.— С. 16.

29. Григорьев Г. П. Культура и тип в археологии: категория анализа или реальность? // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.— М., 1972.
30. Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура...
31. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии.— Автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.06.— М., 1982.
32. Лузгин В. Е. Древние культуры...
33. Стоколос В. Е. Культуры эпохи...— Рис. 24.
34. Лузгин В. Е. Древние культуры...— С. 70—72.
35. Стоколос В. С. Культуры эпохи...— С. 77.
36. Массон В. М. Введение, Постановка вопроса...
37. Вишняцкий Л. Б. Рецензия...— С. 278.
38. Гурина Н. Н. Древняя история...
39. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья...— С. 5.
40. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии...
41. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.— Новосибирск, 1979.
42. Диков Н. Н. Древние культуры...— С. 89—100.
43. Наливкин Д. В. Детализация стратиграфии и палеонтологии // Современное значение палеонтологии для стратиграфии.— Л., 1982.— С. 12.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ
С КАМЕННЫМ ИНВЕНТАРЕМ В БАССЕЙНЕ ШЕКСНЫ

Изучение эпохи каменного века и раннего металла в бассейне Шексны затруднено тем обстоятельством, что большинство известных здесь памятников было размыто при строительстве Рыбинского водохранилища. Собранный на этих местонахождениях подъемный материал часто образует смешанные комплексы, по-видимому, многослойных поселений, в которых могут быть представлены одновременно наконечники стрел на пластинах, датирующихся эпохой мезолита, фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом и наконечники с двусторонней обработкой эпохи неолита, а также керамика с более сложным орнаментом или без него, относящаяся к эпохе раннего металла. В таких случаях разделить на хронологические группы каменный инвентарь, за исключением наконечников, практически, не удастся. Для изучения каждой эпохи этого региона и сравнительного анализа более ранних и более поздних памятников необходимо наличие «чистого» культурного слоя, поэтому открытие стратифицированного памятника в бассейне Шексны, каковым является многослойное поселение Усть-Андога I, имеет большое значение.

Памятник был открыт и исследовался автором в 1986—1987 гг. Он находится на левом берегу р. Суды (притока Шексны), в месте впадения в нее р. Андоги. К сожалению, большая часть его также размыта, так как река разлилась здесь примерно в 3 раза. В связи с подъемом воды изменилась и топографическая ситуация. В настоящее время памятник находится прямо на берегу, высота которого над уровнем воды в реке обычно не превышает 2 метров и только в сухие сезоны и поздней осенью составляет 3—4 метра. Можно предположить, что ранее памятник находился на краю I надпойменной террасы. Общие размеры вскрытой площади составили 160 м². Исходя из того, что сохранилась, вероятно, только небольшая часть памятника, раскопками была исследована узкая береговая полоса шириной 5—6 метров и длиной вдоль берега, соответственно, 28 м. На памятнике залегает три разновременных культурных слоя, относящихся к эпохам мезолита, неолита и раннего металла, которые различаются по окраске и глубине залегания. В связи со сложными конструктивными особенностями, в частности, нижнего культурного слоя, а также в силу произошедших разрушений верхней поверхности, стратиграфия памятника отличается сложностью и неодинакова на разных участках. В среднем, общий характер залегающих на памятнике слоев является следующим: 1) дерн — мощн. 0,5—

0,1 м; 2) темно-коричневая гумусированная супесь — 0,3—0,4 м; 3) желто-коричневая супесь — 0,1—0,15 м (2 и 3 — культурный слой эпохи раннего металла); 4) желтый песок со слабым оранжевым оттенком (неолитический слой) — 0,15—0,2 м; 5) стерильный песок желтого цвета — 0,4—0,6 м; 6) темно-бурая супесь (мезолитический слой) — 0,15—0,2 м; 7) материк — речной песок светло-серого цвета. В центре раскопанной площади находилась яма позднего происхождения, уничтожившая на данном участке верхний культурный слой и часть неолитического. Здесь под дерном залегает светло-серая супесь мощностью 0,1—0,2 м, представляющая собой, очевидно, продукт смешения двух разновременных слоев, что вытекает из характера обнаруженных в ней находок.

Верхний культурный слой слабо насыщен находками, причем их больше в верхней части слоя — темно-коричневой супеси, чем в нижней части — желто-коричневой супеси. Каких-либо особенностей не наблюдалось, кроме скопления крупных отщепов и неполного развала сосуда; последний находился в понижении слоя в виде западины, уходящей в стенку раскопа. Находки верхнего культурного слоя представлены фрагментами керамики и изделиями из кремня. Общее количество фрагментов керамики — 268, но большинство из них имеет очень мелкие размеры и, вследствие этого, мало информативно. Все же можно выделить 3 разных группы керамики, главным образом по цвету и характеру теста.

Первая группа (35 фрагментов) отличается светло-желтым цветом с оранжевым оттенком, поверхность часто замыта, орнамент прослеживается слабо; в качестве элементов орнамента выделены мелкие ямки, узкие вдавления в виде полос с более сильным нажимом на одном конце, прямые полосы гребенчатого штампа, елочный узор из гребенки, сетка и полосы заглаживания; крупных примесей в тесте нет; форма сосуда не восстановлена.

Вторая группа (187 фрагментов) имеет темно-коричневый или серо-коричневый цвет, в тесте — примесь крупной дресвы, плотная; края венчиков слегка отогнуты наружу, верхний срез в нескольких случаях орнаментирован различными приемами: это отпечатки короткого двузубого штампа; короткие, узкие и частые насечки в виде прямых полос; редкие насечки; мелкие округлые вдавления; внешняя поверхность сосудов в большинстве случаев гладкостенная, на нескольких фрагментах наблюдается нечеткая сетка, полосы заглаживания, короткие черточки в разных направлениях, параллельные полосы гребенчатого штампа.

Третья группа (46 фрагментов из развала) плоскодонная, с неровным обжигом (внутренние стенки черного цвета, внешние — желто-коричневые), в тесте встречаются примеси дресвы и песка, но преобладает растительная примесь; не орнамен-

тирована, но иногда на внешней поверхности наблюдаются полосы от заглаживания в разных направлениях. Выделенные группы керамики являются разновременными: более ранняя I группа, более поздняя — III группа. Период бытования данных групп керамики охватывает II—I тыс. до н. э. Пока трудно соотнести их с какими-либо культурами, поскольку памятники данного времени, условно именуемого эпохой раннего металла, в данном районе слабо исследованы.

Каменный инвентарь, найденный на ненарушенных участках верхнего слоя, представлен изделиями из галечного кремня: 109 отщепов (2 с ретушью); 46 чешуек; аморфный нуклеус; нуклевидный обломок; 3 скребка на отщепах: 2 концевых (рис. 1; 1,2), 1 случайной формы; 3 скобеля на отщепах (рис. 1, 3, 5); скобель-нож на крупном отщепе удлиненно-овальной формы, на боковых сторонах которого, обработанных ретушью со стороны спинки есть несколько выемок; узкая ножевидная пластина с мелкой ретушью по боковым краям (рис. 1, 4). Кремень, из которого сделаны орудия, отличается от кремня из нижних слоев: он более низкого качества, матовый, сильнее патинирован.

В целом, явление, когда культурный слой при его относительно большой мощности слабо насыщен находками, характерно для таких памятников в данном районе: то же самое наблюдается на поселениях Никольское-Андогское I, II, расположенных в 15 км выше по течению Андоги¹.

Культурный слой эпохи неолита, как уже указывалось, залегает в желтом песке со слабым оранжевым оттенком и подстилает верхний культурный слой. В местах разрушения верхней поверхности он находится непосредственно под серой мешанной супесью, которая частично разрушила и сам неолитический слой. Практически, он представляет, очевидно, верхнюю часть толщи расположенного ниже стерильного песка. Слабый оранжевый оттенок, отличающий слой, наблюдался только при зачистке стенок раскопа. При разборке горизонтальных пластов слой выделялся по находкам. В неолитическом слое зафиксировано несколько углистых пятен; 2 округлых пятна с прокаленным песком ярко-оранжевого цвета, насыщенных мелкими обломками кальцинированных костей, очевидно, остатки кострищ; охристое пятно под округлой формы размерами 1,28 × 1,52 м, мощностью 0,1 м, ярко-красного цвета, в заполнении которого были найдены скребок и несколько обломков кальцинированных костей. Рядом с охристым пятном отмечено скопление находок. В слое найден многочисленный каменный инвентарь и только 13 фрагментов керамики. Последняя характеризуется сплошной ямочной орнаментацией, диаметр ямок составляет 5—8 мм, причем преобладают ямки, нанесенные под углом; в тесте есть мелкие примеси. Каменный инвентарь изготовлен из галечного разно-

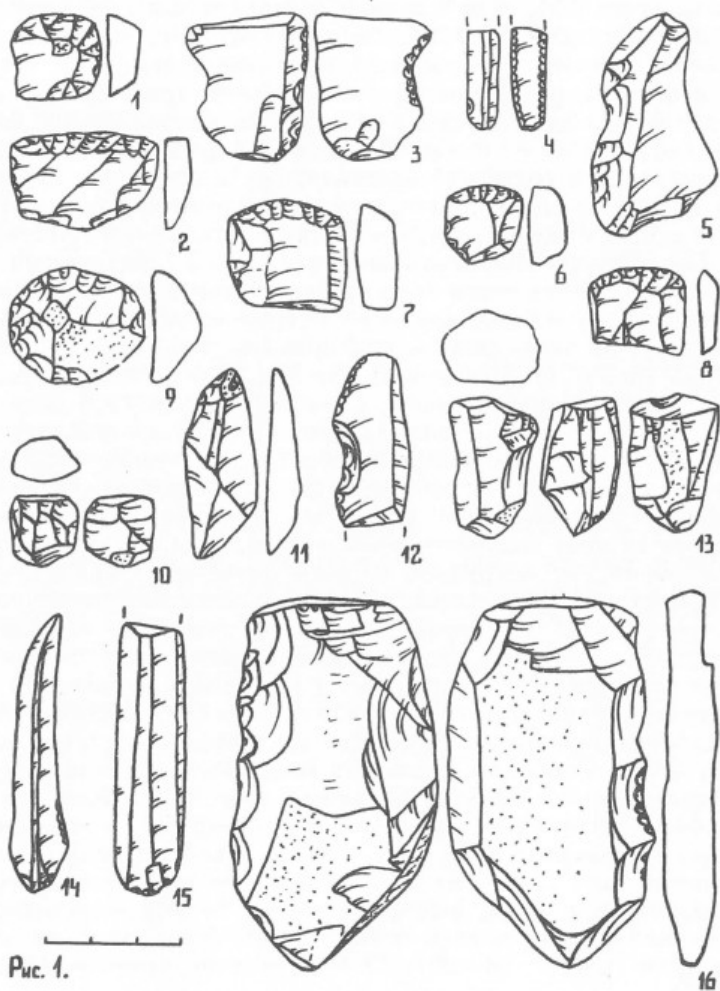

Рис. 1.

Рис. 1. 1—5 — находки из верхнего культурного слоя; 6—16 — находки серой супеси. Кремьень.

цветного кремня: 2184 отщепа, 2215 чешуек, 15 нуклеусов, 14 нуклевидных обломков, 14 сколов с нуклеусов, 1 ребристый скол, 176 пластин и сечений, 4 изделия из пластин, 6 изделий на отщепах с ретушью, нож, 2 скобеля, 73 скребка, 4 наконечника стрел, обломок наконечника копья.

Все нуклеусы небольших размеров, 3 — подконусовидной формы (рис. 2.2), еще 5 можно отнести к тому же типу — с одной площадкой и вертикальными снятиями, но менее правильной формы; 1 — торцовый на плоской плитке с сохранившейся с двух сторон галечной коркой (рис. 2.3); 6 неопределимой формы со сколами в разных направлениях. Большинство пластин не имеет правильной формы (к ножевидным можно отнести только 39 экземпляров), в основном, это сечения или пластины, обломанные с одной стороны, причем сохранялась, преимущественно, нижняя часть, целых пластин — 14. Преобладают пластины шириной 0,7—1,1 см, длиной 1—2 см, хотя встречаются также более узкие и более широкие, более длинные и более короткие. Вторичная обработка наблюдается на 32 экземплярах, как правило, это мелкая краевая ретушь (рис. 2.4). Изделия из пластин: 2 — на микропластинках с приостренным концом, обработанным мелкой ретушью по краям со стороны брюшка (рис. 2.1); 1 микропластинка с резовым сколом, обработанным мелкой ретушью; 1 обломок пластины с приостренным концом, обработанным противоположной ретушью (рис. 2.6). Нож изготовлен на крупном плоском отщепе подтреугольной формы, один длинный острый край обработан некрупной плоской ретушью с двух сторон, на втором выделен обушок, ретушь нанесена со стороны спинки (рис. 2.21). 2 изделия, возможно, являются обломками ножей — на пластинчатых отщепах, обработанных по одному краю со стороны спинки (рис. 1.11). Одно изделие на обломке пластинчатого отщепа, края которого обработаны мелкой двусторонней ретушью, возможно, служило в качестве резчика (рис. 2.16). Скобели сделаны на отщепах, на боковых краях которых ретушью оформлены выемки (рис. 2.15). Большинство скребков изготовлено из отщепов, только 9 на пластинах. 26 экз. — концевые (рис. 2.10, 12), на одном из них нанесен резовый скол (рис. 2.9); 3 — на отщепах подкруглой формы с обработкой по всему периметру (рис. 2.14); 32 — на отщепах случайной формы, причем обработка иногда заходит на боковые края (рис. 2, 18—20); 12 — на мелких отщепах (рис. 2, 13, 17).

Наконечники стрел обработаны с двух сторон, 1 целый — листовидной формы с прямым основанием (рис. 2.5), остальные сломаны (рис. 2.7). Наконечник копья, видимо, был листовидной формы; с двух сторон обработан ретушью (рис. 2.8).

В коллекции есть также массивный плоский скол с рубящего орудия из сланца, несколько обломков кварца и не-

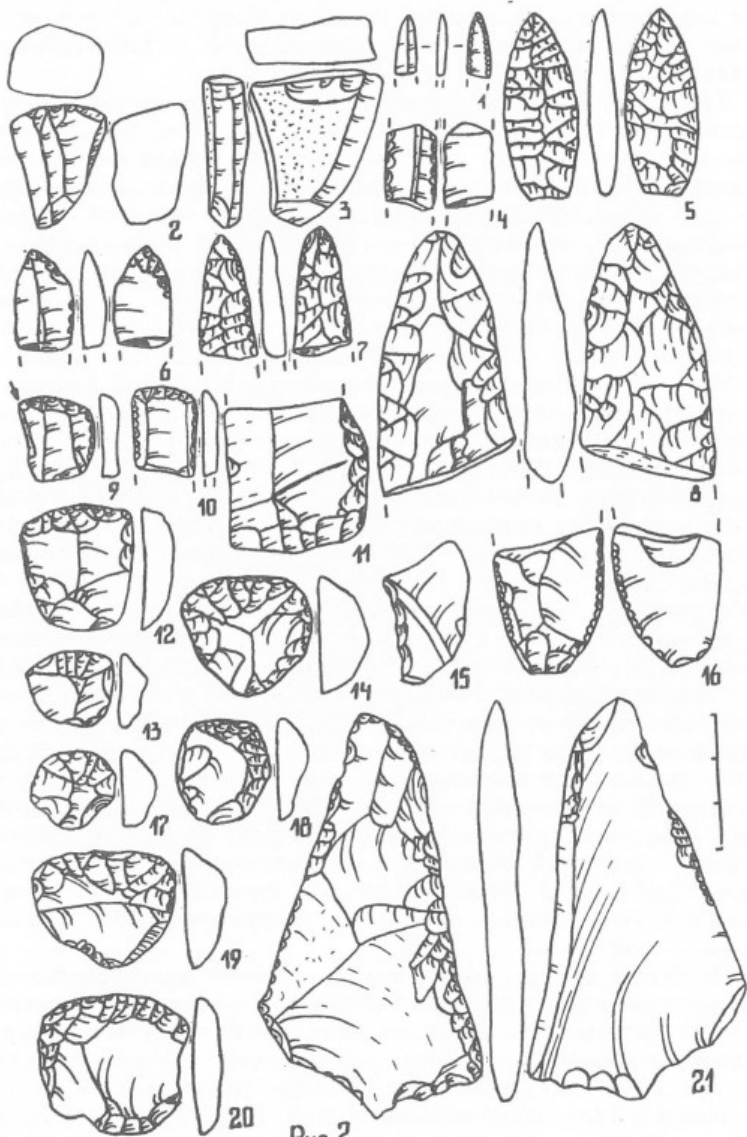

Рис. 2.

Рис. 2. Кремневый инвентарь неолитического слоя.

большой фрагмент костяного изделия с отверстием и нарезками по боковой стороне.

В целом, материалы неолитического слоя находят аналогии в еще неопубликованных стоянках Ягорбы² и памятниках более северной территории, относящихся к каргопольской культуре³.

Как уже указывалось, в месте разрушения верхней поверхности, залегает серая супесь, в которой смешаны разновременные находки. И если не представляло трудности выделить разные типы керамики, то разделить кремневый инвентарь на две хронологические группы гораздо сложнее. Можно предположить, что большая часть относится к эпохе неолита. В серой супеси найдено: 521 отщеп, 185 чешуек, 9 нуклеусов, 2 нуклевидных обломка, 5 сколов с нуклеусов, 28 пластин и сечений, 20 скребков, 1 скобель, 2 заготовки, 5 отщепов с ретушью.

Нуклеусы небольших размеров не имеют четкой формы, но по способу получения заготовок (наличия одной площадки и вертикальных снятий) близки к подконусовидным или подпризматическим (рис. 1,10,13). Большинство пластин неправильной формы, только 3 экз. — ножевидные (рис. 1,15), остальные с неровными краями или изогнуты в профиле (рис. 1,14). В основном, это сечения или пластины с обломанной верхней частью, шириной 0,7—1,0 см, длиной 1—3 см. Вторичная обработка отмечена на одной пластине. Большинство скребков на отщепах, только 1 на обломке пластины. 3 экз. — концевые (рис. 1,7,8), 7 — на отщепах случайной формы (рис. 1,9), 3 — округлой формы, 7 — на мелких отщепах концевого типа (рис. 1,6). Скобель сделан на отщепе, на боковой стороне ретушью оформлена крупная выемка (рис. 1,12). Заготовка орудий — на плоских плитках, одна сломана; вторая — является заготовкой наконечника копья или ножа с обушком: обработана сколами и ретушью с двух сторон, один край острый, второй — широкий, плоский; частично сохранилась галечная корка (рис. 1,16). Одно орудие на пластинчатом отщепе с приостренным ретушью концом могло применяться в качестве резчика (рис. 1,11).

Наиболее интересным оказался нижний культурный слой. Находящаяся над ним толща стерильного песка предоохранила слой от разрушения. Мезолитический слой имеет темно-бурю окраску и залегает в разных структурных компонентах, преимущественно, в супеси. Слой насыщен изделиями из камня и обломками кальцинированных костей. В ходе работ в центре раскопа было зафиксировано большое пятно суглинка такого же темно-бурого цвета размерами 5,6 × 5,8 м, обильно насыщенное остатками сгоревшего дерева. Здесь же находился очаг, сложенный из крупных камней, диаметром 1 м. В раскоп попали части двух больших западений слоя. Одно из них

углублялось в материк на 0,4—0,5 м; дно ее выстлано темно-бурым суглинком и, ниже, тонкой прослойкой плотного суглинка пепельного цвета. А заполнение западины состояло из «мешаного» слоя, имевшего пятнистый фон; среди его компонентов можно выделить темно-бурую супесь и включения материкового светло-серого песка. «Мешаный» слой слабо насыщен находками, в отличие от подстилающего его суглинка. В этом же западении был расчищен очаг, по форме и размерам подобный первому. Возможно, западина представляет собой дно жилища, хотя следы крепления кровли и стен не прослеживались. «Мешаный» слой мог образоваться как затек или заплыв, образовавшийся в период речной трансгрессии. Второе западение было заполнено таким же «мешаным» слоем, но в нем не было очага, и в целом отмечалось небольшое количество находок; видимо второе западение нельзя связывать с жилищем. Также в мезолитическом слое находился еще один очаг — маленький, диаметром 0,6—0,8 м, сложенный из мелких камней (ритуальный?).

Каменный инвентарь нижнего слоя: 1350 отщепов и осколков, из которых 27 — с ретушью; 1596 чешуек; 14 нуклеусов; 8 нуклевидных обломков; 10 сколов с нуклеусов; скол подновления площадки нуклеуса; 274 пластины и сечения; 3 ребристых скола; 186 скребков; 1 скобель; пилка; 3 обломка наконечников стрел; 6 заготовок орудий; 3 отбойника; обломок рубящего орудия, подвеска; 4 орудия неясного назначения; плоская сланцевая плитка подтреугольной формы.

Большинство нуклеусов — типа, близкого к конусовидным, т. е. наличие одной площадки и вертикальных снятий. 2 нуклеуса — наиболее ярко представляют этот тип (рис. 3; 7,8). 3 экз. — торцовые, на одном из них грани снятий находятся под прямым углом. Большинство пластин неправильной формы (36 экз. — ножевидные), в основном это сечения длиной 1—3 см, шириной 0,7—1,0 см. Значительный процент составляют также более узкие (0,4—0,6 см) и более широкие пластины (1,1—1,5 см). Ретушью обработано 44 пластины (рис. 3,2,3). Большинство скребков на отщепах, на пластинах — 15 скребков. Концевые составляют 51 экз. (рис. 3, 15—17); на отщепах округлой формы с обработкой по периметру — 5 экз. (рис. 3,10); на отщепах случайной формы — 95 экз. (рис. 3,6, 11—13). 1 скребок с боковой стороны обработан резцовыми сколами. Выделяется 6 скребков, сделанных из крупных отщепов (рис. 3,14). Пилка изготовлена на пластине неправильной формы с приостренным концом, обработанным мелкой ретушью со стороны спинки (рис. 3,5). Наконечники представлены обломками, но, очевидно, что сделаны они на пластинах с частичной подработкой острых концов, т. е. постсвидерского типа (рис. 3; 1,4).

Среди заготовок орудий выделяются заготовки скребла, ножа-скребла, рубящих орудий. 1 — заготовка, вероятно, крем-

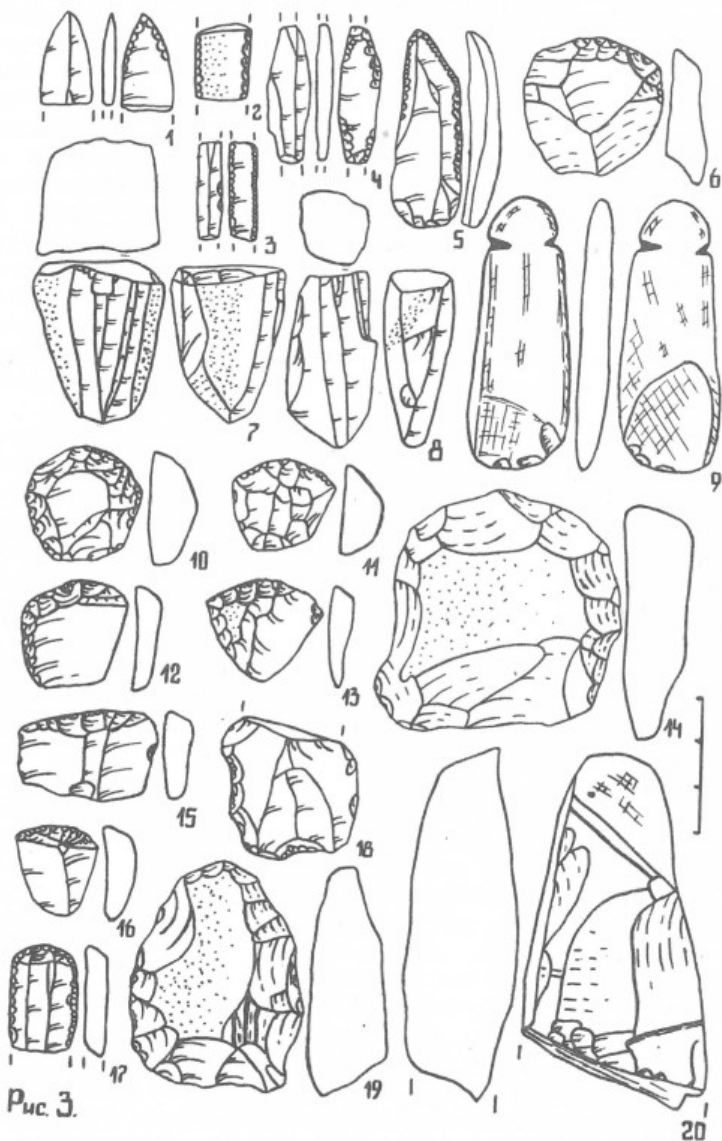

Рис. 3. Изделия мезолитического слоя. 9, 20 — сланец, остальное — кремль.

невого топорика — на небольшом отщепе подтреугольной формы, обработана плоскими сколами со стороны брюшка и крутыми — со стороны спинки (рис. 3,19). Обломок рубящего орудия сделан из сланца, обработан двусторонней оббивкой, сохранилась только обушковая часть (рис. 3,20). Одна из интересных находок — подвеска-ложило (определенная так в трасологической лаборатории ЛОИА АН СССР). Она изготовлена из сланца, с двух сторон — небольшие нарезки, имеет вытянутую подтреугольную форму; на нижнем, чуть расширенном конце — следы использования (рис. 3,9).

Аналогии материалам мезолитического слоя можно привести в материале памятников Андозеро-М и Муромское VII, которые их исследователи датируют VI—V тыс. до н. э.⁴

Исследованный нами многослойный памятник Усть-Андога I, очевидно, демонстрирует последовательную смену культур от эпохи мезолита до раннего металла в бассейне Шексны. Интересно отметить, что каменный инвентарь нижнего и среднего культурных слоев не претерпевает больших изменений: в неолите сохраняются те же типы скребков, которые бытовали в эпоху мезолита, продолжает бытовать пластинчатая техника. Изменяется только способ обработки наконечников и соотношение пластин и отщепов в пользу последних. Видимо, неолит появляется здесь на местной мезолитической основе; это создает известную трудность при работе со смешанными комплексами размытых памятников.

1. Кандакова Н. В. Отчет... за 1987 г.— С. 45—49.

2. Коллекции Череповецкого краеведческого музея.

3. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья.— М., 1978.

4. Она же. Мезолит...— С. 176; Косменко М. Г., Витенкова И. Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА, 1980.— № 4.— С. 128.

ПОСЕЛЕНИЕ СТАРЧИКИ И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Решение проблемы периодизации эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа наталкивалось до сих пор на отсутствие стратифицированных памятников и закрытых комплексов. Это связано с тотальным ограблением или ритуальным очищением дольменов при повторных погребениях, а также с бедностью и однообразием сопровождающего инвентаря, не чувствительного к хронологическим переменам.

В силу этих причин мы имеем лишь самое общее представление о культуре строителей дольменов (КСД). Это, главным образом, данные по архитектуре дольменов, которые позволили исследователям выделить локальные районы, отличающиеся средними величинами параметров сооружений. Но попытка выделить раннюю группу дольменов упирается в отсутствие археологических материалов.

Итак, изучение КСД на материалах погребальных памятников явно зашло в тупик, вместе с тем тысячи дольменов, расположенные на территории предгорий Западного Кавказа, свидетельствуют о значительной плотности населения и об оседлом его проживании. Последнее позволяет надеяться на разрешение проблемы периодизации и хронологии эпохи средней бронзы Северо-Западного Кавказа на материалах поселений.

В нашем распоряжении имеются материалы из нескольких бытовых памятников эпохи средней бронзы, расположенных в ареале кавказских дольменов. Анализ керамических комплексов, в основе которого лежат материалы эталонного многослойного памятника — поселения Старчики, позволяет расчленить весь массив памятников изучаемого периода на три последовательные стадии.

Остановимся на характерных признаках трех сменяющих друг друга керамических комплексов. В основу такого членения положен анализ следующих признаков — технологического, морфологического и декоративного. (Рис. 1)

1. Ранний этап КСД.

а) технологические признаки керамического комплекса.

Отощитель — дробленый известняк — 95%; ракушечник или раковина — 3%; дробленый кварцит, песок — 2%. Обжиг костровой, неравномерный. Режим обжига чаще восстановительный. Выделяется группа керамики с ракушечником в качестве отощителя. Она имела черную лощеную поверхность и светлый цвет (охристый, серый) в изломе и изнутри.

Формовка сосудов ленточная. Стенки сосуда примазы-

вались к блоковидно вогнутому краю плоского донца. Характерно, отмеченное впервые для керамики кавказских дольменов Е. Д. Фелицыным прикрепление плоских петельчатых ручек при помощи глиняных шпеньков, пропущенных через отверстие в стенке сосуда и примазанных изнутри. Этот прием повторяет способ крепления ручки металлического сосуда при помощи заклепки.

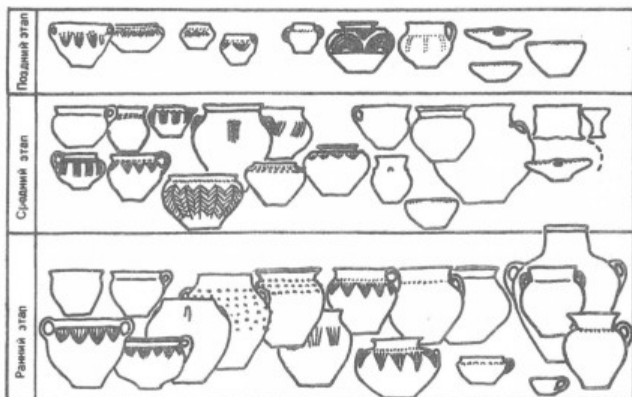

Рис.1. Эволюция керамики КСД (из статьи М.Б. Рысова)

Восстанавливается технологический прием, маркирующий керамику раннего этапа КСД: при формовке крупных сосудов применялся каркас из прутьев. Такой каркас выгорал при обжиге, а на внутренней стороне стенок сосудов оставались его отпечатки в виде глубоких борозд.

Большинство сосудов имели тщательно заглаженную, местами залощенную поверхность. Выделяются фрагменты от сосудов с ангобированной поверхностью (коричневого, охристого и красного цветов). До 3% фрагментов имеют поверхность с расчесами «гребенкой».

б) морфологические признаки керамического комплекса.

Все сосуды плоскодонные. Донце иногда слегка вогнуто вовнутрь. В единичных случаях имеется поддон или закраина. Порожек или желобок подчеркивает границу между плечиками и шейкой сосудов. Наружный край венчика часто утолщен наlepным «воротничком». Края мисок и чаш утолщены изнутри, либо завернуты вовнутрь. Продольное рифление ручек напоминает ребра жесткости металлической посуды. Характерными типами сосудов являются кружки, кубки, амфоры, миски и чаши. Особую группу составляют миниатюрные сосудики. Есть фрагменты от сосудов на ножках, чайников, крупных толстостенных сосудов-пифосов.

в) декоративные признаки керамического комплекса.

Орнаментировано более трети сосудов. Орнамент располагался узким фризом на плечиках сосудов, на их ручках, а

также на верхнем краю мисок и чаш. Приемы нанесения орнамента: накол, наlep, желобчатый, тонко прочерченный. Изредка применялись отиски веревочки, зубчатого штампа или наколы ногтя. Наиболее распространенная композиция декора — горизонтальный пояс под шейкой сосуда с «подвешенными» к нему вертикальными элементами — треугольниками, зигзагами, прямоугольными шевронами. Чаще, однако, декор ограничивается горизонтальным поясом под шейкой сосуда. Из-за смены элементов, мотивов и способов нанесения орнамента декор полностью не повторяется даже среди однотипных сосудов. Все же, поскольку на разных сосудах повторяется композиционное решение декора, можно предположить, что именно композиция была носителем семантической нагрузки, выражаемой орнаментом.

Ниже приводим итоговую характеристику керамического стиля раннего этапа КСД. Стиль керамического комплекса определяется сочетанием следующих признаков: плоскодонная керамика ручной формовки; разработанная система типов и вариантов; узкодонные сосуды с плавными линиями тулова, четко отделенной шейкой, стройными пропорциями; плоские петельчатые ручки на плечиках либо у края венчика; гладкая темная поверхность сосудов и скупой рельефный декор, располагающийся узким фризом под шейкой горшков и на краю венчиков мисок; использование прутьевого каркаса при формовке крупных сосудов; группа чернолощеной керамики со светлой «подкладкой» и ангобированные сосуды; в качестве отощителя преобладает известняк; подражание (особенно в столовой посуде) металлическим образцам, связанное, возможно, с особой престижностью последних. Таков стиль керамики раннего этапа КСД.

Исходя из сочетания признаков к памятникам этого этапа кроме нижнего горизонта третьего слоя поселения Старчики следует отнести Дегуакско-Даховское поселение, слои 8/9 в Гуамском гроте, Геленджикское селище, стоянку в Дивноморске, слой-В в гроте Тоннель Большой Воронцовской пещеры. К этому же этапу относятся и фрагменты керамики из верхних штыков стоянок Мешоко, Скала, Яменова Поляна, керамика из дольменов, а также керамика со светлой «подкладкой» из стоянки строителей дольменов на Богатырской Поляне.

II. Средний этап КСД.

а) технологические признаки керамического комплекса.

В качестве отощителя применяется дробленый известняк — 70% и кварцит — 30%. Обжиг костровой, неравномерный. Часто в центре излома темная прослойка. Преобладает темноцветная керамика, реже встречается сероцветная и охристая, еще реже — оранжевая и красная. Поверхность большей части керамики тщательно заглажена. Изредка отмечается лощение сосудов. До 20% сосудов обработано расчесами «гребенки».

Нет сосудов с ангобом. Редко употребляется при формовке прутьевой каркас.

б) морфологические признаки.

Новый признак — сдвоенные петельчатые ручки у края венчика. Ручки сосудов часто столь малы, что несут скорее семантическую нагрузку (они могли служить лишь упором при поднятии сосуда). Часто встречаются ручки-выступы. Вертикальные дольчато-разделенные выступы напоминают ручки в виде «флейты Пана» из Циркумпонтийского круга культур. Характерные формы: кружка, амфора с ручками на плечиках, миски, чаши. Появляются новые типы: сосуды с носиком-сливом и горизонтально завернутым внутрь краем венчика; реповидные сосуды с горизонтально отогнутым краем и валиком с насечками на плечиках; чаши на высокой цилиндрической ножке — «рюмки».

в) декоративные признаки.

Орнаментировано более половины сосудов. Зона орнамента расширяется, часто занимая целиком плечики и верх тулова. Изредка декор занимает придонную часть и шейку сосуда. Изменяются приемы нанесения орнамента: выходит из употребления желобчатый орнамент; в три раза сокращается применение налепного декора (в том числе исчезают гладкие валики); в три раза чаще употребляется прочерченный орнамент в сочетании с наколами; широко применяются различные виды штампов — веревочка, зубчатый штамп, спиральный, подтреугольный. «Пышность» декору придает сочетание трех приемов нанесения (например, накол, налеп и прочерченный) и расширение орнаментальной зоны. Глубокий расчес, покрывающий всю поверхность сосуда приобретает характер декора. В композицию вводятся жемчужины, выдавленные изнутри. Над ручками появляются характерные налепные шишечки, а сами ручки богато декорируются в различной технике.

Ниже приводим итоговую характеристику керамического стиля среднего этапа КСД. Стиль характеризуется четким, ограниченным набором типов с малым количеством вариантов. Ведущие типы: малые и средние горшки с ручкой у венчика; крупные амфоры с ручками на плечиках; асковидные сосуды с завернутым внутрь краем венчика; миски; «рюмки». Характерен «пышный» декор в виде широкого фриза на плечиках, иногда занимающий придонную часть и шейку сосуда. Применяется в орнаменте сочетание нескольких приемов для его нанесения, чередование различных видов штампов, налепов с насечками. Над ручками налепные шишечки. Две группы по отощителю глиняного теста: с дробленным известняком и с дробленным кварцитом.

К среднему (второму) этапу КСД кроме верхнего горизонта третьего слоя поселения Старчики могут быть отнесены керамические комплексы следующих памятников: верхняя

часть слоя Дегуакского поселения; слой-7 в Гуамском гроте; слой-Б грота Тоннель; стоянка перед четвертым входом в Большую Воронцовскую пещеру; стоянка Чубукина Поляна; керамика из разрушенной стоянки в гроте Хаджох-3; керамика из дольменов и комплексы из подземных склепов Красной Поляны.

III. Поздний этап КСД.

а) технологические признаки керамического комплекса.

Отощитель-дробленый известняк — до 40% и кварцит — более 60%. Обжиг неравномерный, часто в центре излома темная прослойка. Цвет большинства сосудов светлый (светло-серый, охристый, оранжевый). Режим обжига окислительный. Изнутри поверхность часто черная или серая. Темноцветной керамики около 20%. Большинство сосудов имеют небрежно заглаженную поверхность. Около 10% сосудов обработано «гребенкой».

б) морфологические признаки.

Количество типов сосудов уменьшилось по сравнению с предыдущим этапом. Не встречаются сосуды с резким переходом от плечиков к шейке. Исчезают сосуды с широкими плечиками и высокой шейкой. Наиболее распространены следующие типы: малые и средние горшки с ручкой у края венчика; широкие приземистые кубки; асковидные сосуды с завернутым внутрь краем; миски и чаши. Исчезают миниатюрные сосудики.

в) декоративные признаки.

Орнаментировано около половины сосудов. Степень орнаментации ниже, чем на предыдущем этапе. Декор ограничен фризом на плечиках и верхней части сосудов. Распространен по-прежнему однообразный орнамент из горизонтального пояса со «свисающими» треугольниками, реже «елочками». Самый употребительный прием нанесения декора — накол в сочетании с прочерченным, либо оттиснутым зубчатым штампом орнаментом. Часто на плечиках сосудов располагаются наклепные валики с насечками. На одном реповидном горшке нанесен «пышный» орнамент с использованием перевернутых сюжетов. Орнамент нанесен небрежно, с нарушением ритма, он неглубок и слабо различим на неровной поверхности сосудов. Ниже приводим итоговую характеристику керамического стиля позднего этапа КСД. Стиль керамического комплекса характеризуется: незначительным числом типов сосудов (результат унификации); плавными линиями формы, невысокими шейками; отсутствием открытых сосудов; небрежностью формовки, обработки поверхности и нанесения декора; скупым, однообразным декором (с преобладанием валиков с насечкой и прочерченного орнамента). Декор не гармонирует с формой сосудов и их небрежно выровненной поверхностью. В качестве отощителя чаще используется дробленый кварцит.

К позднему (третьему) этапу КСД кроме второго слоя

поселения Старчики относятся материалы стоянки Чубукина Поляна и слоя 6-б в Гуамском гроте.

Итак, анализ материала позволяет прийти к следующим выводам:

1. Рассматриваемые керамические комплексы, судя по наличию общих (сквозных) признаков, можно объединить в рамках одной культуры.

2. Различия между комплексами можно рассматривать как результат эволюции в рамках развития единой археологической культуры.

3. Три последовательно сменяющих друг друга керамических комплекса из поселения Старчики отражают три хронологических этапа, пройденных археологической культурой на данной территории.

Учитывая компактное расположение рассматриваемых памятников в ареале западнокавказских дольменов их можно относить к одной археологической культуре. Это подтверждают находки соответствующих материалов в дольменах, а также расположение долговременных поселений вблизи от наиболее крупных дольменных некрополей (Старчики, Дегуакское поселение). Веским доводом в пользу принадлежности поселенческой керамики строителям дольменов служит находка аналогичной посуды в культурном слое стоянки, расположенной у рядов дольменов на Богатырской Поляне.

Чтобы использовать установленную последовательность этапов развития КСД для решения проблем периодизации и хронологии в регионе, обратимся к материалам соседних северных территорий и попытаемся сопоставить протекавшие там процессы с западнокавказскими.

При переходе к эпохе средней бронзы в степной зоне (Прикубанье, Северо-Восточное Приазовье, Нижний Дон) прослеживается ряд инноваций. Здесь распространяется катакомбная форма погребального сооружения, особая планиграфия погребений (на погребенке или в поле кургана по дуге), использование жаровен из фрагментов сосудов, новый по стилю керамический комплекс. Само появление катакомбы в степях сегодня рассматривается как культурный фон, и сопоставляется по конструктивным особенностям с кавказскими дольменами¹.

На наш взгляд, дольмены и катакомбы следует рассматривать в более широком контексте. А именно, перечисленные инновации погребального обряда (в том числе появление катакомб и дольменов) отражают распространение склеповых погребений и включены в круг идей, формирующих новую культурную парадигму эпохи средней бронзы. Склеповая форма погребения закрепляла в обряде определенный уровень осознания членами локальной группы своего единства. Однако эта идея реализовалась в различных формах, в зависимости от

конкретных условий. В предгорьях, в условиях устойчивой оседлости населения она была выражена в своей «классической» форме — подхоронения в одном сооружении — в дольменах и подземных склепах Западного Кавказа, склепах Чечено-Ингушетии, катакомбах Дагестана. В степной зоне с подвижным населением роль склепа выполняла возвышенность (насыпь), в которую последовательно впускались погребения. Такими «склепами» являлись расположенные по дуге новотитаровские погребения в ямах, и ранние катакомбы, и объединенные спиральной каменной выкладкой погребения Пятигорья. Неслучайной представляется в такой интерпретации параллель между рядами погребений, впущенных в южные и восточные полы степных курганов (южная ориентация «лица» новотитаровцев), и рядами дольменов, при постройке которых также предпочитались «солнечные» склоны возвышенностей и насыпей курганов. Еще одна параллель — использование в обряде погребения угля, жаровен, курильниц и миниатюрных сосудиков.

С подобных позиций появляется возможность и для интерпретации инноваций керамического комплекса степной зоны как части «пучка идей», формирующих культурную парадигму эпохи средней бронзы в регионе (адекватно идее склепа в погребальном обряде).

Попытаемся охарактеризовать новую, отличную от позднейшей, керамику, распространившуюся в степном Прикубанье, Приазовье и на Нижнем Дону в период формирования здесь культур эпохи средней бронзы. В качестве отощителя применяется дробленый известняк; поверхность тщательно заглажена, часто залощена; цвет поверхности темный; характерны стройные пропорции, четко отделенная от плечиков шейка (часто порожек в основании шейки), выделенное дно, утолщенный снаружи край венчика, плоские петельчатые ручки, прикрепление ручек на шпеньках и их продольное рифление; скупой рельефный декор под шейкой сосудов (наколы, налеты). Редко встречаются сосуды с прочерченным или желобчатым орнаментом (треугольники, зигзаги). Типы сосудов: кружки, кубки, амфоры, горшки, миски и миниатюрные сосудики. Появляются чаши на ножках — полиподы. Есть темнолощеные сосуды со светлой «подкладкой». Судя по комплексу перечисленных признаков, «новая» степная керамика находит полное соответствие с керамикой раннего этапа КСД на Западном Кавказе. Позднее, на ранне-донецком этапе, в степи складывается яркий катакомбный керамический комплекс. Культурные группы обретают собственное неповторимое лицо, в том числе и в керамике. Для стиля керамики этого этапа предложено название — «спирально-концентрический» или «кубковый»³. Отличительные ее признаки следующие: ограниченный набор четко выраженных типов с малым количеством вариан-

тов; плавные линии профиля сосудов, округлое тулово; заглаженная поверхность (без ангоба и лощения), часто расчесы «гребенкой»; декор занимает плечики, однако распространяется на придонную часть и на шейку сосудов. Декор катакомбной керамики этого времени носит «пышный» характер. Чаще всего он нанесен штампами различных видов, применяется сочетание нескольких способов нанесения орнамента на один сосуд. Распространена композиция из горизонтального пояса с «подвешенными» к нему треугольниками, дугами, шевронами. Можно заметить определенные соответствия катакомбной керамики и керамики КСД второго этапа, причем не только в признаках стиля, но и в основных направлениях перемен в керамическом комплексе (например, снижение качества обработки поверхности сосудов, повышение степени орнаментации, сочетание нескольких способов нанесения орнамента, повышение роли штампов в декоре).

На позднем этапе происходит унификация признаков керамики различных катакомбных культур (эклектика, по С. Н. Братченко) ⁴. В дальнейшем образуется обширная культурная общность КМК, а затем происходит смена культурной парадигмы при переходе к эпохе поздней бронзы.

Керамика позднего этапа развития катакомбных культур сближается по своим характеристикам с керамикой позднего этапа КСД. Совпадают и направления происходящих при переходе к позднему этапу перемен: регресс в качестве обработки поверхности; сокращение набора типов; снижение степени орнаментации; небрежность в нанесении орнамента и изменение его стиля (частое употребление наклепных валиков с насечками в сочетании с прочерченными треугольниками, более редкое применение штампа, использование «перевернутых» сюжетов — треугольников, дуг).

При сравнении на уровне типов сосудов керамика поздних этапов КСД обнаруживает особую близость с керамикой предкавказской катакомбной культуры (в особенности ее батуринской группы в степном Прикубанье) ⁵. Соответствия прослеживаются по типам, формирующим облик керамического комплекса: реповидным горшкам, крупным амфорам с ручками на плечиках, чугуновидным горшкам. (Рис. 2)

Схема периодизации для Центрального Предкавказья построена на основании смены групп погребального инвентаря. Анализируя керамику из погребений Верхнего Прикубанья, Пятигорья, Кабарды и Северной Осетии можно заметить, что «генеральные» направления в развитии керамических комплексов центральной и западной части Северного Кавказа во многом совпадают. Так, в центральной части Северного Кавказа при переходе от раннего этапа развития к среднему происходит усиление культурного своеобразия (в рамках культур и локальных групп); закрепляются ограниченные наборы

типов с малой вариацией; совершается переход от сосудов с гладкой (ангобированной, лощенной) поверхностью и скупым рельефным декором к керамике с «пышным» декором; повышается степень орнаментации, декор распространяется на шейку и придонную часть сосудов, в орнаментации преобладают различные штампы.

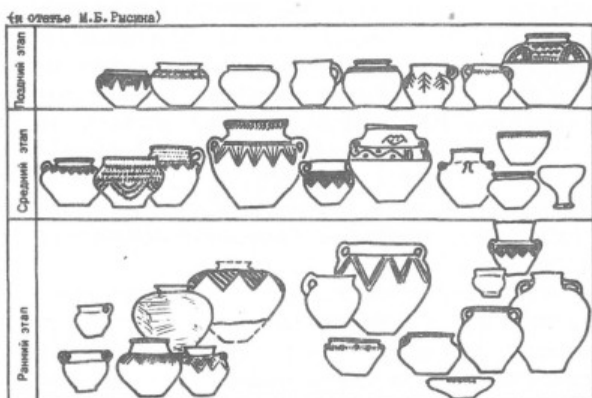

Рис. 2. Эволюция новотитаровской, катакомбной и северокавказской керамики

Керамика позднего этапа развития демонстрирует определенную унификацию набора типов, снижение степени орнаментации, упрощение сюжетов орнамента. Наиболее употребительным становится прочерченный и налепной (с насечками) декор. Используются «перевернутые» сюжеты.

Сопоставление трехэтапной колонки развития керамического комплекса КСД с керамическими комплексами соседних территорий позволяет прийти к следующим выводам:

1. Устанавливаются прямые соответствия на уровне керамического стиля и типов сосудов, свидетельствующие о сходном направлении развития сопоставляемых керамических комплексов эпохи средней бронзы.

2. Особую близость демонстрируют ранние комплексы КСД и керамика новотитаровской группы, на последующих этапах развития — керамика КСД и предкавказской катакомбной культуры, в особенности ее прикубанской, батуринской группы.

Наблюдаемое явление может найти объяснение в рамках гипотезы блоков археологических культур, предложенной В. С. Бочкаревым⁶. Сходство стиля и направления развития керамики в блоке синхронных культур обусловлено общностью их происхождения. В формировании блока культур участвовал, по-видимому, общий компонент или субстрат (энеолитический субстрат на Северном Кавказе). В генезис КСД (как и новотитаровской группы) внесло свой вклад новосвободненское население Прикубанья. В качестве внешнего импульса, формирующего новый блок культур эпохи средней бронзы послу-

жил, возможно, «пучок» инноваций из средиземноморско-малоазийского региона. Итак, предлагается рассматривать катакомбные культуры Приазовья и Предкавказья и новотитаровскую группу в качестве степной филиации, входящих в блок культур Северного Кавказа.

В заключение перечислим тенденции развития, прослеженные на материалах керамических комплексов КСД:

1. Переход от «многокомпонентности», выраженной на раннем этапе большим количеством типов и вариантов сосудов, к культурному своеобразию и устойчивому набору типов (для каждой культуры и группы) и, на позднем этапе, унификация в рамках блока при сокращении набора типов сосудов.

2. Эволюция стиля: от сосудов с гладкой поверхностью и скупым рельефным декором к пышно орнаментированным сосудам и, наконец, к сосудам с однообразным и обедненным декором, к тому же небрежно исполненным. (Рис. 1)

3. Регресс в качестве обработки поверхности сосудов с одновременным переходом на твердый отощитель (кварцит).

Основная тенденция, которую можно переносить на процесс эволюции культуры в целом — сокращение набора типов и вариантов, закономерно приводящее к сокращению возможностей для дальнейшего развития и к угасанию культур (далее — новый цикл эволюционного развития и смена культур).

1. Кияшко В. Я. Связи Нижнего Подонья и Кавказа в палеометаллическую эпоху // Тезисы докладов Всесоюзной сессии археологических исследований в 1970 г.— Тбилиси, 1971.— С. 113—116.

2. Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА, 1973.— Вып. 134.— С. 65; Николаева Н. А., Сафронов В. А. Проблемы колесного транспорта в Европе // Кочевники Азово-Каспийского междуморья.— Орджоникидзе, 1983.— С. 60; Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа // Катакомбные памятники Северного Кавказа.— Орджоникидзе, 1981.— С. 8—10; Гей А. Н., Каменецкий И. С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг. // КСИА, 1986.— Вып. 188.— С. 39.

3. Кияшко А. В. Параллели в орнаментации керамики и других предметов эпохи средней бронзы Предкавказья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе / Тезисы докладов.— Донецк, 1989.— С. 93.

4. Братченко С. Н. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования...— С. 29.

5. Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06.— Л., 1983.— С. 24.

6. Бочкарев В. С. Доклад «О временных соотношениях Сейминского и Турбинского могильников» на археологическом совещании по проблемам

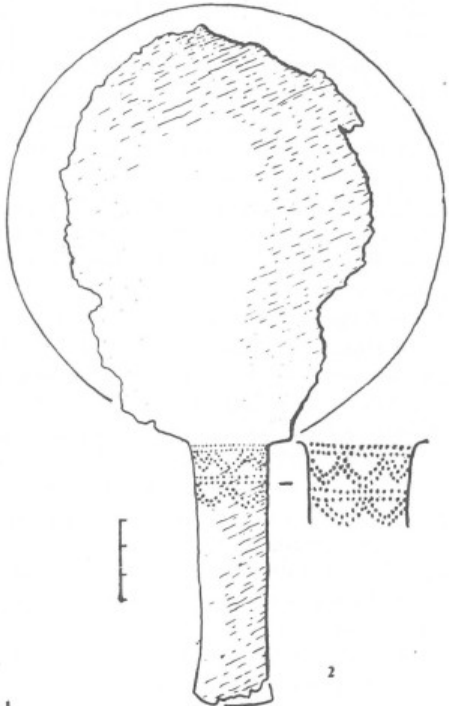
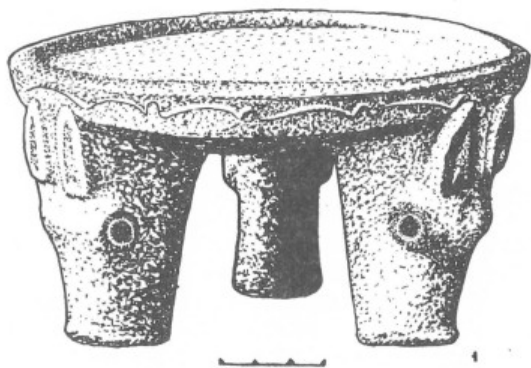
КУРГАН 1888 г. У ПОСЕЛКА ЧЕРНИГОВСКОГО

Специалистам, изучающим памятники скифского времени Южного Приуралья, хорошо известен комплекс находок из кургана у пос. Черниговского, Магнитной станицы, который был введен в научный оборот около ста лет назад¹. Однако, за все это время никто из исследователей, обращавшихся к изучению памятника, так и не дал исчерпывающего описания раскопанного кургана и характеристики найденных в нем вещей. Восполнению досадного источниковедческого пробела посвящена эта статья, в которой излагается история раскопок и изучения данного археологического комплекса.

10 февраля 1888 г. три казака из поселка Черниговского, Магнитной станицы, Верхнеуральского уезда, Оренбургской губернии — братья Семен, Алексей и Логин Редозубовы в поисках сокровищ приступили к раскопкам кургана, расположенного в 7 верстах от поселка на землях «казацких дач». Для раскопок они выбрали один из нескольких стоящих группой курганов, высота которого составляла 2 аршина (1,5 м), а диаметр — около 11 саженьей (24 м). В процессе раскопок кладоискатели выяснили, что курган сложен из вальков чернозема над какой-то деревянной конструкцией из березовых плах. Это еще больше заинтересовало казаков и заставило их довольно тщательно вести раскопки. Работа продолжалась 18 дней, в течение которых старатели углубились по центру кургана на 9 четвертей (1,8 м). Методика раскопки кургана была весьма своеобразна — она в точности повторяла приемы разработки рудных месторождений, которую применяли рудокопы южноуральских заводов. Неподалеку от верха кургана кладоискатели выкопали широкие колодцы до уровня материка, а затем по слою дерева в разных направлениях прорубили лазы в толще плохо оттаявшей насыпи. Пересечение этих ходов открыло в центре кургана площадь 5×5 саженьей (11×11 м), занимаемую деревянной конструкцией, под которой кладоискатели обнаружили целый ряд вещей. Под слоем прогнивших березовых плах со следами огня казаками были найдены: «скотские и человечесьи кости», железный кинжал, каменный столик на трех зооморфных ножках, металлическое зеркало с рукоятью, бронзовые и железные детали конской узды, а также большое количество бронзовых наконечников стрел (рис. 1,2).

Повальное увлечение поисками кладов после находок Редозубовых и, главным образом, страсти, разгоревшиеся вокруг этого предосудительного увлечения не прошли мимо местного священника Николая Тимашева. 24 февраля, в самый разгар кладоискательских работ, он направил письмо в редакцию

*ТАВ. I

Рис. 1. Каменный треножник и бронзовое зеркало.

губернской газеты «Оренбургский листок», благодаря которому в губернии стали известны находки из кургана, раскопанного казаками Редозубовыми. Священник Тимашев следующим образом описал их в своем письме: «...1) 94 копынки разных величин и форм с отгнившими черешками. Есть стальные и медные, плоские и трехгранные; 2) набор конской сбруи бронзовый, литой, с разными изображениями наподобие птичьих голов; 3) кинжал и железные удила насквозь прожавленные; 4) крышка с ручкой металлическая медная, как видно была вызолочена, или, скорее, сказать, плоская, гладкая и светлая; 5) две медных тарелки и из мягкого камня вырезанная в виде сковороды на трех ножках, изображающих конские головы, уши, глаза, кругом резная виньетка — весом 14 фунтов (5,65 кг.— В. З.). Камня того в нашей местности нет; цветом он похож на Гребенской, что в горе под Оренбургом. При раскопке найдено на глубине свыше трех аршин много гнилого березового дерева и всякого рода костей, быть может есть и человечьи; грунт земли насыпной, мягкий»².

Рассказав в письме кратко о раскопках еще двух курганов и о находках в одном из них серебряных украшений, а в третьем — только сгоревшего деревянного сооружения, Н. Тимашев следующим образом отозвался о намерениях казаков: «Вещи эти и много других казаки пока хранят у себя; но отослать их в статистический комитет или какое-либо археологическое учреждение не соглашаются и требуют большие деньги. Думаем, что вещи эти погибнут... Наши казаки намерены продолжать раскопки, надеясь обогатиться кладами, и нашему увещанию, что на это они не имеют права без ведома начальства, не верят».

Редакция «Оренбургского листка», члены которой были одними из инициаторов создания в 1887 г. Оренбургской ученой архивной комиссии, выразили благодарность внимательному священнику и, дав обещание обратиться «куда следует, напр., в Императорскую Археологическую комиссию или председателю ее графу Бобринскому», привлекли для начала внимание местной полиции к действиям казаков. 19 марта 1888 г. редактор газеты И. Евфимовский-Мировицкий отправил в Археологическую комиссию номер «Листка» со статьей Н. Тимашева. В сопроводительном письме он указал на то, что «курганами в Оренбургском крае занято издавна Общество естествознания, истории и антропологии при Московском университете, но внимание этого общества к курганам Оренбургской губернии ограничилось пока троекратной командировкой члена своего Филиппа Диомидовича Нефедова с весьма скудными средствами. Этот господин Нефедов порядочно познакомился с краем и мог бы принести археологии немалую пользу, если бы его командировали ежегодно. А курганов в крае — непочатые углы!»³

В мае месяце по распоряжению губернатора Н. А. Маслаковца, получившего запрос от графа Бобринского, полиция конфисковала вещи из раскопок казаков и отправила их в губернское правление. При этом уже пропали или были сокрыты многие вещи (из кургана Редозубовых из 94 наконечников стрел сохранилось к моменту конфискации лишь 52 наконечника, были выброшены железные удила, а также пропали какие-то бронзовые чаши, виденные у казаков священником Тимашевым. Сокрыты были вещи из раскопок во втором кургане откуда священник видел серебряные украшения, железные удила и наконечники стрел из бронзы). Протокол осмотра места раскопок и конфискации находок был воспроизведен позднее Ф. Д. Нефедовым в его издании археологических материалов из Оренбуржья⁴.

В октябре месяце того же года, заканчивая свой очередной полевой сезон, замечательный писатель, археолог и этнограф Ф. Д. Нефедов заехал в Оренбург, где прочел по просьбе членов Ученой архивной комиссии, пожалуй, первую обобщающую лекцию по археологии Южного Урала, которая сопровождалась демонстрацией археологических находок не только самого Ф. Д. Нефедова, но и вещей, отобранных у казаков Черниговского поселка⁵.

В тот же день губернатор края сообщил в Археологическую комиссию, о том, что он передал вещи из раскопок у Черниговского пос. Ф. Д. Нефедову по его просьбе для пополнения археологических коллекций Московского археологического общества⁶. Правда, по приезде в Москву, Ф. Д. Нефедов передал интересующие нас вещи не в МАО, а в Антропологический музей при Московском университете, но в тот момент это было несущественно, так как почти все сотрудники музея были членами Общества, а, спустя одиннадцать лет, Нефедов издал их в III томе «Материалов по археологии восточных губерний России», определив как инвентарь скифского типа из чудского погребения. На фототипических таблицах Ф. Д. Нефедов воспроизвел 21 из 50 доставшихся ему наконечников стрел (два экземпляра пропали уже в губернском правлении) и 9 из 12 бронзовых предметов от конского убора, а также кинжал, столик и зеркало. Относительно последнего он написал в пояснении к таблицам: «Большое овальное зеркало с рукоятью, пострадавшее от огня. По анализу оказалось, что оно сделано из сплава меди и 3% олова. Последнее придало зеркалу особый серебристо-серый цвет»⁷. Описание всего кургана Нефедов дал по полицейскому протоколу и заявлению казаков Редозубовых. Статья Н. Тимашева, судя по всему, осталась ему неизвестной.

Этими сведениями практически исчерпываются публикации данного археологического комплекса в дореволюционной печати. Только двадцать лет спустя после выхода в свет работы

Нефедова М. И. Ростовцев, обозревая памятники скифского времени из Южного Приуралья упомянул о кургане у пос. Черниговского, впервые сопоставив его, а также Елгинский комплекс находок, со скифскими памятниками Киевщины⁸.

После революции изучение комплекса находок из кургана у поселка Черниговского приобрело качественно иной характер. И хотя значительная часть вещей этого комплекса попала из Антропологического музея МГУ по неизвестным причинам еще до 1936 г. (в настоящее время в нем хранятся только зеркало, 9 из 12 предметов конского убора и 17 из 50 бронзовых наконечников стрел)⁹, но в распоряжении ученых остались великолепные фототаблицы, изданные Нефедовым, по которым с этих пор исследователи и знакомились с находками из кургана у пос. Черниговского.

Главная проблема, которая встала перед исследователями в 20-е годы — датировка комплекса находок из этого кургана. Первыми, кто попытался решить ее был талантливый археолог из Покровска Пауль Давидович Рау. В 1929 г. он пришел к выводу о том, что данный комплекс можно датировать временем конца VII в. до н. э. Следует отметить, что в хронологической оценке памятников П. Рау исходил преимущественно из анализа колчаных наборов Сев. Причерноморья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья и не вдавался в детальный анализ других компонентов погребального инвентаря. При этом П. Рау был твердо убежден в том, что в архаическое время, к которому он относил Черниговский курган, культурные уклады Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья представляли из себя нечто самобытное, хотя и овеянное единым «скифским духом». Дать же какое-либо этно-историческое истолкование материалам из Южного Приуралья П. Рау в 1929 г. не решился, подчеркнув, что его работа имеет цели сугубо археологического и хронологического порядка¹⁰. Высказаться же по вопросам исторического истолкования памятников Южного Приуралья скифского времени он так и не успел — жизнь П. Рау трагически оборвалась в 1930 г.¹¹

Параллельно с П. Рау вопросами хронологии и исторического истолкования памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья занимался также молодой сотрудник ГИМ Б. Н. Граков¹². В вопросах определения возраста археологических памятников он исходил, в отличие от П. Рау, из оценки всего облика погребального инвентаря, подбирая ему наиболее близкие аналоги среди вещей из Северного Причерноморья и датировал его в рамках относительно широкого периода. При таком подходе даты Б. Н. Гракова получались менее конкретными и, в целом, они были моложе, по сравнению с оценками П. Рау. Возражал Б. Н. Граков в те годы и против идеи П. Рау видеть в памятниках Южного Приуралья и Нижнего

Поволжья две различные в культурном отношении археологические группы, одну из которых (нижневолжскую) П. Рау связывал чисто гипотетически с савроматами Геродота¹³. Кроме того, Б. Н. Граков в те годы высказал также свое мнение насчет функционального назначения каменных столиков аналогичных черниговскому. Оставляя в целом этот вопрос открытым, он счел возможным усомниться в ритуальном назначении этих предметов, заметив, что если бы они использовались в ритуале, то вряд ли их закапывали в могилах¹⁴.

Однако в 1937 г. известный финский археолог А. М. Талльгрэн оспорил точку зрения Б. Н. Гракова в статье «Переносные алтари»¹⁵. Смело сопоставив культовые бронзовые рамки из Сибири и семиреченские бронзовые ритуальные столы с каменными столиками и блюдами Южного Приуралья, он довольно категорично назвал последние, в том числе и треножник из кургана у пос. Черниговского, «переносными алтарями», служившими подставками для ритуальных сосудов или курильниц. Подробно описав находки из кургана у пос. Черниговского, А. М. Талльгрэн не решился точно датировать памятники с каменными столиками Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. В отличие от П. Рау и Б. Н. Гракова Талльгрэн склонялся к мнению, что памятники типа кургана у пос. Черниговского относятся к позднеклассическому и раннеэллинистическому времени, что объяснялось стремлением ученого сблизить находки каменных столиков из Приуралья со среднеазиатскими культовыми столами. Эту тенденцию А. М. Талльгрэн осознавал и сам. Он писал в заключении статьи: «...моя компиляция может считаться скорее гипотезой, нежели чем историческим построением. Характер этих каменных сосудов из Приуралья как сакральных не доказан. Их отношение к бронзовым столам неясно». Эти слова автора гипотезы о каменных «переносных алтарях» следует помнить тем ученым, которые полагаясь только на историографическую традицию, пишут об особых «алтарях-жертвенниках» населения Южного Приуралья скифского времени.

Десять лет спустя после статьи А. М. Талльгрена Б. Н. Граков написал работу, в которой кардинально пересмотрел свои взгляды 20-х годов на проблему этно-исторической интерпретации археологических материалов этого региона¹⁶. По-прежнему настаивая на своем методе датировки и видя в памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья единую археологическую культуру, Б. Н. Граков признал гипотезу А. М. Талльгрена, которую он совместил с предположением П. Рау о савроматах, распространив, в отличие от последнего, данное этно-историческое истолкование на все памятники Волго-Уральского региона. В характеристике матриархального строя савроматов Б. Н. Граков опирался преимущественно на южноуральские памятники, среди которых он рассмотрел и

комплекс находок из Черниговского кургана. Датируя этот памятник «широко», в рамках VI—V вв. до н. э., Б. Н. Граков описал его следующим образом: «Очень интересен курган у Черниговского поселка... Добросовестные показания находчиков и тщательный протокол пристава не оставляют сомнения в том, что здесь была одна, крытая деревом могила. Казаки ясно заметили, что потолок провалился в древности. Погребение, раскопанное, несомненно, не по всей площади, дало такие находки: каменное блюдо на трех ножках в виде голов тупорылых животных, с дельфинообразным рельефом по краю, бронзовое зеркало, 50 штук стрел, бронзовый уздечный набор, кинжал или короткий меч обычного типа. Состав погребения, скорее всего, женский».

Как полагал Б. Н. Граков, в Черниговском кургане была погребена женщина, окруженная ореолом культа матери-пра-родительницы. Она была жрицей огня, на что, по мнению ученого, указывал каменный столик с зооморфным орнаментом. Кроме того, женщина была вооружена, что в совокупности с вышеприведенными выводами хорошо согласовывалось, по мнению Гракова, с образом воинственных савроматов, увековеченного эллинистическими писателями IV и III вв. до н. э. В настоящее время такая трактовка социального статуса, и особенно, этнического определения погребенной в Черниговском кургане женщины (?) выглядит сомнительной по целому ряду обстоятельств¹⁷. Но кроме дискуссионной темы «о савроматских жрицах» у меня вызывает серьезное сомнение и образ погребального сооружения в кургане у пос. Черниговского, который был предложен в этой работе Б. Н. Граковым (широкая прямоугольная могила меридиональной ориентировки, с деревянным плоским перекрытием, просевшим в могилу под давлением насыпи кургана).

Дело в том, что основанием для подобной реконструкции Б. Н. Гракову послужило мнение казаков Редозубовых о том, что курган «по форме своей ранее изображал землянку, судя по дереву, служившему ранее потолком и впоследствии обвалившемуся». Однако против подобной реконструкции говорят следующие факты и аналогии. Захоронение в кургане у пос. Черниговского никак не могло находиться ниже уровня материка (то есть в могильной яме), так как при общей высоте кургана в 1,5 м максимальная глубина раскопа составляла лишь 2 м от его верха, а вскрытие погребения происходило по слою дерева. Несомненно также и то, что казаки Редозубовы, рассказывая три месяца спустя после раскопок полицейскому чиновнику об устройстве кургана исходили скорее из общенародных представлений о былом назначении курганов, нежели чем из реальных наблюдений. По преданиям, хорошо зафиксированным на Южном Урале в XIX в., в тех краях, по мнению казаков, обитал народ «Чудь», который для жилья

возводил курганы в виде деревянного шатра, обложенного землей. После затмения (рождение Христа, появление посланца русского царя и т. п. варианты) «чудаки», не желая смириться с переменами, «сами загребли себя в своих землянках, подрубив столбы опоры»¹⁸. Эти два наблюдения стратегического и фольклорного порядка имеют, кроме того, и косвенные археологические подтверждения, о которых речь впереди.

Дальнейшее изучение археологического комплекса у пос. Черниговского связано с именем К. Ф. Смирнова. Полностью разделяя в 60-е гг. предложенное Б. Н. Граковым истолкование памятников скифского времени Поволжья—Приуралья, К. Ф. Смирнов, прежде всего, занимался проблемой корректировки их хронологии. Комплекс находок из кургана у пос. Черниговского он датировал временем второй половины VI в. до н. э.¹⁹, хотя и колебался, как в сторону удревнения даты²⁰, так и в сторону ее омоложения²¹.

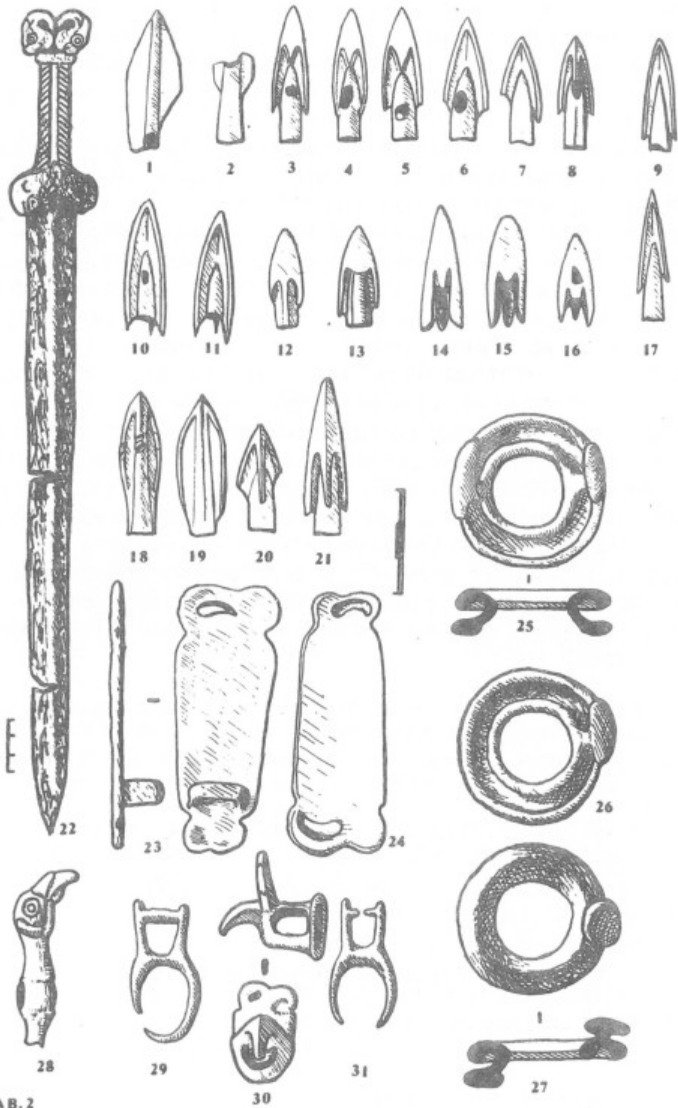
Каким же представляется комплекс находок из этого кургана теперь, спустя еще тридцать лет? Детальный разбор истории открытия и изучения этого памятника дает теперь возможность точнее представить облик кургана и найденного в нем инвентаря.

Прежде всего, рассмотрим ряд деталей, ускользнувших от внимания других исследователей. Благодаря сохранившимся в Музее антропологии МГУ вещам, а также на основе изучения фототаблиц Нефедова, мне удалось рассмотреть следующее. На зеркале из кургана, у места крепления ручки к диску, с лицевой стороны имеется пуансонный орнамент (рис. 1), который был нанесен древним мастером при помощи острого железного чекана непосредственно на полированную поверхность зеркала. На оборотной стороне также просматривается пуансонный орнамент, занимавший, видимо, значительную площадь диска. Однако, коррозия оборотной стороны зеркала почти полностью уничтожила ее поверхность и разобрать детали ныне уже невозможно. Это зеркало имеет ряд удивительно близких аналогий в памятниках второй половины VI в. до н. э. Южного Приуралья. Точно такие же зеркала и по форме, и по технике изготовления, имеющие на рукояти идентичную орнаментальную композицию, происходят из курганов более южной части бассейна р. Урал. Это зеркала из кургана 7 у станции Сара²², кургана 3 у села Гумарово²³ и из нескольких неопубликованных еще комплексов, исследованных экспедицией М. К. Кадырбаева в бассейне р. Илек²⁴. Весьма показательно, что в указанных курганах погребения были совершены на уровне древнего горизонта. Кроме того, в кургане 7 у ст. Сара, во время раскопок была зафиксирована шатровая конструкция из березовых плах, частично сгоревшая. Эти факты убедительно подтверждают уже высказанное мною выше

предположение о том, что погребение в кургане у пос. Черниговского было совершено на уровне древнего горизонта в деревянном сооружении шатрового типа, сделанного из березовых плах.

Возвращаясь к анализу инвентаря этого кургана, я хочу подчеркнуть, что особенно важные детали мне удалось выделить на рукояти железного меча (рис. 2.22). В отличие от предположения К. Ф. Смирнова, навершие этого меча является не антенным, а оформленным в виде двух голов ушастых орлиноподобных птиц, клювы которых, направленные вверх, загибаются навстречу друг другу. От рукояти меча навершие отделено так называемым «переходным валиком» — очень существенным элементом моделировки рукоятей раннескифского времени. Сама рукоять разделена на три вертикальные зоны. Боковые украшены косыми насечками, а пространство между ними, выделенное вертикальными линиями, имитирует желобок. К сожалению, меч из этого кургана был утерян в музее. Судя же по фотографиям Нефедова, весьма трудно понять форму перекрестья. Единственно, что можно сказать определенно — древний мастер стремился выковать и надчеканить рукоять и перекрестье в одной плоскости, что напоминает очень живо технологию изготовления бронзовых литых кинжалов и мечей. Мечи, аналогичные рассмотренному здесь, чрезвычайно редки в Восточной Европе. Некоторые детали моделировки, встречаются все же в оформлении скифских мечей VII—VI вв. до н. э., происходящих из лесостепной зоны²⁵, или с Кавказа²⁶. Однако сам облик рукояти удивительно напоминает сибирские мечи и кинжалы VI в. до н. э.²⁷ Весьма любопытно также отметить, что общие контуры рукояти меча из кургана у пос. Черниговского в точности перекликаются опять-таки с формами мечей из погребений в кургане 7 у ст. Сара, и в кургане 3 у с. Гумарово. Некоторые детали оформления меча из кургана у пос. Черниговского напоминают также меч, найденный в кургане 4 могильника Бесоба на Илеке. Из этого же погребения происходят аналогичные черниговскому обломку (рис. 2.28) бронзовые двукольчатые псалий с головой хищной птицы на концах, сочетавшиеся, кстати, с железными кольчатыми удилами²⁸. Идентичными черниговским являются также и некоторые элементы конского убора из этого кургана. На уровне древнего горизонта, под деревянной «шатровой» конструкцией в Бесобинском кургане была похоронена опять-таки женщина, имевшая при себе косметический набор (бронзовое зеркало с ручкой и каменный столикрастиральник). Наличие таких же косметических, военных и конских наборов вещей в 3 гумаровском кургане и в 7 саринском кургане, делает эти комплексы почти что тождественными черниговскому, причем не только по составу инвентаря, но и по времени, и по обряду погребения. Эти четыре комплекса

ТАВ. 2

Рис. 2. 1—21 — бронзовые наконечники стрел (1—17 — хранящиеся ныне в Музее антропологии МГУ; 18—21 — несохранившиеся (даны по публикациям Ф. Д. Нефедова); 22 — железный меч; 23—31 — бронзовые детали конской упряжи.

образуют довольно компактную группу памятников, которую без колебаний можно датировать временем около середины — второй половины VI в. до н. э. Не противоречит этой дате и набор сохранившихся стрел из кургана у пос. Черниговского. Архаические наконечники (рис. 2, 1, 2, 18—20) хорошо известны в наборах VI в. до н. э. Что же касается наконечников стрел позднеклассического времени, то они могли попасть в набор случайно, так как казаками в курганах у пос. Черниговского было найдено более 300 наконечников стрел и братья Редозубовы могли перепутать свои находки при сдаче их полиции.

Вокруг памятников, близких к кургану у пос. Черниговского, группируются по аналогиям в погребальном обряде и инвентаре, очень многие южноуральские погребения с каменными растиральниками в виде столиков и блюд. Весьма любопытно, что в инвентаре этой большой группы памятников встречаются две разные серии зеркал — одна местная, с пуансонным орнаментом, изготовленная, вероятнее всего, мастерами лесостепного Приуралья, другая — явно привозная, состоящая из зеркал т. наз. ольвийского типа. Серийность этих вещей в сочетании с единообразием погребальных комплексов, образующих компактную (географически, хронологически и типологически) группу памятников, в центре которой находится один из наиболее ранних и интересных комплексов — курган у пос. Черниговского, позволяет выявить новый аспект в проблеме культурно-исторического единства Евразийской Скифии VI в. до н. э., который, однако, является темой для другой специальной работы.

1. Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР.— Т. III, 1899.

2. Оренбургский листок, 1888. 13 марта.— № 11.— С. 2. Приношу глубокую благодарность Ю. В. Маретину за помощь в ознакомлении с газетным материалом.

3. Архив ЛОИА АН СССР.— Ф. 1, 1888.— № 3.— Л. 17.

4. МАВГР.— Т. III, 1899.— С. 34.

5. Оренбургский листок, 1888. 23 октября.— № 43.— С. 2.

6. Архив ЛОИА АН СССР.— Ф. 1.— № 56.

7. МАВГР.— Т. III, 1889.— С. 41.

8. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР.— Вып. 37, 1918.— С. 28.

9. Музей антропологии МГУ. Коллекция № 124, 1—27.

10. Rau R. Die Graber der fruhen Eisenzeit im Wolgagebiet // Pokrowsk, 1929.

11. Малышев А. А., Семенова И. В. Павел Давидович Рау // СА, 1992 — № 1 (в печати).

12. Grakov B. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. // ESA. vol. III, 1928. p. 25—62; Grakov B. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenburg. // ESA. vol. IV, 1929. p. 169—182.

13. Rau P. Die Graber... S. 65.

14. Grakov B. Monuments... p. 58.

15. Tallgren A. «Portable altars». // ESA, v. XI, p. 47—68.
16. Граков Б. Н. ΓΙΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ, 1947.— № 3.— С. 100—121.
17. Зуев В. Ю. Савроматские жрицы Б. Н. Гракова и археология скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (тезисы докладов конференции в честь Б. Н. Гракова).— Запорожье, 1989.— С. 50—52.
18. Шукшинцев И. С. Сведения о курганах // Тр. ОУАК.— Т. VI, 1900.
19. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д1-9, 1963.— С. 17.
20. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА № 101, 1961.— С. 18, 19.
21. Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964.— С. 40.
22. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35, 1929, № 167.
23. Архив ИА АН СССР. Р-1. № 426. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже.
24. Вещи хранятся в Археологическом центре ИИЭА АН КазССР.
25. Бобринской А. А. Отчет о раскопках близ сел Журовка и Капитоновка (Чигиринского уезда Киевской губернии) // ИАК, 17, 1905.— С. 17—98; Гуляев В. И. Мечи скифского типа с территории городецкой культуры // СА 1961.— № 4.— С. 263.
26. Петренко В. Г. Скифские мечи и кинжалы из Прикубанья // КСИА, 197, 1990.— С. 60.
27. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время.— Л., 1983.— С. 129, 167 с ил.
28. Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М., 1984.— С. 87.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ МОГИЛЬНИКА КОКЭЛЬ

Комплексы постскифского времени Саяно-Алтая, на рубеже новой эры, фиксируют появление ярких, самобытных традиций генетически не связанных с культурами предшествующей эпохи.

Первые материалы, относящиеся к этому периоду, были систематизированы С. А. Теплоуховым, который датировал их «позднеташтыкским временем — III—IV вв.»¹ Решение вопроса этнокультурной принадлежности этих комплексов было предложено позже, в 50-е — 60-е гг., когда на территории Тувы была выделена самостоятельная культура гунно-сарматского времени. Ее возникновение рассматривалось как следствие перемен, вызванных образованием державы хунну. Комплексы, отнесенные к этой традиции датировались в пределах II в. до н. э. — V в. н. э.² Не высказывая принципиальных возражений по этому поводу следует однако отметить, что выделение Улуг-Хемской культуры, раскопки и исследование хуннских курганов в Туве³ дают основание еще раз обратиться к материалам Сыын-Чурекской или Шурмакской культуры*.

Могильник Кокэль расположен на левобережье Хемчика в междуречье его притоков Верхнего и Нижнего Ишкинов. Работы на памятнике были начаты в 1959 г. Итогом исследований стало монографическое издание материалов раскопок.

Погребальные сооружения могильника Кокэль представлены грунтовыми могилами, одиночными курганами и курганами-кладбищами. Последние на уровне дневной поверхности представляют аморфные скопления камней. Каменный панцирь является развалом надмогильных сооружений. Под насыпью кургана-кладбища может находиться более ста могил (КЭ-11). Захоронения на площади кургана располагаются бессистемно⁴.

Погребения в могильнике Кокэль совершались в ямах глубиной от 0,3 до 3 м. На различном уровне в заполнении могил отмечались каменные кладки в один-два ряда или мощные каменные забутовки. Размеры могил зависят от количества погребенных. Доминируют индивидуальные захоронения**. Костяки лежат вытянуто на спине с преобладающей ориентировкой в северо-западном направлении. В незначительном числе могил зафиксированы тальниковые и каменные «подушки». Большинству погребенных, кроме сопроводительной пищи, находившейся в керамических сосудах, в могилу поло-

* Далее в тексте — Кокэльская культура.

** Термин «одиночные» в конкретном случае не совсем удачен, т. к. отмечены случаи захоронения в одной могиле в разных могильных конструкциях.

жены куски задней части туши овцы. В некоторых случаях на перекрытии могильного сооружения или в ногах погребенного лежали черепа лошади, барана или коровы. Устоявшейся чертой погребальной традиции Кокэля можно считать кенотафы и парциальные захоронения. В двух случаях отмечены погребения по обряду трупосожжения⁵.

Погребальные конструкции, встреченные в курганах Кокэля, представлены следующими типами:

- гробы,
- деревянные рамы,
- колоды,
- каменные обкладки,
- каменные ящики,
- тальниковые или берестяные настилы,

кроме этого, встречены два типа погребальных сооружений, которые можно рассматривать как производные формы от основных конструкций:

- гробы в каменной обкладке,
- рамы в каменном обкладе,

также отмечены захоронения в грунтовых ямах. Несмотря на значительную типологическую вариабельность, основной конструкций в погребальной практике Кокэля являются гробы и рамы⁶.

На основании перечисленных признаков происхождение могильника связывалось с распространением хуннского влияния в Туве. Такому выводу внешне не противоречит и сам кокэльский комплекс, характеризующийся устоявшимися формами погребальной обрядности. Однако попытка его прямого сопоставления с культурой хунну может привести к искажению фактов культурно-исторических процессов целой эпохи.

Исследования последних лет позволили установить, что события рубежа новой эры на территории Южной Сибири носили более сложный и противоречивый характер, чем это считалось ранее. Выделение улуг-хемских комплексов, в материалах которых скифские элементы сочетаются с чертами новых традиций, позволяет говорить о проникновении в Туву пришлых групп населения⁷. Хронологическим репером здесь являются даты тесинских комплексов Среднего Енисея, которые можно рассматривать как результат проникновения на территорию Минусинской котловины все тех же племен⁸. Особенностью этих культур являются предметно-вещественные аналогии из хуннских погребений Забайкалья и Монголии при абсолютной несопоставимости погребального обряда⁹. Придерживаться в такой ситуации традиционного взгляда на Кокэль, рискованно, т. к. мы должны будем предположить отсутствие общих черт в погребальной обрядности между улуг-хемскими, тесинскими комплексами и материалами Кокэля. Вместе с тем, отмеченные в кокэльских могилах пар-

циальные погребения до настоящего времени не известны в хуннских комплексах Монголии и Забайкалья, однако фиксируются в теснинских памятниках¹⁰. Некоторые улуг-хемские и тесинские могильники характеризующиеся скоплением на ограниченной площади значительного числа захоронений, планиграфически напоминают кокзельские курганы-кладбища¹¹. Возможно, что с кругом тесинских и улуг-хемских аналогий связана еще одна особенность кокзельских погребений — подбой, которые были отмечены в п. 27; п. 39; п. 40; п. 41; п. 102 КЭ-11 и п. «Б» КЭ-33. В Туве, кроме Кокзеля, они были встречены при исследовании могильника Аймырлыг, а также в нескольких могилах тесинского времени на Среднем Енисее¹². Важно отметить, что подбой Минусинской котловины несколько отличаются от кокзельских. В Кокзэле могилы с подбоем, подобно большинству погребений, имеют только каменную кладку в заполнении могильной ямы. В тесинских захоронениях вход в подбой загораживался вертикально поставленными плитами, отмечены случаи когда плитами укреплялись торцевые стены подбоя¹³, такая конструкция производит впечатление имитации каменного ящика установленного в подбое. Размещение в нише подбоя реальной конструкции этого типа отмечалось на Аймырлыге¹⁴.

Во всех случаях речь идет о признаке в целом не традиционном для комплексов Южной Сибири этого времени. Локализация подбоев в Кокзэле курганом-кладбищем КЭ-11 позволяет предположить, что они специфичны в рамках самой кокзельской традиции.

Открытым остается вопрос о происхождении ниш для размещения посуды, которые были зафиксированы в п. 16 КЭ-8; п. 2, п. 7, п. 32 КЭ-26. Использование огня в погребальной практике хорошо известно во многих культурах этого региона, не является исключением Кокзель. Во время раскопок «следы кострищ в виде красноватой прокаленной почвы» фиксировались под насыпью курганов-кладбищ на уровне могильных пятен¹⁵. По мнению С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой костры разводились на месте погребения или в непосредственной близости от него до захоронения и связаны с ритуалом похорон¹⁶. Однако в заполнении могильных ям отмечались только отдельные угли. Видимо, костер разводили на стороне, а на место погребения приносили лишь его остатки. Следует отметить, что рядом с некоторыми могилами отмечались «непотревоженные» зольники¹⁷, т. е. ритуальные действия с огнем совершались после погребения.

Кроме курганов-кладбищ зольные пятна были встречены под кладками многих одиночных курганов (КЭ-57; КЭ-99; КЭ-140; КЭ-145; КЭ-173 и др.).

В комплексах Монголии, Забайкалья, Алтая и Среднего Енисея подобные элементы в погребальной практике не отме-

чались. Однако качественная значимость этого признака традиции кокзельских племен не вызывает сомнения. Важным доводом в пользу такого предположения являются результаты, полученные при исследовании могильника Кара-Даш, во время раскопок были сделаны аналогичные наблюдения¹⁸.

Говоря об использовании огня в погребальной практике Кокзеля нельзя не коснуться вопросов, связанных с обрядом кремации. Хронологическая стратификация культуры по этому признаку вызывает самые противоречивые мнения¹⁹.

Серия кокзельских сожжений по-своему представительна — на 322 могилы два трупосожжения. В кургане КЭ-53 под общей насыпью два погребения. Первое, по обряду ингумации в гробу, костяк ориентирован по линии СЗ—ЮВ, второе — по обряду кремации в каменной конструкции, ориентированной по линии С—Ю. Оба находились в непосредственной близости друг от друга. Вопрос о последовательности захоронений на уровне стратиграфических наблюдений не решается²⁰. В п. 50 КЭ-11 на дне могильной ямы находилось два гроба, в одном из которых помещались скопления кальцинированных костей²¹.

Кокзельские захоронения по обряду трупосожжения разнятся с известным комплексом из могильника Шурмак. В Кокзеле останки подвергнутых кремации людей помещались в могилу, в шурмакском кургане захоронение было совершено на уровне дневной поверхности. В Кокзеле для погребения сожженных использовались внутримогильные сооружения, в Шурмаке над пепелищем, содержащим кальцинированные кости, была воздвигнута только насыпь кургана. Попытка проследить причины различий в погребальной обрядности между этими захоронениями приведет нас к вопросу о хуннском компоненте в кокзельской традиции, т. к. привлечение тувинских материалов ситуацию не прояснит. Трупосожжения не характерны для носителей Улуг-Хемской культуры. Использование тесинских параллелей кажется в данном случае некорректным; т. к. в Минусинской котловине прослеживается местный генезис этой традиции²².

«Хуннским вкладом» в погребальную традицию Кокзеля безусловно можно считать захоронения по обряду трупоположения вытянуто на спине, каменные забутовки могильных ям и обычай помещать в могилу немясные части туши животных²³. Сопоставление кокзельских гробов с внутримогильными сооружениями хуннских погребений Монголии и Забайкалья стало традиционным, подобно гробам из Ильмовой пади у некоторых тувинских конструкций отмечены «хозяйственные отсеки»²⁴. Однако следует отметить, что вопрос о своеобразии погребальных сооружений Кокзеля практически не поднимался. Характерной чертой хуннских комплексов является многообразие технических приемов, при помощи которых осуществлялось

крепление составных элементов погребальных камер, срубов и гробов. В то же время в кокэльских материалах фиксируется использование одного и того же способа: при помощи деревянной шпонки, которая удерживала в пазах продольных досок шипы поперечных стенок гроба²⁵. Хунну с такой системой крепления знакомы не были. Безусловно, что это новшество является свидетельством своеобразия технологической традиции Кокэля. Использование аналогичного приема в погребальных конструкциях могильников Кара-Даш и Аймырлыг дает основание говорить о качественной значимости этого признака в рамках всей культуры²⁶.

Некоторые особенности отмечаются у других погребальных конструкций Кокэля. Встреченные здесь внутримогильные каменные сооружения следует рассматривать, как два различных типа конструкций. Большая часть которых представлена каменными выкладками по периметру установленных в могилах деревянных гробов или рам. Отмечены случаи каменных выкладок на дне грунтовых ям. Очень часто такое сооружение воспроизводилось фрагментарно так, что назвать его каменным ящиком можно с очень большой долей условности*. Аналогичные конструкции отмечены на могильниках Кара-Даш и Аймырлыг, в последнем случае этот тип получил название «неполные каменные ящики» и был интерпретирован, как традиционный элемент погребальной обрядности постскифского населения Тувы²⁷. Примечательно, что кокэльские аналогии в Аймырлыге связаны с комплексами, имеющими существенные различия в погребальной обрядности. Как считает Э. У. Стамбульник, это обусловлено тем, что в комплексах Аймырлыга отразился начальный этап формирования культуры гунно-сарматского времени, представленной в выработанном виде в Кокэле²⁸, т. е. в материалах этого могильника отразились интеграционные процессы, которые привели к появлению новой культурной общности, в сложении которой приняло участие автохтонное и пришлое население. Археологически новая традиция характеризуется синтезом компонентов погребальной обрядности комплексов постскифского времени на фоне доминирующего влияния хуннской культуры. Устойчивость и выработанность ее форм дают возможность археологической фиксации инокультурных элементов, к которым можно отнести сожжение, ниши для сосудов и, может быть, подбоя в кокэльских могилах. Рассматривать в этом ряду зольники и пятна прокаленной почвы под насыпями одиночных курганов и курганов-кладбищ, видимо, не следует, элементы, связанные

---

* Конструкции, традиционно подразумеваемые под термином «каменные ящики», в целом не характерны для Кокэля. По мнению В. П. Дьяконовой, часть из них следует отнести «ко второму этапу Уюкской культуры и датировать V—III вв. до н. э.»

с поминальной обрядностью должны стать предметом специального исследования.

Целостность и консерватизм погребальной обрядности Кокэля ставят под сомнение не только «длинную хронологию» самого могильника, но позволяет несколько по-иному подойти к вопросу о датах материалов постскифского времени.

Для хуннских комплексов Тувы опорными являются материалы могильника Бей-Даг 2, курганы которого нельзя рассматривать в пределах III—II вв. до н. э., так как аналогичные комплексы Забайкалья и Монголии, районов более тесно связанных с историей хунну, датируются II—I вв. до н. э.²⁹ Традиционная дата улуг-хемских погребений III—II вв. до н. э.³⁰ Временной разрыв очевиден, однако, сосуществование этих традиций на определенном этапе отразилось в синтезе их элементов в погребальной обрядности Кокэля и подтверждается материалами могильника Аймырлыг.

Наблюдения сделанные в этой работе, на основании анализа отдельных компонентов погребальной обрядности, носят предварительный характер. Создание полноценной хронологии и периодизации Кокэля и связанных с ним памятников возможно только на основании всестороннего анализа всего погребального комплекса.

1. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца первого тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // ТТКАЭ, 1966.— Т. 2.— С. 186.

2. Вайнштейн С. И. Некоторые итоги археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ, 1958.— Вып. 4.— С. 224—226; Кызласов Л. Р. Древняя Тува.— М., 1979.— С. 80.

3. Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ, 1975.— Вып. 15.— С. 99—101; Трифионов Ю. И. Новый тип памятников раннего железного века в Туве // КСИА, 1976.— Вып. 147.— С. 109—121; Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев.— Кызыл, 1980.— С. 54—57; Мандельштам А. М. К гунской проблеме // Соотношения древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.— Новосибирск, 1975.— С. 231—233.

4. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культуры) // ТТКАЭ, 1970.— Т. 3.— С. 7—8. Рис. 1; Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Там же.— С. 80—84. Рис. 2.— С. 154. Рис. 104.— С. 178. Рис. 148.

5. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища...— С. 192—195.

6. Там же.— С. 195.

7. Грач А. Д. Новые данные...— С. 99—101; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.— Л., 1984.— С. 15.

8. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири...— С. 16.

9. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье.— Л., 1985.— Рис. 8, 12, 13; Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.— Новосибирск, 1979.— Рис. 50. 52.

10. Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник у д. Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири.— Л., 1988.— С. 67.— Рис. 10.— С. 68, 77.
11. Пшеницина М. Н. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее // КСИА, 1968.— Вып. 102.— С. 128—134.
12. Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры евразийских степей.— Л., 1983.— С. 38; Комплекс археологических памятников...— С. 84.— Рис. 53; Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник...— С. 67.— Рис. 10.— С. 74.
13. Комплекс археологических памятников...— С. 80.— Рис. 53.
14. Стамбульник Э. У. Новые памятники...— С. 39.
15. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища...— С. 193.
16. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль...— С. 72; Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища...— С. 193.
17. Там же.— С. 193.
18. Кызласов Л. Р. Древняя Тува...— С. 86.— Рис. 65.— С. 87.
19. Там же.— С. 80; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири...— С. 24.
20. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль...— С. 232.— С. 237.— Рис. 65.— С. 238.— Рис. 66.
21. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища...— С. 113.— Рис. 43.— С. 114.
22. Пшеницина М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э.— Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Л., 1975.— С. 14.
23. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс...— С. 36—38; Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972—1977 гг.) // Древние культуры Монголии.— Новосибирск, 1985.— С. 53—76.
24. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1976.— С. 105; Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники могильника Кокэль...— С. 206.— Рис. 27.— С. 240.— Рис. 68; Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль...— С. 54.— Рис. 79.— С. 62.— Рис. 96.
25. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники могильника Кокэль...— С. 229.— Рис. 53; Дьяконова В. П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // ТТКАЭ, 1970.— Т. 3.— С. 228.— Рис. 38.
26. Кызласов Л. Р. Древняя Тува...— С. 89.— Рис. 69, 70; Стамбульник Э. У. Новые памятники...— С. 37.
27. Стамбульник Э. У. Новые памятники...— С. 39.
28. Там же.— С. 39—41.
29. Миняев С. С. К проблеме «ранних» и «поздних» памятников сюнну // Древние памятники Северной Азии и охранные раскопки.— Новосибирск, 1988.— С. 45—46.
30. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири...— С. 15—16.

К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКОВ ЧААТЫ I—II

Уникальный для Тувы комплекс подкурганых катакомбных ингумаций, исследованных С. А. Теплоуховым (1927) и Л. Р. Кызласовым (1958—1960), стал предметом дискуссий по вопросам датировки и этнокультурной интерпретации памятника. С. А. Теплоухов, основываясь, видимо, на находках гончарных ваз, отнес его к «культуре чаатас», но такая трактовка, как отметил Л. Р. Кызласов, неприемлема¹.

Решая вопрос об этих могильниках, Л. Р. Кызласов выделил ряд архаических признаков, восходящих к культуре хунну, отметил соседство курганов с Шагонарскими городищами, связываемыми с уйгурами, сходство керамики из могил с находками фрагментов сосудов на этих городищах и в Орду-Балыке, находки фрагментов лощеных гончарных ваз в тех регионах, где, по данным летописей, в то или иное время присутствовали уйгуры; анализируя предметный комплекс, автор указал ряд дальних западных аналогий VII—X вв. наборам накладок на лук, серию аналогий наконечникам стрел с территорий от Иртыша до Дальнего Востока из памятников VIII—IX вв., на этих основаниях датировал комплекс уйгурским временем и связал его непосредственно с уйгурами. Автором отмечено согдийское влияние и указаны этнографические аналоги в погребальном обряде синьцзянских уйгуров².

Не анализируя могильники Чааты, А. А. Гаврилова предложила считать уйгурскими традиции комплексов сrostкинско-го типа; основанием послужили заведомо уйгурские турфанские аналоги. Касаясь вопроса о могильниках Чааты, А. А. Гаврилова отметила недостаточность оснований для их точной датировки и предположила, что это кладбища не кочевого, а оседлого населения³.

Не оспаривая предложенной Л. Р. Кызласовым даты, другие авторы выразили сомнение в правильности этнической интерпретации, считая, что памятник нужно связывать не с уйгурами, а с зависимыми от них группами⁴. Д. Г. Савинов на основании серии аналогий предположил, что катакомбы могли быть оставлены сохранившимися до уйгурского времени носителями кокзельской культуры, которую автор датировал первой половиной тысячелетия, оговорив особо лишь нижнюю дату⁵.

О. Б. Варламов, указав несколько южносибирских аналогов чаатинским материалам (из недостоверно датированных комплексов) и опираясь на сарматские катакомбы, аналогичные чаатинским по форме, датировал Чааты I—II I—V вв., не решая вопроса о его этнокультурной интерпретации⁶.

Ю. С. Худяков отметил, что «в инвентаре катакомбных погребений нет вещей, которые позволили бы датировать их VIII—IX вв»; без развернутой аргументации автор отметил, что аналогии некоторым чаатинским материалам имеются в кенкольской, кок-пашской и верхнеобской культурах, и на этом основании датировал памятник предтюрокским временем — «до образования Первого каганата и широкого распространения... древнетюрского предметного комплекса». Касаясь вопроса о соотношении кокэльского и чаатинского комплексов, автор предположил, что первый из них предшествует второму⁷.

В основе сомнений по поводу датировки и интерпретации тувинских катакомб лежит отсутствие прямо датирующих находок и несоответствие представленного памятником погребального обряда китайскому описанию уйгурских обычаев. Авторы опираются на синхронизацию чаатинских находок с аналогами из других регионов, не анализируя вопроса о времени и обстоятельствах появления в Туве могил, не имеющих прототипов среди надежно датированных местных ранних памятников. Последнее же показывает, что носители традиции катакомбных погребений появились в Туве из тех регионов, где эта традиция бытовала в течение долгого времени, то есть из Средней Азии или Восточного Туркестана. Уникальность чаатинского комплекса позволяет считать миграцию единовременной, а пребывание мигрантов в центре Азии — кратковременным. Поэтому прямо датировать памятник по южносибирским аналогиям невозможно: его культура сформировалась задолго до миграции в ином регионе, и дата могильников Чааты должна запаздывать по сравнению с хронологией представленной ими культуры в исходной точке миграции.

Тезис о среднеазиатском или восточнотуркестанском происхождении культуры могильников Чааты дополняется следующими обстоятельствами.

Могильные сооружения. Нехарактерная для Южной Сибири традиция погребения в катакомбах до VI в. была распространена в Восточном Туркестане, в Средней Азии и у сарматов. Наиболее важна устойчивая деталь — помещение керамики в особую подбойную нишу, устроенную в стене катакомбы со стороны дромоса близ головы погребенного, — типичная для могильников Чааты. Аналогии имеются в кенкольской культуре⁸ и в гаочанских могильниках Астана и Караходжа, где прослежен путь от особой «микркатакомбы» до ниши, прямо аналогичной чаатинским, со второй половины III до начала VI вв.⁹ Гаочанские ниши по отношению к кенкольским, как можно полагать, прототипичны.

Физический облик погребенных в ряде случаев отличается кольцевой деформацией черепа, что нехарактерно для Южной Сибири и типично для среднеазиатских народов¹⁰.

Комплекс вооружения, представленный в чаатинских катакомбах, во многом аналогичен кенкольскому. Это определяется по форме наконечников стрел¹¹, по форме и набору накладок на лук¹², по форме ножей¹³.

Керамический комплекс могильников Чааты связывается со среднеазиатскими традициями применением гончарного круга, находкой ангобированного сосуда (Чааты II, кург. 74)¹⁴, приемом украшения тулова наклепными шишечками (Чааты I, кург. 25)¹⁵. Изготовленные на круге вазы в целом (но не более) сопоставимы с хуннскими¹⁶, к чему практически и сводится архаический элемент культуры могильников Чааты.

Территориальный разброс наиболее близких аналогов чаатинским материалам позволяет полагать, что миграция осуществлена с территории, находящейся не западнее Семиречья и не восточнее Турфана, то есть из Джунгарии либо прилегающих территорий. Хронология астанских погребений с нишами, детально разработанная по находкам датированных документов, позволяет отнести миграцию ко времени не ранее конца первого периода формирования гаочанских комплексов, то есть не ранее VI в. Могильник Чааты I более однороден, чем Чааты II и, возможно, предшествовал ему.

Следует рассмотреть южносибирские аналоги чаатинским материалам. Обстоятельства появления рассматриваемых комплексов указывают на то, что эти аналоги, если их местный генезис исключен или недоказуем, говорят о влиянии мигрантов на местное население.

Могильные сооружения. Кокзельские подбойные ниши для сосудов аналогичны чаатинским лишь функционально; по форме и расположению этих ниш можно заключить, что они независимо от чаатинских восходят к центральноазиатским и более древним дунбэйским отсекам могил, гробов и каменных ящиков. Более интересна полностью аналогичная чаатинским ниша за тыном могилы ограды № 6 Койбальского чаатаса, содержащая часть керамического набора¹⁷. Полное отсутствие минусинских прототипов позволяет считать эту нишу последствием влияния тувинских «катакомбников».

Комплекс вооружения. Сходство чаатинских и кокзельских наборов накладок на лук ограничивается полнотой набора и общей формой срединных накладок. Кокзельские концевые накладки — спрямленные с резко загнутым концом — мало сопоставимы с чаатинскими¹⁸. Последние же аналогичны плавно изогнутым накладкам из полных наборов Михайловского могильника¹⁹. Чаатинские ножи со скошенным черенком и с уступом на переходе от обушка к черенку имеют кокзельские и кыргызские аналоги²⁰, причем в позднем Уйбатском чаатасе найден коленчатый кинжал, представляющий собой нож того же типа, но усовершенствованный добавлением напускного железного перекрестья²¹. Типологически он позже чаатин-

ских ножей и аналогичен кинжалам, изображавшимся на изваяниях с реалиями VII—IX вв.²²

Керамический комплекс. Чаатинские сосуды с налестами на венчике не могут быть сопоставлены с кокзельскими сосудами, имеющими на венчиках угловидные выступы (имитирующие, как можно полагать, более ранние южносибирские многогранные сосуды), однако аналогичны, как уже отметил Л. Р. Кызласов²³, некоторым кыргызским сосудам. Прием украшения тулова налестными шишечками имеет аналоги в кокзельских и таштыкских комплексах²⁴. Чаатинские вазы по ряду признаков сопоставимы с кыргызскими, михайловскими и двумя монгольскими вазами²⁵, но отличаются наличием признаков хуннского происхождения; отсутствие южносибирских прототипов гончарных ваз позволяет считать тувинские вазы наиболее ранними (не считая хуннских), всего вероятнее, прототипичными для всех прочих групп.

Наиболее ранние свидетельства влияния культуры могильников Чааты на южносибирские культуры, имеющие надежные даты (коленчатые кинжалы и инновации в кыргызской культуре) относятся к VII в.²⁶ Находка фрагментов ваз чаатинского типа в жертвенных ямах в храме на мемориале в честь Кюль-тегина²⁷ показывает, что мигранты, несмотря на кратковременность пребывания в центре Азии, не только оказали заметное влияние на местные культуры, но и внесли какой-то вклад в сложение культуры Второго каганата. По совокупности фактов присутствие мигрантов в Туве относится к VII в.

Историческая ситуация, реконструируемая по материалам могильников Чааты I—II, такова: миграция из Джунгарии в Центральную Азию — кратковременное там пребывание с ощутимым влиянием на местные культуры — исчезновение мигрантов как самостоятельной активной группы и некоторый вклад в сложение новой тюркской культуры. События происходили в VII в.

Единственная в центральноазиатской истории ситуация, сопоставимая с предложенной реконструкцией, имела место в первой половине VII в. С начала века шел постепенный отток телеских племен из Джунгарии в Центральную Азию, вызванный предельным обострением их отношений с западными тюрками. Во второй половине 620-х гг. миграция приняла массовый характер, а во главе ее встали сирь (кит. сеяньто), создавшие в 630 г. собственный каганат, сменивший тюркскую державу, разгромленную при активном участии сиров. Сирский каганат просуществовал до 646 г., успев установить контроль над енисейскими кыргызами и, вероятно, другими народами Саяно-Алтая. После разгрома 646 г. часть сиров вместе с тюрками боролась за создание новой тюркской державы и впоследствии вошла в ее состав на правах привилегированной этнической группы²⁸.

Полное соответствие археологической реконструкции и исторической ситуации позволяет уверенно датировать могильники Чааты сирским периодом (второй четвертью VII в.), однако соотнести их не с сирами, но с какой-то оседлой группой, втянутой в массовое переселение и использовавшейся сирами для охраны северных границ каганата — свою степную конницу сиры, вероятно, берегли для решающих боев на юге, где решалась судьба каганата.

Предположительная этническая идентификация могильников Чааты возможна благодаря наличию в их культуре хуннского компонента. Единственная группа, обитавшая в Восточном Туркестане в I—VI вв. и безусловно хранившая отдельные хуннские традиции — это народ юэбань. Он стал известен китайским хронистам в конце I в. н. э., когда разгромленные северные хунну перешли через Тарбагатай и ушли «на запад в Кангюй», а подвластная им ранее группа местного, как можно полагать, происхождения осталась, сохранив в своей культуре ряд черт хуннской культуры (например, титул «шаньюй»). Источники описывают юэбань как оседлую группу²⁹. Последний раз летопись упоминает юэбань в VI в., причем этот народ действует в союзе с гаогюйскими (телескими) племенами³⁰, сильнейшими из которых были сиры. Поэтому не исключено, что народ юэбань был втянут в миграцию своих союзников на восток; следует, однако, признать, что прямых известий о союзе юэбань именно с сирами нет, но предполагать это вполне возможно.

Таким образом, юэбань является единственной группой, удовлетворяющей всем условиям для идентификации с населением, оставившим могильники Чааты I—II. Правильность такой интерпретации зависит лишь от степени достоверности и полноты летописных сообщений.

1. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.).— М., 1979.— С. 158.

2. Он же. История Тувы в средние века.— М., 1969.— С. 74—77.

3. Гаврилова А. А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 180. Следует добавить, что в чаатинских могилах нет предметов конской упряжи и поясного набора, обязательных для кочевнических погребений.

4. Худяков Ю. С., Цвендорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— С. 93; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.— Л., 1984.— С. 87—88.

5. Савинов Д. Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири.— Автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.06.— Новосибирск, 1987.— С. 28—29, 12.

6. Варламов О. Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблема археологии степной Евразии / Тез. докладов.— Ч. II. Кемерово, 1987.— С. 181—183.

7. Худяков Ю. С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник.— Новосибирск, 1989.— С. 142.

8. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа.— Вып. II).— Л., 1940.— С. 41. Табл. IX; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины.— Фрунзе, 1963.— С. 47. (Кург. 19).— С. 50 (кург. 28). С. 50 (кург. 29).

9. Лубо-Лесниченко Е. И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи.— М., 1984.— С. 109—110, 219.— Рис. 19.

10. Трофимова Т. А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии.— М., 1968.

11. Трехлопастные черешковые наконечники с треугольным сечением усиленного бойка. Ср.: Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 76. Рис. 25,2; Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 85.— Рис. 5; Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н. э.— М., 1982.— С. 187—188. Табл. 34—35.

12. Полный набор, включающий концевые (плавно изогнутые), срединные боковые (срезанные наискось концы) и фронтальные (с плавным расширением на концах) накладки. Ср.: Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 72.— Рис. 21,1—8.— С. 74.— Рис. 24; Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения...— С. 79.— Рис. 1.— С. 80.— Рис. 2,1—8; См.: также Бернштам А. Н. Кенкольский могильник...— Табл. XXVII, XXVIII.

13. Ножи со скошенным черенком и плавным либо резким уступом на переходе от обушка к черенку.— Ср.: Кызласов Л. Р., 1) История Тувы...— С. 73.— Рис. 22,12; 2) Древняя Тува...— С. 161.— Рис. 118,2,4.— С. 168.— Рис. 123,4—6; Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники...— С. 38.— Рис. 3,4; Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана...— С. 190.— Табл. 37, 1—7.

14. Кызласов Л. Р. Древняя Тува...— С. 179.— Рис. 135, 2.

15. См.: например, Бернштам А. Н. Кенкольский могильник...— С. 7; Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана...— С. 184.— Табл. 31, 1, 2.

16. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье.— Л., 1985.— С. 96.— Рис. VI, 14,22,24.

17. См.: Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г.— Архив ИА АН СССР. P-1, № 4242.

18. Ср.: Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.— С. 65.— Рис. 21; Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 72.— Рис. 21,1—2.— С. 74.— Рис. 24,3,7—9. Вопрос, однако, представляется более сложным. Кокзельские луки, по-видимому, первоначально не предусматривали применения концевых накладок, ибо концы кибита орнаментировались. Появление спрямленных концевых накладок было результатом усиления лука исходной формы совершенно специфическими концевыми накладками, получившими свою форму от прямых окончаний кибита. Сходство чаатинских и кокзельских срединных накладок позволяет предположить, что образцом послужили луки чаатинско-кенкольского типа; если это так, то Чааты для кокзельских могил, содержавших накладки, являются датирующим памятником. Исходная кокзельская форма — лук без накладок, заменяемых уплощениями кибита, придающими ее средине и окончаниям необходимую жесткость, а плечам, наоборот, гибкость,— воспроизводит лук так называемого «сасанидского» типа, распространенный на западе Средней Азии начиная с первых веков н. э. (Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии) (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА, 1966.— № 4.— С. 53.— Рис. 1,4.— С. 54.— Рис. 2,14,17,18.— С. 61, 69). Такие луки часто изображались на сасанидских блюдах (см.:

например, Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Гос. Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VIII вв.— М., 1987.— С. 107.— Рис. 3.— С. 112.— Рис. 17. Особенно четкое изображение: С. 109.— Рис. 10. Иллюстрации. № 21.) Вопрос о времени и обстоятельствах появления луков «сасанидского» типа в Центральной Азии составляет особую тему, связанную с проблемой западного компонента в кокельской и таштыкской культурах; ясно лишь, что хронология этого компонента укладывается в период до времени появления чаатинского комплекса. Если конструкция «сасанидского» лука базируется на оригинальном техническом решении, то чаатинско-кенкольская традиция ориентирована прежде всего на применение накладок. Таким образом, позднекокельский лук со спрямленными концевыми накладками сочетает элементы двух совершенно разных традиций — центрально-азиатской и иранской.

19. Мартынова Г. С. Таштыкские племена на Кие.— Красноярск, 1985.— С. 93.— Рис. 112,2.

20. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.— первых веков н. э. // ТТКАЭЭ.— Т. II; Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика.— М.— Л., 1966.— С. 285.— Табл. VIII; Худяков Ю. С., Нестеров С. П. Средневековые памятники в зоне есинской оросительной системы // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 213.— Рис. 18,1.

21. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).— Абакан, 1948.— С. 24.— Рис. 30.

22. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири.— Т. 1.— М., 1952.— С. 79.— Рис. 12.— С. 112.— Рис. 68; Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 27.— Рис. 2,2; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая.— Новосибирск, 1984.— С. 41.— Рис. 8; См.: также Шер А. Я. Каменные изваяния Семиречья.— М.— Л., 1966.— С. 79.— Табл. III,16.— С. 83.— Табл. V,21.— С. 89.— Табл. VIII,37;

23. Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 75.

24. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сын-чюрекской культур) // ТТКАЭЭ.— Т. III; Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль.— Л., 1970.— С. 61.— Рис. 95; Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // ТТКАЭЭ.— Т. III.— С. 200.— Табл. V, 2, 3, 5, 8, 12, 17.— С. 201.— Табл. VI, 9, 10, 17, 19, 20; Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.— Новосибирск, 1979.— С. 95.— Рис. 556, 1.— С. 125.— Рис. 72, 18. Следует отметить, что сосуд из мог. 40, Тепсей III (последний из названных) наиболее сопоставим с упоминавшимся сосудом из Кайрагача (см. прим. 15).

25. Мартынова Г. С. Таштыкские племена...— С. 90.— рис. 108,13.— С. 92.— Рис. 110.— С. 94.— Рис. 114; Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия.— Т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году.— Л., 1927.— Табл. II, 5.— Табл. III, 11. Вторая ваза привлекается к сопоставлению впервые; прямые аналогии см.: Кызласов Л. Р. История Тувы...— С. 69.— Рис. 18,2; Он же. Древняя Тува...— С. 169.— Рис. 124,5.

26. Таштыкские и кокельские аналогии не могут быть признаны датирующими по причине неразработанности вопросов хронологии этих культур. Датировку ранних чаатасов VII в. см.: Азбелев П. П. Конструкции оград минусинских чаатасов как источник по истории енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии.— Новосибирск, 1990. Изваяния с изображением кинжалов «уйбатского» типа датируются не ниже VII в. по изображениям вещей катандинского комплекса (прямоугольные и полуовальные поясные бляхи с прорезью).

27. Войтов В. Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889—1958) // Древние культуры Монголии.— Новосибирск, 1985.— С. 128.

28. Кляшторный С. Г. Кипчаки в рунических памятниках // Тюркология, 1986. (К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова).— Л., 1986; См.: также — Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— Т. 1.— М.—Л., 1950.— С. 339—343, 354; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.— М., 1961.— С. 41—48.

29. Бичурин Н. Я. Собрание сведений...— Т. II.— М.—Л., 1950.— С. 258—260. «Юебаньцы не были не только хуннами, но и кочевниками» и локализуются «на южных и северных склонах Тарбагатай и в бассейне Иртыша» (Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран с историей Средней Азии. Т. II. Л., 1926.— С. 134, 137—138. Оба тезиса подробно и убедительно обоснованы. Вызывает удивление позиция А. Г. Малявкина, полагающего, что юэбань — это «разрозненные тюркские племена (тюрки туцзюе и теле)» и здесь же отмечающего, что «в IV—V вв. разрозненные тюркские племена находились в самом начале пути» (Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования.— Новосибирск, 1989.— С. 218—219. Прим. 431). В конце I в. н. э., когда народ юэбань появился на исторической арене, ни тюрок, ни теле еще не было.

30. Бичурин Н. Я. Собрание сведений...— Т. III.— М.—Л., 1953.— С. 30, 79; На китайской карте периода династии Северная Вэй (386—534 гг.) владения народа юэбань помешены в Семиречье, на берегах Или (там же. Вклейка, карта 5, правая половина).

РАЗРАБОТКА ФОРМАЛИЗОВАННОГО ЯЗЫКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОЯСОВ)

Основу археологической хронологии составляет типология хронологических индикаторов (ХИ), корреляция их по отдельным или стратиграфически связанным комплексам и основанная на этом относительная хронология. Последняя имеет обычно отдельные выходы на абсолютные даты либо непосредственно (если среди обрабатываемых комплексов есть абсолютно датированные комплексы), либо через логические цепочки комплексов, объединенных типологически связанными вещами. При этом, разумеется, последний из этих комплексов должен иметь абсолютную дату, основанную либо на дендрохронологии, либо на письменных источниках (литературных, эпиграфических или на монетах), либо, на худой конец, на результатах физико-химических анализов.

Практика публикаций доказывает, что трудность здесь состоит не только в том, какие вещи следует считать типологически близкими в создаваемой исследователем логической цепочке комплексов. Не менее важно также то, насколько бережно и логически безупречно информация об абсолютной дате будет перенесена по этой цепочке от уже датированного к недатированным комплексам. Попробую показать это на конкретном примере.

В последней монографии покойного А. К. Амброза¹ подробно разбирается вопрос датировки восточноевропейских геральдических поясных наборов. Для этого А. К. Амброз выделяет несколько стадий развития этих поясов и два региона их производства (Византия и Восточная Европа): (1) Исходная форма — **ранние (ранние византийские) пояса типа Садовско-кале** — это пояс из сгоревшего однослойного римско-византийского укрепления Садовско-кале в Северной Болгарии, пояс из погребения 54 Суук-су и из склепа 56 Суук-су (1 этап Суук-су по Амброзу). (2) **«Ранние восточноевропейские пояса местного производства»** — набор из погребения Суук-су 67 (3 этап Суук-су) и (? — текст Амброза здесь не совсем ясен) пояс из погребения Дюрсо 402 (4 этап по Дмитриеву), представляющий «очень развитую ступень восточноевропейского производства таких поясов, далекую от исходных византийских форм». (3) **«Более развитые восточноевропейские пояса»**, синхронизирующиеся с 4 этапом Суук-су, Перещепиным, аварскими погребениями последней трети VII века.

Выход на абсолютную хронологию имеют лишь пояса первой стадии развития. Опираясь на предложенную им самим

дату этих поясов (кон VI в.), Амброз определяет без детального обоснования дату поясов 4 этапа Дюрсо — «не ранее начала VII в.» Попробуем пройти весь ход его рассуждений, стремясь обосновать, однако, каждый шаг (система обозначений дана в приложении):

1) Дата пожара в Садовско-кале высчитывается по многочисленным найденным там медным и золотым монетам (в том числе из нескольких однотипных кладов), среди которых практически отсутствуют бронзовые монеты Тиберия, вошедшие в употребление лишь во второй половине царствования Маврикия². Маврикий был императором в течение 14.VIII.582 ↔ 602 гг.,

следовательно дата пожара: $\left\langle \approx_{10}^{592} \text{mon-thesaur.} \right.$. Кроме того в

Садовско-кале присутствуют в небольшом количестве бронзовые монеты Анастасия и Юстина I, вышедшие из употребления где-то в первую половину царствования того же Маврикия; следовательно указанная выше датировка пожара в Садовско-кале усиливается. Наиболее поздняя группа монет в Садовско-кале — это несколько монет Маврикия, что опять-таки указывает по крайней мере на первую половину его правления;

следовательно $\left\} \frac{14.VIII.582}{5 \text{ mon-thesaur.}} \right.$. Монет ранее 491 года в Садовско-

кале нет, что указывает на время после 518 года, так как к этому времени такие монеты вышли из обращения; следовательно культурный слой в Садовско-кале начал образовываться

$\left\} \frac{518}{\text{mon-thesaur.}} \right.$.

Итак, дата гибели крепости Садовско-кале в предлагаемой системе обозначений выглядит следующим образом:

$\left\} \frac{14.VIII.582}{5 \text{ mon-thesaur.}} \div \approx_{10}^{592} \text{mon-thesaur.} \right\langle \left\langle \right.$, то есть вскоре после вступления

Маврикия на престол, но примерно до середины его царствования. Культурный же слой сформировался в течение следующего времени:

$\left(\left\} \frac{518}{\text{mon-thesaur.}} \right. \right) \text{ strat-incend.} \left(\left\} \frac{14.VIII.582}{5 \text{ mon-thesaur.}} \div \approx_{10}^{592} \text{mon-thesaur.} \right\langle \left\langle \right.) \right)$

и в течение этого периода интересующий нас пояс вышел из живой этнографической культуры и попал в слой. Следовательно, время бытования пояса из Садовско-кале в живой культуре в условных обозначениях выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} & \left\langle \left\langle \left(\left\} \frac{518}{\text{mon-thesaur.}} \div \left(\left\} \frac{14.VIII.582}{5 \text{ mon-thesaur.}} \div \approx_{10}^{592} \text{mon-thesaur.} \right\langle \left\langle \right. \right) \text{ strat-incend.} \right) \right. \right) = \\ & = \left\langle \left\langle \left(\left\} \frac{518}{\text{mon-thesaur.}} \div \frac{587}{\text{mon-thesaur.}} \text{ strat-incend.} \frac{600}{\text{mon-thesaur.}} \right\langle \left\langle \right. \right) \right. \right) \end{aligned}$$

II) Датировка комплекса из склепа 56 (5 костяков) из Суук-су определяется по найденным в нем монетам Юстина I (9.IV.518 ↔ 527) и Юстиниана I (1.VIII.527 ↔ 565). Соответственно, время бытования в живой культуре пояса из этого склепа выглядит следующим образом (при условии, что все 5 костяков были захоронены на протяжении, допустим, 75 лет и учитывая факт более длительного обращения монет IV—V вв. в Крыму, чем на Балканах):

$$\leftarrow \approx_{150\text{condit.}} \left(\begin{array}{c} 1.VIII.527 \\ \text{mon.} \end{array} \div \approx_{\text{сер.VIII}} \left(\leftarrow \left(\begin{array}{c} 452 \\ \text{mon. condit.} \end{array} \div \approx_{\text{нач.IX}} \right) \right) \right)$$

если считать, что монеты попали в склеп одновременно; и, если считать, что они попали в склеп последовательно (считая начало X века крайним реальным пределом бытования в культуре Крыма единичных монет Юстина I и Юстиниана I):

$$\leftarrow \approx_{150\text{condit.}} \left(\begin{array}{c} 1.VIII.527 \\ \text{mon.} \end{array} \div \begin{array}{c} \text{нач. X} \\ \text{кон. X} \end{array} \right) = \leftarrow \left(\begin{array}{c} 452 \\ \text{mon. condit.} \end{array} \div \begin{array}{c} \text{нач. IX} \\ \text{кон. X} \end{array} \right)$$

Итого, датировка пояса из склепа 56 в Суук-су:

$$\leftarrow \left(\begin{array}{c} 452 \\ \text{mon. condit.} \end{array} \div \left(\begin{array}{c} \text{нач. IX} \\ \text{кон. X} \end{array} \right) \right)$$

III) Дата бытования поясов типа Садовско-кале высчитывается на основании обеих высчитанных выше дат. Попутно здесь встанет вопрос о методе датирования всего типа по датам лишь нескольких вещей этого типа. Считаю в таком случае единственно правильным с точки зрения методики, что тип бытовал в живой культуре как до, так и некоторое время после дат, зафиксированных для конкретных вещей этого типа. Это «после» нам особенно важно, так как затем надо высчитать дату следующей стадии развития этих поясов. Примем условно, что это «после» (Δt_1) может колебаться в пределах от 0 до 50 лет ($0 \leq \Delta t_1 \leq 50$).

Кроме того, ясно, что дата «II» (пояс из склепа 56 Суук-су) никак не может уточнить дату «I» (пояс из Садовско-кале), а лишь подтверждает ее: во-первых, дата II шире даты I; во-вторых, дата II основана на отдельных монетах из склепа, а дата I — на монетных кладках из горелого слоя.

Следовательно, дата бытования всех поясов типа Садовско-кале такова

$$\leftarrow \left(\begin{array}{c} 518 \\ \text{mon-the-saur.} \end{array} \div \begin{array}{c} 587 \\ \text{mon-the-saur. strat-incend. mon-the-saur.} \end{array} \left(\begin{array}{c} 600 \\ \text{mon-the-saur.} \end{array} \right) \right) \quad \text{при } \Delta t_1 = 0$$

$$\text{и } \leftarrow \left(\begin{array}{c} 568 \\ \text{mon-the-saur.} \end{array} \div \begin{array}{c} 637 \\ \text{mon-the-saur. strat-incend. mon-the-saur.} \end{array} \left(\begin{array}{c} 650 \\ \text{mon-the-saur.} \end{array} \right) \right) \quad \text{при } \Delta t_1 = 50.$$

Таким образом, пояса типа Садовско-кале датируются более или менее надежно временем от 3/3 VI до 1/3 VII, хотя не исключено, что они могли выйти из употребления уже к кон. 2/10 VI.

IV) Обозначим через Δt_2 временной промежуток, разделяющий исчезновение поясов типа Садовско-кале и появление поясов типа Дюрсо IV этап. Примем, что величина этого промежутка может колебаться в пределах от -20 до $+20$ ($-20 \leq \Delta t_2 \leq +20$). Соответственно, дата бытования поясов типа Дюрсо IV этап будет таковой:

— «заниженная»: $\langle \overset{498}{\text{mon-theaur.}} + \overset{567}{\text{mon-theaur.}} \overset{580}{\text{strat-incend. mon-theaur.}} \rangle \leftrightarrow$

при $\Delta t_1 = 0, \Delta t_2 = -20$;

— «завышенная»: $\langle \overset{588}{\text{mon-theaur.}} + \overset{657}{\text{mon-theaur.}} \overset{670}{\text{strat-incend. mon-theaur.}} \rangle \leftrightarrow$

при $\Delta t_1 = 50, \Delta t_2 = +20$.

Итак, из всего вышесказанного следует, что надо ставить вопрос о бытовании поясов типа Дюрсо IV этапа уже в 60-х гг. VI века и нельзя полностью исключать появление их уже в кон. V. Однако, кон. V, разумеется, будет самой ранней из всех предполагаемых датировок, — то есть при $\Delta t_1 = 0, \Delta t_2 = -20$ и при условии, что экземпляр из Садовско-кале вышел из живой культуры еще в самом начале накопления культурного слоя в этой крепости. Датировка же А. К. Амброза («не ранее нач. VII в.») удовлетворяет лишь моей «завышенной» дате. «Заниженная» же указывает на время на 40, а то и на 100 лет раньше, чем у А. К. Амброза.

В целом же предложенная дата геральдических поясов будет оставаться в силе до тех пор, пока их даты будут базироваться на дате пояса из Садовско-кале.

Рассмотренный выше случай, на мой взгляд, убеждает в необходимости создания строгого языка для описания результатов хронологических изысканий (см. приложение). Правда, следует отметить, что создание запутанной системы каблистических символов само по себе не является самоцелью, а лишь должно стимулировать наши усилия к более четкому осознанию тонкостей хронологии.

1. Амброс А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв.— М., 1989.— С. 54—55.

2. Шувалов П. В. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в сер. I тыс. н. э.— Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.76.— Л., 1989.— С. 14.— Рис. 1.

Приложение

СИСТЕМА УСЛОВНЫХ ХРОНОСИМВОЛОВ

Вспомогательные обозначения:

- — определенная фиксированность даты,
- — малая вероятность даты ( ) — группа дат
- * — особая интенсивность

Реальные недлительные (моментные) даты:

545—545 год   5.VII.545 — 5 июля 545 года
 VI—VI век   1/4 VI — первая четверть VI века

Реальные длительные даты (см. схему):

545 ↔ 580 — процесс, длившийся с 545 по 580 год
 ↔ 580 — процесс, закончившийся в 580 году
 ↔* 580 — все более усиливающийся процесс, закончившийся в 580 г.
 530 ← 545 ↔ 580 → 590 — процесс, длившийся с 530 по 590 г., но имевший особую интенсивность с 545 по 580 г.

|| — одновременно, в то время как

Исследовательски неопределенные недлительные (моментные) даты:

≈ 545 — когда-то около 545 г., причем скорее всего в пределах ± 10 лет
 545 : 580 — 545 либо 580 г.
 545 : 580 — 545 либо 580 г., но 580 менее вероятен
 > 545 — когда-то, начиная с 545 года
 >> 545 — когда-то заведомо позже, чем 545 г.
 > 545 — когда-то, начиная с 545 г., но не сильно позже
 >₁₀ 545 — когда-то, начиная с 545 г., но скорее всего в пределах ближайших 10 лет
 > 545 — когда-то начиная с 545 г.; но может быть и раньше, хотя и маловероятно
 > 545 — когда-то начиная с 545 г., но может быть и немного раньше, хотя и маловероятно
 > 545 ÷ 580 < — когда-то в пределах между 545 и 580 г.
 > 545 $\frac{\cdot}{10}$ 580 < — когда-то в пределах между 545 и 580 г., причем ранние 10 лет менее вероятны

Исследовательски неопределенные длительные даты:

→₃₅ 580 — процесс, закончившийся в 580 г. и начавшийся до этого лет за 35

→₂₀ 545 — длительное событие протяженностью около 20 лет, произошедшее около 545 г.

545 % 546 — рубеж 545 и 546 гг.

545 / 546 — год (12 мес.) на рубеже 545 и 546 гг.

например: год правления какого-либо монарха

> 545 ⇄ 580 < — несколько однотипных событий когда-то в пределах между 545 и 580 гг.

Примечание: все интервалы включают в себя также и года, обозначенные как их пределы.

Дополнительные обозначения:

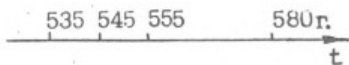
- 1) Источники абсолютной датировки:
- mon. (eta) — единичная монета
  - mon-thesaur. (us) — группа монет или клад короткого накопления
  - mon-diagr. (amma) — совокупность монет или клад длительного накопления
  - epigr. (aphica) — эпиграфический материал
  - hist. (oria) — историческое событие (пожар, основание поселения или начало импортов), отождествленное с археологическими реалиями
  - carbo — C₁₄
  - dendr. — дендродата
  - ser (ies) — серия дендронат (ser-dendr.) или радиоуглеродных дат (ser-carbo)
- 2) Способы передачи датирующей информации:
- strat. (um) — слой
  - strat-incend. (ium) — слой пожара («случай внезапной гибели»)
  - strat-vast. (atio) — слой запустения («случай постепенной гибели»)
  - strat-aedif. (icatio) — строительный слой («случай строительства»)
  - sepul. (crum) — единичное погребение
  - condit. (orium) — склеп
  - tum. (ulus) — насыпь кургана
  - fossa — заполнение ямы («случай помойки»)
  - dom. (us) — заполнение жилища
  - thesaur. (us) — клад
  - typ. (us) — типологически

Например: $\underset{\text{мон.}}{> 582} \div \underset{\text{мон.}}{650} <$ — недлительное событие, датированное по единичным находкам монет где-то в пределах между 582 и 650 гг.

ГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ХРОНОСИМВОЛОВ И СИНОНИМИЧНЫЕ ВАРИАНТЫ ЗАПИСИ

- — недлительная (моментальная) дата
- — исследовательски неопределенная дата
- — маловероятная дата
- — очень маловероятная дата
- — длительная дата

Объяснение хроносимволов:

$$545 \leftrightarrow 580$$

$$\overset{\approx}{20} \leftrightarrow 580$$

$$\overset{\approx}{20} 545 = \overset{\cdot}{\circ} \rightarrow 535 \div 555 \leftarrow \circ$$

$$> 545$$

$$\gg 545$$

$$\gtr 545$$

$$\gtr_{10} 545 = > 545 \div 555 \leftarrow \circ$$

$$\circ \rightarrow 545$$

$$\overset{\cdot}{\circ} \rightarrow 545 = > \overset{\approx}{10} 550$$

$$> 545 \div 580 <$$

$$> 545 \overset{\div}{10} 580 <$$

$$> 545 \div 580 \leftarrow$$

$$\gg 545 \div 580 <$$

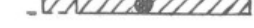
$$> 545 \overset{\div}{\circ} 580 <$$

$$> \overset{\approx}{20} 555 \div 580 < =$$

$$= \overset{\cdot}{\circ} \rightarrow 545 \div 580 <$$

$$\leftarrow_{30} 580$$

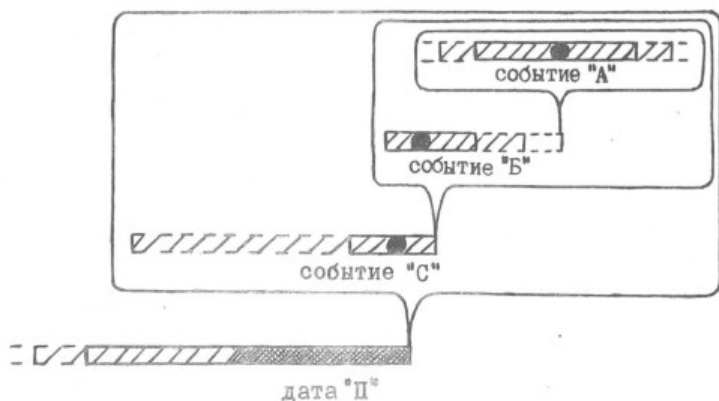
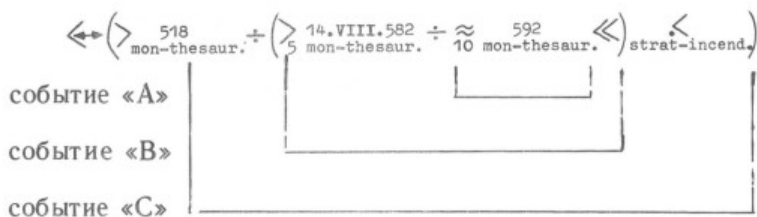
$$\leftarrow \overset{545}{\approx 20} \rightarrow$$

$$> 545 \overset{\div}{\circ} 580 <$$

Графическое объяснение сложной даты (на примере даты «II»)

КЕРАМИКА IX—X вв. ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Городище древнего Пенджикента — один из наиболее изученных памятников раннесредневековой Средней Азии. Керамика в комплексном исследовании города занимает значительное место. В первые годы раскопок было высказано мнение, что Пенджикент однослойный памятник. Однако вскоре А. И. Тереножкин, опираясь, главным образом, на изучение керамики, выделил две стадии материальной культуры города. Первая стадия охватывала конец VI — начало VII вв., а вторая — вторую половину VII — первую половину VIII в. ¹ В последующие годы в эту схему были внесены уточнения: начало 1-й стадии было датировано V в. ², а конец 2-й стадии продлен до 3-й четверти VIII в., когда город окончательно запустел ³.

Б. И. Маршак посвятил специальное исследование комплексу керамики 1-й стадии, которая получила название керамики «нижнего слоя» ⁴. Одним из главных результатов этой работы является выделение дробных периодов (шесть комплексов), охватывающих 25—50 лет ⁵.

Керамика 2-й стадии («керамика верхнего слоя») подробно описана и охарактеризована И. Б. Бентович ⁶. В этой статье приведен также комплекс гончарных котлов, который И. Б. Бентович датирует IX—X вв. ⁷ Подробный комментарий этой находки дан А. М. Беленицким, который отмечает характерные особенности котлов — их усложненный профиль, серый цвет черепка, примесь песка в тесте и наличие на трех фрагментах арабских надписей. Последнее обстоятельство, а также аналогии в керамике IX—X вв. Варахши, позволили А. М. Беленицкому считать их результатом «вторичного использования отдельных помещений более или менее случайными поселенцами» ⁸.

Хотя время от времени на городище попадают предметы, относящиеся ко времени и X в., и XV—XVI вв., на сегодняшний день, когда исследовано уже более двух третей городища, неоспоримым остается факт, что город после третьей четверти VIII в. больше не восстанавливался полностью ¹⁰.

Лишь в последние годы работ Пенджикентской археологической экспедиции получен богатый материал, позволяющий по-новому рассмотреть некоторые вопросы хронологии пенджикентской керамики IX—X вв. Наряду с этим, значительно расширяются наши представления о характере деятельности жителей данного района указанного периода времени.

В этой статье рассматривается керамика из раскопок двух объектов, расположенных к западу от цитадели Пенджикента: у подножия и в 300-х метрах от нее.

Последний представляет собой группу виноградодави-

лен¹¹. В заполнении давлений найдено много керамики, большую часть которой составляют круговые котлы, не похожие ни на котлы «нижнего», ни на котлы «верхнего» слоев городища. Но некоторые из них абсолютно идентичны котлам из раскопок объекта у подножия цитадели (Рис. 2.26; Рис. 2,1—22).

Но прежде чем перейти к изучению керамики последнего объекта, охарактеризуем сам объект и слой, из которого происходят сосуды.

Плохая сохранность древних сооружений на этом участке обусловлена интенсивным его использованием в более позднее время. Еще в 30-е годы нашего века во время строительства канала Токсан Кариз были снесены северный и западный края этих построек. Затем была устроена большая площадка для народных гуляний во время навруза. После запрета проводить этот праздник, в середине 40-х годов, место запустело. Долгое время пенджикентцы брали отсюда землю для строительства, разрушая культурные напластования. К началу раскопок здесь образовалась городская свалка. К этому необходимо добавить, что по рассказам очевидцев, во время строительства неподалеку (в 20-ти м к западу) корпусов хлебозавода, было открыто помещение, стены которого были украшены живописью. Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело лишь с небольшой частью, некогда значительного, обжитого еще в раннем средневековье района.

На этом участке прослежены три строительных периода. Нижний, судя по керамике, извлеченной из тела пахсовой платформы, лежащей на материке, относится к V—VI вв., а верхний — к IX в. Но никаких архитектурных сооружений последнего периода, кроме остатков стен небольшого помещения (№ 9), углубленного в землю, не обнаружено. Верхний слой, как отмечалось выше, образовался в результате нивелировки этого места и устройства свалки. Это определило и его неоднородность, и переотложенность материала. Ниже слой аморфного заполнения, содержащий остатки каких-то сооружений из битой глины. Именно в этом слое были найдены сосуды, о которых пойдет речь. Поскольку никаких построек на этом уровне не найдено, нельзя сказать с уверенностью, связаны ли данные сосуды с ним непосредственно или были принесены из другого места. Можно было предположить, что здесь находились легкие каркасные сооружения, от которых ничего не сохранилось. Но этому противоречит то, что на этом уровне не найдено ни одной ровной горизонтальной прослойки, которая могла бы служить чем-то вроде пола в помещении. Этот вопрос относится к разряду принципиальных. Судя по нашим наблюдениям, данный участок напоминает свалку, но она не похожа ни на характер отложения слоев и материала в бадрабах¹², ни на вымостки, как это зафиксировано при раскопках южных ворот древнего Пенджикента¹³. Какие-то

параллели можно провести с открытой на объекте XII Пенджикента общегородской свалкой¹⁴. Однако в отличие от последней, где прослежено большое количество мелких прослоек, на нашем раскопе один слой толщиной 30—40 см. Последнее обстоятельство, а также слабая насыщенность слоя (на площади в 90 м² найдено всего 127 значимых фрагментов сосудов), заставляет думать, что перед нами результат единовременного действия, как засыпка между опорами моста на объекте IX Пенджикента¹⁵.

Обратимся теперь к анализу состава керамики.

Первое, что бросается в глаза — полное отсутствие глазурованной посуды. Из всей совокупности керамики можно выделить три хронологические группы: 1) сосуды V — 1-й половины VII вв. (Рис. 1, 1—9); 2) сосуды 2-й пол. VII — 3-й четверти VIII в. (Рис. 1, 10—50); 3) сосуды, относящиеся ко времени после 3-й четверти VIII в. (Рис. 2, 1—36; Рис. 3, 1—41).

Если первые две группы находят прямые аналоги в керамике «нижнего»¹⁶ и «верхнего»¹⁷ слоев, то третья группа их не имеет.

Мы не будем детально останавливаться на анализе первых двух групп, поскольку это выходит за рамки предложенной темы. В процентном отношении 1-я группа составляет 4,5%, 2-я — 33%, 3-я — 62,5%. Существенно само по себе наличие в одном слое керамики такого широкого диапазона времени.

Сравнивая столовую посуду 2-й и 3-й групп необходимо отметить, во-первых, отсутствие чаш и кружек в последней группе, и, во-вторых, абсолютное отличие кувшинов обеих групп (ср. 1, 20—27 и Рис. 2, 1—4). У кувшинов последней группы (Рис. 2, 1—4), высокое узкое почти цилиндрическое горло, составляющее около трети всей высоты сосуда. Кроме того, венчик оформлен легкой припухлостью с обеих сторон. Кувшины 2-й группы (Рис. 1, 20—27), которые аналогичны подобным сосудам «верхнего слоя» городища¹⁸, имеют расширенное у самого устья горло, образующее как бы муфту. Разница сосудов этих групп настолько велика, что можно с достаточным основанием утверждать, что они относятся к разным типам. Наиболее близкие аналогии кувшинам 3-й группы мы находим в керамике конца VIII—IX вв. Афрасиаба¹⁹.

Широкогорлые сосуды 3-й группы (Рис. 2, 6—15) близки некоторым типам этой категории сосудов верхних слоев городища Пенджикента²⁰.

По-видимому, не случайно, что более половины всех сосудов — круговые котлы. По характеру профиля они разделяются на три основных типа. В отдельную группу вошли единичные фрагменты котлов, не составляющих серии.

Первый тип котлов (Рис. 1, 37—47) и Рис. 2, 16—36 характеризуется полустреловидным или подтреугольным профилем венчика. Если расположить котлы этой группы по близости от

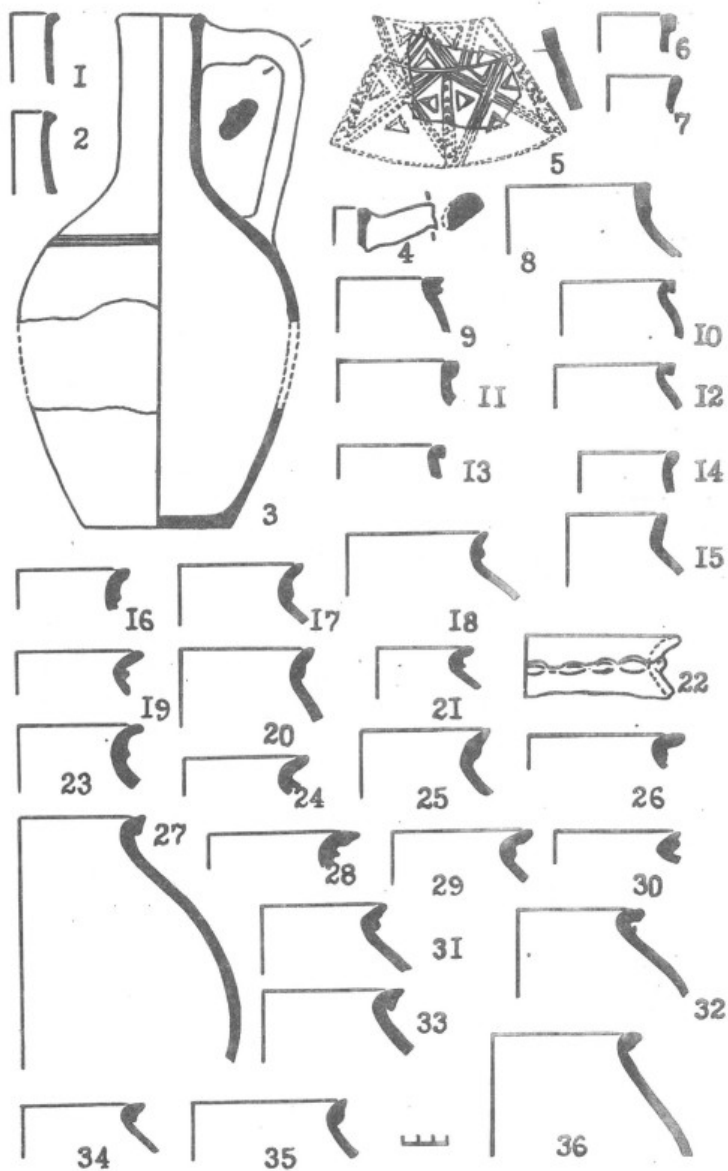

Рис. 2.

Рис. 2. Керамика объекта у подножия цитадели. Слой аморфного заполнения.

формы венчика, то получим непрерывный типологический ряд. Начальная часть этого ряда находит аналогии в керамике «верхнего слоя» Пенджикента²¹, что послужило основанием для включения части котлов во 2-ю хронологическую группу (Рис. 1, 37—47). Конечная часть типологического ряда, не имеющая аналогий в пенджикентском материале, отнесена к 3-й группе (Рис. 2, 16—36). Ближе всего по облику нашим котлам 3-й группы аналогичные сосуды из прослоек конца VIII—IX вв. городища Афрасиаб²². В данном случае, можно, по-видимому, утверждать, что хронологическим показателем этого типа котлов является степень отогнутости венчика. Чем больше он отогнут, тем большая вероятность того, что сосуд с таким венчиком был изготовлен позднее.

Второй тип котлов имеет венчик, похожий на предыдущий, но как бы срезанный сверху (Рис. 3, 1—22). Почти все сосуды этой группы покрыты желтовато-охристой краской, а в тесте примесь песка. Котлы этого типа, впервые встреченные в Пенджикенте, не находят аналогий в материале близлежащих синхронных памятников. По-видимому, это продукция одной пенджикентской мастерской.

Третий тип — котлы со сложнопрофилированным венчиком. Объединяет их наличие узкого желобка по наружному краю венчика (Рис. 3, 23—24). Котлы этого типа имеют прямые аналогии в керамике Афрасиаба²³ и даже в кухонной керамике IX—X вв. Ферганы²⁴.

Пять фрагментов венчиков котлов, выделенных в особую группу (Рис. 3, 35—39) также не находят аналогий ни в керамике пенджикентского городища, ни среди сосудов сопредельных памятников.

Необходимо также упомянуть о фрагменте венчика лепного котла с примесью шамота и песка (Рис. 3, 41).

Особняком стоит фрагмент стенки сосуда с резным орнаментом. Подобная техника украшения сосудов характерна для керамики как IX в., так и более позднего времени в Средней Азии²⁵.

Вместе с описанной выше керамикой была найдена бронзовая накладка в виде половины трехлепестковой розетки от ручки сосуда. Подобные накладки характерны для металлических сосудов конца VIII в.²⁶

В этом же слое были обнаружены три саманидских фельса (один 244 г. хиджры (857 г. н. э.) и два 245 г. хиджры (858 г. н. э.))²⁷.

Таким образом, фиксируемая непосредственная типологическая связь (особенно хорошо она прослеживается на круговых котлах 1-го типа), стратиграфические наблюдения на объекте, а также находка в слое с керамикой монет IX в., позволяет нам сделать следующие выводы.

Рассмотренную совокупность сосудов можно условно счи-

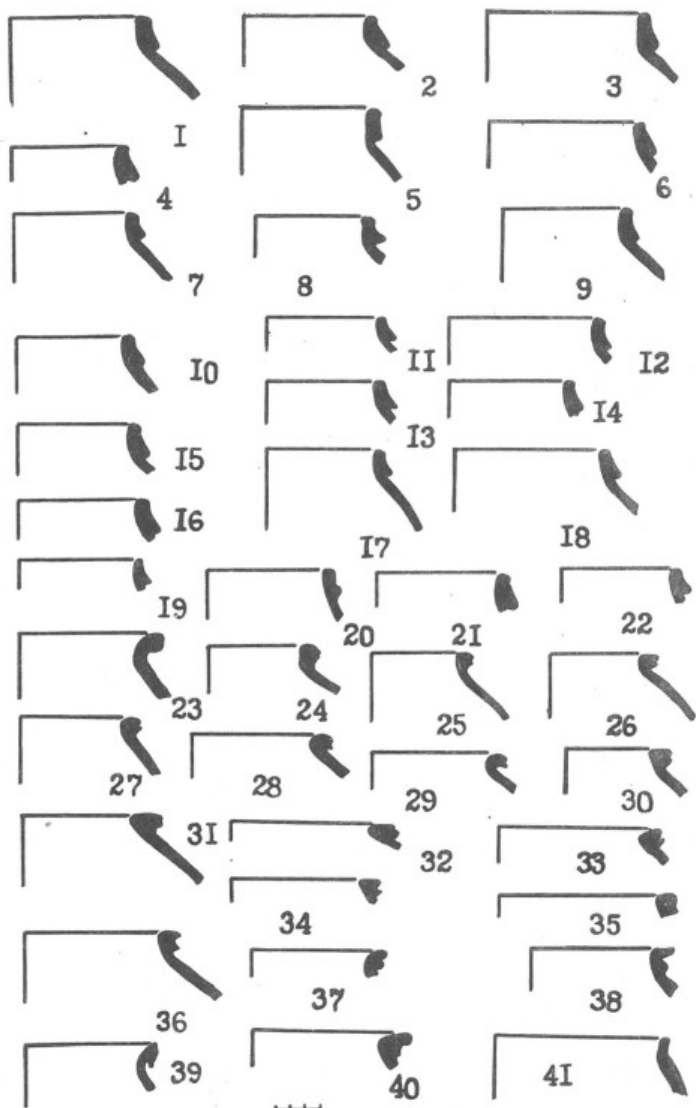

Рис. 3.

Рис. 3. Керамика объекта у подножия цитадели. Слой аморфного заполнения.

тать керамическим комплексом, имеющим верхнюю границу сложения, которая скорее всего относится ко времени не позднее IX в.

В связи с этим, появляется возможность по-новому взглянуть на комплекс котлов IX—X вв., обнаруженных в 1953 г. на объекте IX древнего Пенджикента²⁸. Если сравнить их с котлами из раскопа у подножия цитадели, то можно заметить следующее. По крайней мере два котла²⁹ генетически связаны с котлами первого типа (Рис. 2, 32), аналогий же другим котлам пока не найдено. Если расположить в один типологический ряд котлы первого типа из раскопа у подножия цитадели и объекта IX, то в начале следовало бы поставить первые. Из этого следует, что, вероятнее всего, котлы объекта IX относятся ко времени после бытования котлов нашего объекта. Однако: насколько они позднее пока сказать трудно из-за недостатка данных. Тем не менее, первоначальную дату котлов объекта IX можно сузить до IX или 2-й половины IX в.—начала X в.

В связи с изложенным выше, возникает ряд вопросов. Во-первых, какое отношение имеет рассмотренная керамика к городу? Что касается котлов объекта IX, то можно с определенностью утверждать, что они являются результатом случайного посещения развалин городища, поскольку на других объектах подобного материала не найдено. Кроме того, важно также то, что других категорий сосудов там не было. То есть, на этом месте не жили более или менее постоянно. Керамика у подножия цитадели также непосредственно не связана с городскими постройками. Однако нельзя не учитывать факт типологической связи рассмотренных комплексов с керамикой верхних слоев городища, а значит, с пенджикентской гончарной традицией. Поскольку до сих пор в Пенджикенте не найдено ни печей, и ни одного фрагмента брака керамики «верхнего слоя», нерешенным остается вопрос о месте ее производства. И все-таки, видимо, можно говорить о том, что традиция пенджикентской керамики не прерывалась и после оставления жителями города на 2-й террасе р. Зеравшан. Возможно керамические мастерские находились за пределами города, рядом с выходами глины.

Находка двух рассмотренных комплексов показывает, что жизнь здесь не прерывалась с V—VI по IX в. Более того, открытые на одном из объектов товарного производства вина или патоки, свидетельствует о наличии массового потребителя этой продукции где-то рядом.

Как отмечалось выше, непонятной остается избирательность отдельных категорий посуды, которой представлена керамика IX—X вв.— это в основном котлы и кувшины.

Возможно, объяснением этого факта, в какой-то мере могут послужить этнографические данные.

По наблюдениям Е. М. Пещеровой, цеховые собрания гончаров Пенджикента в начале XX в., связанные с празднованием Навруза, проводились у северного подножия цитадели древнего города, рядом с источником³⁰. Необходимой частью ритуала проведения навруза, было разжигание костров в последнюю среду перед праздником. По обеим сторонам у костра ставили кувшины с золой. Прыгающие через огонь разбивали эти сосуды, что избавляло их от бед и грехов³¹. Подобный обряд, древность которого не вызывает сомнения, зафиксирован М. Нершахи (историком X в., описавшим его проведение в Бухаре)³². В таком виде он сохранился до сих пор³³.

Наличие большого количества котлов, видимо, связано с приготовлением ритуального кушанья — киселя из пшеничного солода³⁶. Всю эту посуду затем разбивали, чтобы избавиться от грехов и различных напастей.

Приведенные выше данные позволяют подвергнуть сомнению категоричное утверждение А. Ю. Якубовского о том, что сведения арабских географов X в. о Бунджикате (Пенджикенте), относятся «к тому месту, которое современные пенджикентские жители называют Пянджикент-и-кухна и которое находится на левом берегу Зеравшана, в 4 км выше по реке от современного города»³⁴.

Таким образом, результаты исследования на этом участке дают вещественные материалы для изучения неизвестного периода истории пенджикентского района.

1. Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента // МИА, 1950.— № 15.— С. 91.

2. Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА, 1964.— № 124.— С. 243.

3. Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // комплексы I и II, раскопки 1952—1956 гг. // МИА, 1964.— № 124.— С. 120.

4. Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента // ИООН АН ТаджССР, 1957.— Вып. 14.

5. Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв., как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов) — Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Л., 1965.

6. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.) // МИА, 1964.— № 124.— С. 265—298.

7. Там же.— С. 275.— Рис. 11, 1—16.

8. Беленецкий А. М. Арабская надпись из Пенджикента // ЭВ, 1956.— Вып. 11.— С. 29.

9. Ерзакович Л., Исаков А. Позднесредневековая поливная керамика из Пенджикента // ИАН Тадж. ССР ООН, 1971.— № 3.— С. 68; Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.).— М., 1963.— С. 159.

10. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА, 1981.— № 2.— С. 94—110.

11. Саввониди Н. Ф. Виноградодавильни близ древнего Пенджикента // МАИКЦА. Информационный бюллетень, 1990.— Вып. 17.

12. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). — Ташкент, 1984. — С. 19, 21. — Рис. 13.
13. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках древнего Пенджикента в 1982 г. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2 Д. № 2793. — Л. 3.
14. Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1956—1960 гг. // МИА, 1964. — № 124. — С. 215. — Рис. 17. — С. 203. — Рис. 13.
15. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1983 г. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2 Д. № 2856. — С. 7—8.
16. Маршак Б. И. Отчет о работах... — Рис. 21—22. — С. 228—229.
17. Бентович И. Б. Керамика верхнего... — С. 265—298.
18. Там же. — С. 281. — Рис. 19.
19. Брусенко Л. Г. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе // Афрасиаб. — Вып. II. — Ташкент, 1973. — Рис. 2, 6; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. — Вып. II. — Ташкент, 1973. — С. 80. — Рис. 17, 7, 9.
20. Бентович И. Б., Керамика... — С. 271. — Рис. 7, 7—10.
21. Там же. — С. 274. — Рис. 10, 11—14.
22. Брусенко Л. Г. Остатки... — Рис. 2, 2.
23. Там же. — Рис. 2, 3, 5.
24. Архаров И. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. // ИМКУз, 1977. — Вып. 7. — Рис. 3г.
25. Агеева Е. И. Керамика южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). — Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — 07.00.06. — Л., 1953; Столярова Н. П. К характеристике керамического материала XII—XIII вв. ряда памятников Кашкадарьи // НТТаш. IV, 1974. — Вып. 473. — С. 35.
26. Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки восточной торевтики. — М., 1971. — С. 27. — Табл. 47.
27. Определение Б. И. Маршака.
28. Бентович И. Б. Керамика... — С. 275. — Рис. 11, 1—16.
29. Там же. — С. 275. — Рис. 11, 14, 16.
30. Пещерева Е. М. Из истории цеховых организаций в Средней Азии // КСИЭ, 1949. — Вып. 6. — С. 36.
31. Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза в XIX — начале XX вв. // КСИЭ, 1958. — Вып. 29. — С. 78.
32. Лыкошин Н. История Бухары. — перевод с персидского. — Ташкент, 1989. — С. 27.
33. Рахимов М. Р. Следы... — С. 80.
34. Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Отчет Верхнезеравшанского отряда о работе в 1946 г. // МИА, 1950. — № 15. — С. 41.

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ СОПОК И ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

(по материалам западных районов Новгородской земли)

Вопросы хронологии памятников Северо-Запада второй половины I тыс. н. э. еще весьма далеки от окончательного разрешения. До сих пор основным источником для нас остаются погребальные комплексы (насыпи культуры длинных курганов, сопки и т. д.). Однако, в силу специфики погребальной обрядности (а в подавляющем большинстве случаев это кремация на стороне), вещи в погребениях встречаются довольно редко, а более-менее выразительные комплексы вообще единичны. В связи с этим построение относительно дробной (хотя бы с точностью до одного-двух веков) хронологии по закрытым комплексам невозможно. Невозможна и прямая интерполяция датировок отдельных типов вещей других хронологических шкал (центральноевропейской, южной, прикамской) на материалы Северо-Запада, поскольку неясен вопрос о периоде запаздывания распространения здесь новых типов предметов, а тем более время выхода их из употребления.

Учитывая вышесказанное, мы предлагаем рассмотреть соотношение вещевого комплекса во всей его совокупности, происходящего из сопок и насыпей культуры длинных курганов на компактной, достаточно изученной территории. В качестве наиболее удобной для данного исследования нам представляется территория западных районов Новгородской земли (бассейны рек Луги и Плюссы и восточное побережье Псковско-Чудского водоема). Здесь две основные группы памятников второй половины I тыс. н. э. представлены в трех зонах в различном соотношении (районы исключительного распространения сопок или длинных курганов и контактная территория). Вещевой комплекс, происходящий из насыпей культуры длинных курганов (далее КДК), должен быть сопоставлен с «сопочным». Общность предметов, если она выявится, будет означать наличие контактов и относительную синхронность на определенном этапе этих групп памятников. В случае отсутствия надежного «пересечения» возможны несколько вариантов объяснения такого факта, требующие анализа на уровне отдельных зон, микрорегионов, памятников.

Для получения более-менее надежных абсолютных дат для каждой группы древностей в настоящий момент мы располагаем двумя методами. Первый — это радиоуглеродное датирование (серия дат, как для сопок, так и для насыпей КДК, получена С. Г. Поповым), которое, несмотря на все несовершенства, дает хронологические опоры и в любом случае, выполненное

одной лабораторией, показывает соотношение памятников во времени. Второй заключается в использовании материалов стратифицированных поселений, где своеобразным хронологическим репером служит слой, в котором появляется гончарная керамика. Дата появления гончарного круга на Северо-Западе известна по материалам Ладоги (VIII ярус, 920-е гг.— ок. 950 г.)¹.

Сразу надо оговорить объем и характер нашей источниковедческой базы. Раскопки в рассматриваемом регионе ведутся более ста лет. К настоящему времени исследовано ок. 150 погребальных сооружений второй пол. I тыс. н. э.² Известно 40 погребений КДК, содержащих вещи (керамика не учитывается). Среди них можно выделить лишь десяток комплексов, позволяющих хоть как-то охарактеризовать погребальный убор носителей КДК. Однако, с известными допусками, можно получить общее представление о круге древностей, составляющем основу инвентаря погребений КДК. Из 10 раскопанных в регионе сопок лишь 4 содержали находки. Но особо следует отметить, что эти вещевые комплексы получены в ходе полевых работ 1988—89 гг., когда автором исследовались целые насыпи. Два комплекса происходят из курганов «смешанного» типа («курганы на стыке ландшафтов»), составляющих особую группу погребальных сооружений с кремациями, сочетающих в своем обряде и топографии черты сопки и насыпей КДК. Особый интерес представляет насыпь у д. Репьи.

В данный момент планомерными раскопками охвачено три стратифицированных поселения с материалами кон I — нач. II тыс. н. э. (Которск — раскопки автора³; Городец — раскопки Г. С. Лебедева⁴; Передольский погост — раскопки Н. И. Платоновой⁵). Общая вскрытая площадь превышает 1,5 тыс. кв. м. Важно отметить значение работ С. Г. Попова на городище Сторожинец⁶, где для слоя, содержащего предметы, аналогичные вещам из насыпей КДК, получены радиоуглеродные даты.

Среди древностей второй половины I тыс. н. э., открытых в пределах региона и имеющих определенную значимость в вопросах хронологии, можно отметить комплекс вооружения у с. Доложское (курган 45, раскопки Л. К. Ивановского)⁷.

Характерным набором вещей из насыпей КДК являются: квадратные металлические бляшки-накладки от головных венчиков со штампованным орнаментом (3); (далее в скобках указано количество комплексов, где данные предметы встречены — прим. авт.), спиральки-пронизки (8), синие стеклянные бусы (13), пластинчатые браслеты с продольными выпуклыми валиками (3), детали пояса — пряжки и язычки от них (4), накладки (3), бляшки-скорлупки (9), в двух случаях найдены блоковидные огнива. Среди единичных находок следует

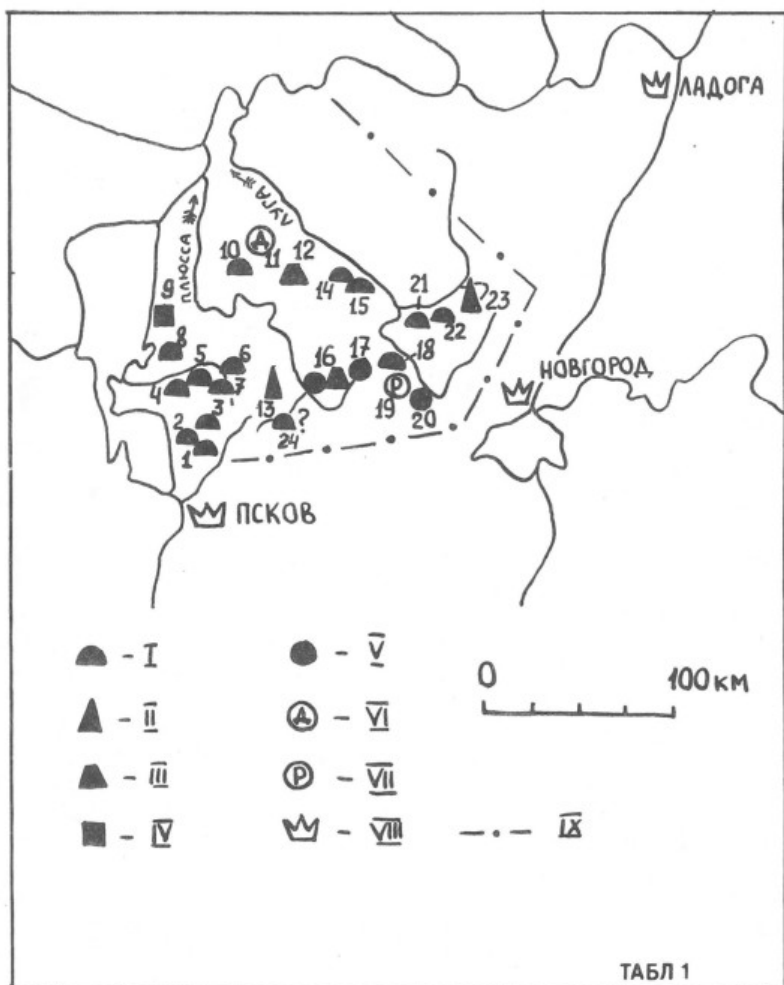

ТАБЛ 1

Табл. 1. Карта памятников северо-запада Новгородской земли с вещевыми комплексами эпохи сопок и длинных курганов.

I — насыпи КДК; II — сопки; III — памятники «смешанного типа» (курганы на стыке ландшафтов); IV — городище КДК; V — стратифицированные поселения к. I — нач. II тыс. н. э.; VI — комплекс у с. Доложское; VII — насыпь у д. Репьи; VIII — протогородские и раннегородские центры с дендродатированными слоями; IX — условные границы рассматриваемого региона.

1 — Володи; 2 — Совий Бор («Грядище»); 3 — Городня; 4 — Горско; 5 — Светлые Вешки; 6 — Безьва; 7 — Жеребятино; 8 — Залахтовье; 9 — Сторожинец; 10 — Березно; 11 — Доложское; 12 — Славенка; 13 — Сквородка; 14 — Островенка; 15 — Ситенка; 16 — Которск; 17 — Городец; 18 — Рапти-Наволоч; 19 — Репьи; 20 — Передольский погост; 21 — Мерев; 22 — Поддубье; 23 — Пристань; 24 — Струги Малые.

отметить серебряные браслеты из кургана 4 могильника у д. Володи, аналогичные бронзовому браслету с городища Сторожинец, часть удила из кургана 1 у д. Жеребятино, фрагмент бронзовой гривны (Городня, курган 13), подвеску-лунницу из высокого кургана у д. Горско, являющуюся, по всей вероятности, деталью головного убора. Ножи представлены формами с прямой спинкой и невыраженным переходом от лезвия к черешку. Керамика лепная, баночных форм.

С памятниками КДК связаны, вероятно, сасанидская монета VII в., происходящая из «огромного кургана» у д. Струги Малые, разрушенного строительством железной дороги⁸. В пользу этого говорит топография и близость к данному участку железной дороги (несколько севернее современных Струг Красных) скопления памятников КДК (Щир, Березицы, Куряя) и удаленности от него сопок (Рис. 2).

Описанный выше вещевой комплекс имеет аналоги в ряде культур Восточной Европы, относимых к третьей четверти I тыс. н. э. (даже несколько шире — V—VIII вв. н. э.)⁹. Серия радиоуглеродных дат по городищу Сторожинец и могильнику Березно I также укладывается в рамки V—VII вв. Если комплекс вооружения воина-всадника из Доложского действительно связан с КДК, то его датировка поможет уточнить нижнюю хронологическую границу появления носителей КДК в данном регионе. Специфика обряда (судя по всему, кремация на месте), сам уникальный набор предметов (копье-пика, удила, умбон) ставят это погребение в особое положение по отношению к остальной массе захоронений КДК. Доложское — самый северный пункт региона, где известны ранние кремации под курганами. Несомненен его «пограничный» характер. В этих условиях могла произойти трансформация как самого обряда, так и традиции помещения вещей в погребении. (В качестве примера, другого «пограничного» памятника, ниже будут приведены погребения нижнего яруса захоронений насыпи у д. Репьи). Дату комплекса у с. Доложское определяет трехчленный со штырем умбон. Подобные известны в древностях провинциально-римских культур второй четверти I тыс. н. э., однако, на Кавказе встречен и в комплексах VI в.¹⁰ В отличие от предметов убора, которые могли использоваться длительное время и достаточно просты для производства на месте, оружие вряд ли имеет местное происхождение и при этом должно было быстро выпасть из «живой» культуры. Следовательно, нижняя хронологическая граница КДК в рассматриваемом регионе ограничивается временем не позднее V—VI вв. н. э. К подобным выводам относительно хронологии памятников КДК в северо-восточной зоне их ареала пришел А. Н. Башенкин¹¹. Эта же дата фигурирует в работах С. Ю. Каргапольцева¹².

Значительно сложнее определить верхнюю дату бытования

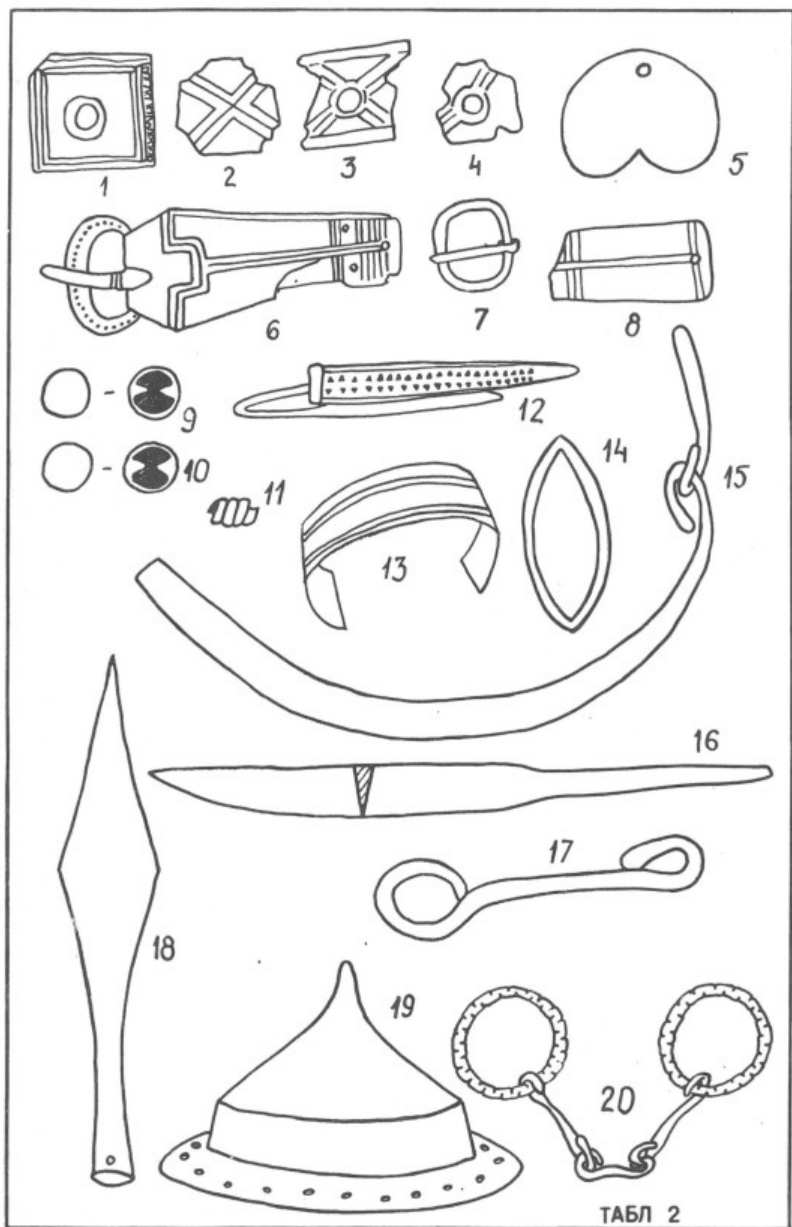

ТАБЛ 2

Табл. 2. Вещи из комплексов культуры длинных курганов.

1. II — Березно I; к. 18, п. 1; 2 — Володи, к. 1, п. 4; 3, 4 — Городня, к. 3; 5, 8, 9, 13 — Горско; 6 — Городня, к. 2, п. 2; 7, 17 — Жеребятино, к. 1, п. 1; 10 — Безьва—II, к. 2, п. 2; 12 — Володи, к. 4, п. 2; 15 — Городня, к. 13, п. 3; 16 — Городня; 18—20 — Доложское, к. 45.
1—6, 8—11, 13, 15 — бронза; 12 — серебро; 14 — кварцит; 7, 16—20 — железо.

памятников КДК, поскольку закрытых узкодатированных комплексов почти нет, а по отдельности практически каждая вещь имеет более широкие рамки существования, чем период третьей четверти I тыс. н. э. Поэтому, принимая эпоху третьей четверти н. э. (возможно, несколько шире — V—VIII вв. н. э.) как период сложения и целостного существования описанного выше комплекса предметов, вряд ли можно уверенно ограничить этими рамками все время существования КДК.

Раскопками 1988—1989 гг. получен вещевой материал, позволяющий дать характеристику погребального инвентаря носителей культуры сопки в рассматриваемом регионе (Рис. 3). К предметам женского головного убора можно отнести обломки проволочных височных колец и трапециевидные подвески (4). Особо отметим подвески со штампованным орнаментом (Сковородка II, сопка I) и гладкую, прикрепленную к пятиугольной обоймице (Сковородка II, сопка 2). Набор бус представлен сердоликовыми гранеными, печеночными зонными, лимоновидными желтыми и полосатыми. Среди ножей присутствует серия экземпляров с резко выделенным переходом от лезвия к черешку (IV тип по Р. С. Минасяну). Встречены обломки литых узких браслетов с рельефными валиками. В качестве единичных находок представлены: обломок фибулы с гранеными головками, фрагмент орнаментированной крупной спирали, железный втульчатый наконечник стрелы, железная сковородка. Лепная керамика, происходящая из сопки, — это профилированные горшки с покатым плечиком, с ребром и с канелюрами. Особенно важно отметить, что в насыпях трех из четырех исследованных сооружений присутствовали фрагменты гончарной керамики (Пристань III, сопка 2; Сковородка II, сопка 2; Пристань I).

Описанный комплекс предметов чрезвычайно близок материалам нижних слоев Которска, Городца, Передольского погоста, находящихся в ареале сопки и с ними связанных. Отдельные предметы из сопки (керамика, бусы, трапециевидные подвески, ножи и др.) абсолютно аналогичны вещам с поселений, «Живая» поселенческая культура упомянутых памятников вписывается в общую картину культурно-исторического процесса на Северо-Западе в кон. I — нач. II тыс. н. э. и наряду с материалами других памятников, в первую очередь раннегородских образований, может рассматриваться как основа древнерусской культуры региона (т. е. как ранний этап древнерусской или как «преддревнерусская»).

Датировка сопки западных районов Новгородской земли, таким образом, опирается на хронологию стратифицированных поселенческих центров, развивающихся в древнерусские погосты. Хронологическим рубежом на этих поселениях служит слой пожара, содержащий лепную и раннегончарную керамику, которой подстилается слоем с исключительной лепной кера-

микой. Материалы Ладоги позволяют определить время появления и распространения гончарной посуды временем не ранее, чем ок. 930 г. (VIII ярус). Дата нижележащего горизонта рассматриваемых поселений с учетом стратиграфических данных и вещевых находок может быть ограничена второй половиной (концом?) IX — первой третью (до 930-х гг.) X вв.¹³ Таким образом, комплекс вещей из сопки на основе сопоставления с поселенческими материалами, можно относить ко второй половине (концу) IX — первой половине XI вв. Отметим, что радиоуглеродная дата деревянного сооружения в сопке 2 группы Сквородка II хорошо ложится в указанный промежуток времени — последняя треть X — первая треть XI вв. (определение С. Г. Попова).

Сопоставив описанный выше набор вещей из насыпей КДК и сопки, можно сразу отметить отсутствие общих для этих групп памятников вещей. «Пересечения» практически не наблюдается, «смешанных» комплексов нет. Расходятся и датировки, имеющие надежное обоснование (третья четверть I тыс. н. э. — для КДК, вторая половина IX — первая половина XI вв. — для сопки). Значит, либо КДК хронологически предшествует сопкам, либо вещевой набор КДК «законсервировался», стал невосприимчив к новациям (или почти невосприимчив), а датировка исчезновения вещей (прежде всего предметов убора) запаздывает по отношению к другим регионам.

На наш взгляд, верен последний вывод, хотя не исключено и некоторое изменение ареала расселения носителей КДК в последней четверти I тыс. н. э. Для подтверждения этого вывода надо привлечь материалы насыпи у д. Репьи, вызвавшие острый интерес исследователей и не получившие до сих пор однозначной оценки¹⁴.

К сожалению, верхняя часть насыпи испорчена древнерусскими впускными захоронениями. Ниже находилось два яруса погребений по обряду трупосожжения на месте. В верхнем кремация была совершена на месте, на кострище обнаружены развалы обожженных камней, в насыпи железная сковорода. Из погребения происходит лепной горшок с выделенным переходом к венчику (почти ребро) и фрагменты трапециевидных подвесок, прикрепленных к пятиугольным обоймицам, аналогичные найденной в сопке 2 группы Сквородка II и в нижнем слое Которского селища. Обряд погребения (в том числе и помещение железной сковородки) абсолютно аналогичен обряду «основного» погребения сопки 1 группы Сквородка II. В целом верхний ярус трупосожжений насыпи у д. Репьи можно считать сопочными.

В нижнем ярусе встречено три трупосожжения, по стратиграфическим данным безусловно синхронные. В двух (женское и мужское?) содержится типичный для КДК погребальный убор: в первом случае это квадратные бляшки-накладки от

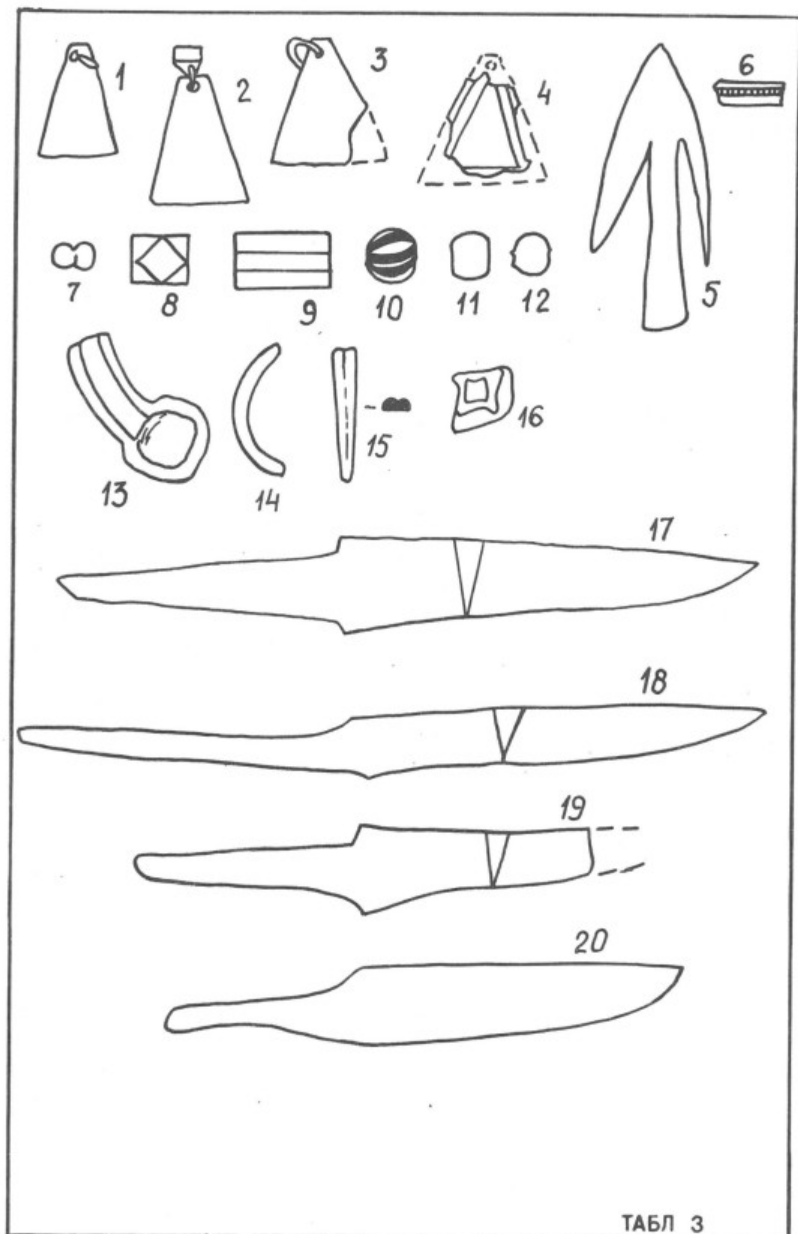

ТАБЛ 3

Табл. 3. Вещи из сопэк.
 1—3, 5, 7—8, 12, 15 — Сковородка II, сопка 2; 4, 10 — Сковородка II, сопка 1; 6, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20 — Пристань III, сопка 2.
 1—4, 6, 13—16 — бронза; 5, 17, 18, 19, 20 — железо; 7, 12 — лимонно-желтое стекло; 8, 9 — сердолик; 10 — полосатое стекло; 11 — паста печеночного цвета.

головного венчика, браслеты с расширяющимися концами, орнаментированные косыми насечками, синие бусы (очень близок описанному комплексу погребения кургана № 6 у д. Полибино в верховьях Ловати¹⁵, во втором — пряжка, бляшка-скорлупки и наконечник ремня (остатки пояса).

Третье погребение существенно выделяется на фоне описанных выше и никак не может быть соотнесено с материалами КДК. Оно содержало, по всей видимости, остатки головного венчика, украшенного накладками-скобочками и трапециевидную подвеску со штампованным орнаментом (ближайшая территориальная аналогия происходит из «основного» погребения сопки I Сковородка II). Отметим, что вообще находки трапециевидных подвесок в памятниках КДК как в пределах рассматриваемого региона, так и на соседних территориях (Эстония, нижнее течение Великой) нам неизвестны. Однако, в этом же погребении присутствуют и бляшки-скорлупки.

Что же представляет собой насыпь у д. Репьи и каково ее значение в решении вопроса о хронологическом соотношении сопки и длинных курганов? Данный памятник (подобно Доложскому) расположен в нетипичной для КДК ландшафтной ситуации, на границе плотного распространения сопки и сгустка памятников КДК (Рапти-Наволоки, Турово, Мерево и т. д.). Нетипичен и обряд (кремация на месте). В нижнем ярусе насыпи присутствуют как два комплекса с «классическим инвентарем КДК», так и погребение с предметами, характерными для иного круга древностей (трапециевидная подвеска, обломок петельки для крепления парных подвесок). Верхний ярус уже можно характеризовать как сопочный. Таким образом, несомненен факт сосуществования в какой-то момент времени двух вещевых комплексов, различных по происхождению и связанных с двумя стадияльно разными кругами древностей (третьей четверти I тыс. н. э. и конца I — нач. II тыс. н. э.) Следовательно, возможно существенное запаздывание в исчезновении типов вещей КДК по сравнению с другими регионами, а ее хронологические рамки будут раздвигаться вверх, по крайней мере до времени распространения в этом регионе сопки и начала продвижения их носителей вглубь ареала КДК (т. е. до второй половины IX — начала X вв.)¹⁶.

В связи с этим встает закономерный вопрос, нет ли в погребальных комплексах КДК вещей заведомо позднего происхождения. Такие примеры есть. В первую очередь, курган 3 группы Рапти-Наволоки III, содержащий гончарный горшок с линейным орнаментом¹⁷. Заметим, что данная группа расположена всего в нескольких километрах от насыпи у д. Репьи. Мы получаем еще одно доказательство в пользу сосуществования двух групп населения (причем в данном случае носители КДК еще в X в. сохраняют свою культурную самобытность).

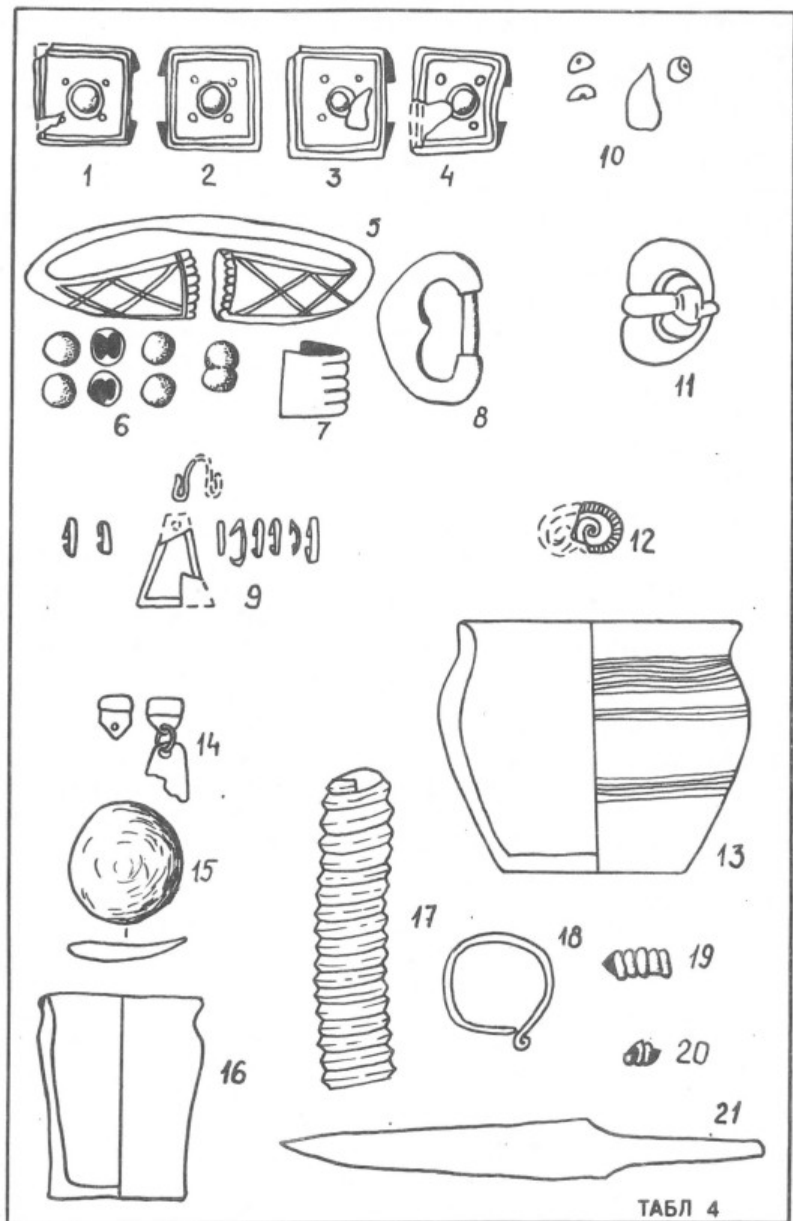

ТАБЛ 4

Табл. 4. Вещи из комплексов последней четверти I тыс. н. э. (насыпи КДК, сопкообразные насыпи).

1—10 — Репьи, нижний ярус сожжений; 14—16 — Репьи, верхний ярус сожжений; 13 — Рапти-Наволок III, к. 21; 12 — Березно I, к. 15, п. 1; 17—21 — Которск IV, к. 1, п. 2.

1—4, 6 — серебро; 10 — стекло; 5, 7, 8, 9, 11, 14, 17—20 — бронза; 15, 21 — железо; 13, 16 — глина; 12 — оловянистый сплав.

Интересно, что в соседнем кургане № 21 найдена В-образная пряжка. Вряд ли можно допускать 300—400-летний разрыв в сооружении двух соседних курганов в могильнике с плотной кучевой планировкой.

В кургане 15 группы Березно I найдена в комплексе с синими бусами подвеска из оловянистого сплава¹⁸. Аналогия ей имеется на литейной форме из кургана 6 могильника Лоози в Юго-Восточной Эстонии¹⁹. Формочки для отливки подвесок из оловянистого сплава обнаружены в слоях городищ Камно, Рыуге, Псковское и в Ладоге. На городищах эти слои относят к VIII—IX вв. (или к последней четверти I тыс. н. э.), в Ладоге вещи из оловянистого сплава найдены во II—IV ярусах (760-е гг.—ок. 840 г.)²⁰.

Учитывая вышесказанное, можно констатировать факт продолжения существования КДК в последней четверти (и даже в конце) I тыс. н. э. в пределах рассматриваемого региона.

Подводя итоги, выскажем ряд предположений. Значительная часть памятников КДК на данной территории предшествует появлению сопок (хотя их ареалы не пересекаются). Этот ранний этап КДК относится, в целом, к третьей четверти I тыс. н. э. (с некоторым возможным расширением хронологических рамок до V—VIII вв.). КДК продолжает существовать в последней четверти I тыс. н. э. (IX—X вв., может быть, первая половина XI в.) в ряде микрорегионов, где она «консервируется» и сохраняет свою самобытность на уровне погребального обряда и, частично, инвентаря, вплоть до смены ее здесь древнерусскими памятниками. Сооружение сопок и совершение захоронений, с ними связанных, производится во второй половине IX в. (может быть, лишь с X в.) — первой половине XI в., также вплоть до распространения древнерусского погребального обряда. В некоторых случаях курганы с рядом признаков, характерных для обрядности КДК, могут содержать комплексы сопочного круга (Которск, IV, курган 1), что свидетельствует о том, что процессы интеграции населения на уровне «живой» культуры шли быстрее.

1. Кузьмин С. Л. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища (в печати); Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования.— Л., 1985.— С. 36; Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Там же.— С. 114—115.

2. Шмидт Г. Р. Курганы и могилы Шелонской пятины Новгородской земли // ИОЛКАЭ, 1890. IX—X.— Вып. 5; Данилов И. Г. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. // Сборник Археологического Института.— СПб, 1880. Кн. 3; Гамченко С. С. Исследование курганов у д. Сытенки на левом берегу р. Луги в 1908 г. // ЗОРСА, 1913. Т. IX; Кудряшов К. В. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. // Там же; Спицын А. А. 1) Раскопки в 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ. // ИАК, 1914.— Вып. 33; 2) Археологический альбом // ЗОРСА, 1915. Т. XI; Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки // МИА, 1941.—

Вып. 6; Седов В. В. 1) Новгородские сопки // САИ, 1970.— Вып. Е1—8; 2) Длинные курганы кривичей // САИ, 1974.— Вып. Е1—8; Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК, 1951.— Вып. XXXVI; Лебедев Г. С. Длинные курганы Верхнего Полужья // КСИА, 1974.— Вып. 139; Лесман Ю. М., Виноградов А. В. Работы Оредежского отряда // АО 1978 г., 1979; Архив ЛОИА АН СССР: Ф. 1. 1899.— № 113; Ф. 1, 1905.— № 51; Ф. 1, 1909. № 128; Ф. 1, 1900.— № 1119; Ф. 2, 1938.— № 70, 70а; Ф. 4, 1886.— № 176; Ф. 35, 1940.— № 35. Автор благодарит за предоставленные материалы Ю. М. Лесмана и Н. И. Платонову.

3. Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. в верховьях Плюсы (в печати).

4. Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области.— Л., 1977.— С. 99—125.

5. Платонова Н. И. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по данным археологии).— Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Л., 1985.

6. Попов С. Г. Городище Сторожинец // КСИА, 1989.— Вып. 198.— С. 45—47.

7. Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского // МАР, 1896.— № 20.— С. 108—109.

8. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО, 1897.— Т. IX.— Вып. 1—2.— С. 250.

9. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 51—52;

Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: к вопросу о славянском расселении // НИС, 1982.— Вып. I (II).— С. 60—75.

10. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв.— М., 1982.— С. 133.— Рис. 5—21, 134.

11. Башенкин А. Н., Иванищева М. В. Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научно-практической конференции).— Новгород, 1988.— С. 32—35.

12. Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии.— Ч. 1.— М., 1986.— С. 199—201.

13. Залевская Н. И. К вопросу о возникновении погостов на верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.— Л., 1982.— С. 50—54; Кузьмин С. Л. Которский погост...

14. Лебедев Г. С. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА, 1978.— Вып. 155.— С. 93—99.

15. Станкевич Я. В. Курганы у д. Полибино на р. Ловати // КСИА, 1962.— Вып. 87.— С. 98—102.

16. Кузьмин С. Л. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научно-практической конференции).— Новгород, 1989.— С. 36—40.

17. Лебедев Г. С. Археологические памятники...— С. 82—84.

18. Кузьмин С. Л. Курганная группа у д. Березно — памятник культуры длинных курганов в бассейне г. Плюсы // Археология и история Пскова и Псковской земли (тезисы докладов научно-практической конференции).— Псков, 1988.— С. 82.

19. Аун М. Курганские могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э.— Таллинн, 1980.— С. 82.— Рис. 17:6.

20. Мачинская А. Д. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. История и археология (тезисы докладов научно-практической конференции).— Новгород, 1988.— С. 17—19.

К ХРОНОЛОГИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ IX—XII ВЕКОВ

Каждый исследователь неизбежно сталкивается с вопросами хронологии, поскольку хронологическое разделение материала неизбежно предшествует интерпретационной части исследования, и неточность датировок зачастую приводит к неточным выводам. В последнее время для эпохи средневековья Северо-Запада РСФСР предпринят целый ряд работ хронологического плана, среди которых следует особо отметить серию работ, посвященных древностям Новгорода¹ и Старой Ладogi². Материалы этих памятников имеют хорошо разработанную стратиграфию, на которую опирается серия дендродат. Однако, возможности решения проблем хронологии вещевых находок на этом материале далеко не безграничны. Так, надежное датирование вещей на основе новгородских материалов можно осуществлять лишь с XI в.³ Находки же из Старой Ладogi, хотя и относятся к более раннему времени, за редким исключением, представлены малосерийными находками. Поэтому невозможно определить время бытования типа в целом. Кроме того, материальная культура Северо-Запада в эпоху средневековья остается до сих пор известной преимущественно по находкам из погребальных памятников⁴.

В археологии достаточно широко известны пути построения хронологических систем по закрытым комплексам. При всем многообразии имеющихся методик, основными остаются типологический метод и метод совстречаемости типов вещей в комплексах. Так, типологические методы, среди которых наиболее распространен метод типологических рядов⁵, предполагают только однонаправленное развитие традиций и не учитывают скачкообразные изменения в результате, например, внешних воздействий. Анализ совстречаемости типов вещей в комплексах предполагает выделение групп типов вещей (или групп комплексов), характеризующихся устойчивым сочетанием признаков. Хронологический характер эти группы могут носить только в случае линейной связи групп; получение такой картины часто ставится под сомнение. Более того, даже системы, имеющие линейную структуру могут быть интерпретированы и с точки зрения этнического, социального, половозрастного и других признаков разделения⁶.

Тем не менее, существует целый ряд работ, в которых на основе метода совстречаемости типов вещей в комплексах получены удовлетворительные результаты⁷. Но в отношении Северо-Запада Руси высказываются сомнения о возможности применить этот метод⁸. Эти сомнения тем более обоснованы,

что в 1947 году Я. В. Станкевич⁹ была предпринята не вполне удачная попытка построения хронологии погребальных комплексов юго-восточного Приладожья методом совстречаемости. На выводы этого исследования несомненно повлияла как неразработанность метода, так и невозможность использовать в работе данные по дендрохронологии поселенческих памятников. Появление работ на новом методическом уровне, исследующих вопросы построения хронологических систем и новые данные о датировке древностей раннего средневековья Северо-Запада Руси, заставляют нас вновь обратиться к вопросам, исследованным в работах Я. В. Станкевич.

Первым этапом работы по построению хронологической шкалы древностей должна стать типология инвентаря. Но маловероятно, что только на основании общих представлений можно разделить всю массу материала единственным способом, отражающим хронологию. Значит, уже на первом этапе исследования нам необходим такой компонент погребального комплекса, который бы несомненно отражал хронологическое разделение материала. С этой точки зрения особое внимание привлекают те курганы, в которых методами полевых исследований зафиксирована хронологическая соотнесенность погребений. Богатство погребальных комплексов и значительное количество курганов с несколькими мужскими погребениями позволяет нам на начальном этапе построения хронологической шкалы ограничиться рассмотрением только мужских погребений. Наличие признака, однозначно отражающего относительную хронологию погребений, позволяет изменить задачу первого этапа исследования: необходимо построить типологию, отражающую не хронологию, а стратиграфию погребений. Естественно, надо отдавать себе отчет в том, что подобное допущение таит в себе ряд опасностей. Во-первых, стратиграфически разновременные погребения могут быть разделены археологически незначительным промежутком времени; во-вторых, имеющиеся в нашем распоряжении стратиграфические колонки вряд ли охватывают значительный период, поскольку в курганах юго-восточного Приладожья неизвестно более 4-х ярусов погребений¹⁰.

Конечно, подобный подход не может полностью устранить субъективизм в исследовании, поскольку выделение хронологических признаков все равно происходит на основании опыта и интуиции исследователя. Кроме того, не всегда можно проверить хронологический характер признака непосредственно стратиграфии погребений. Но в этом случае возможно опираться на совстречаемость вещей, обладающих исследуемым признаком, с другими типами инвентаря, хронологический характер которых определен на основе стратиграфии. Хронологические признаки были положены в основу типологии. Приводить описание процессов выделения каждого признака,

а затем комбинации признаков, при выделении типов вещей, нет возможности в силу большого объема такого описания. Мы перейдем непосредственно к изложению характеристик типов¹¹ вещей из мужских погребений юго-восточного Приладожья.

Обычно при описании вещей исследователи пытаются осветить как можно более широкий круг вопросов, связанных с местом производства предметов, их функций, этнической принадлежностью и так далее. Мы не будем касаться этих вопросов, поскольку основной целью данной работы является построение хронологии, и ограничимся только теми характеристиками типов вещей, которые, по нашему мнению, являются хронологически значимыми (Рис. 1).

МЕЧИ: ТИП 1 — мечи с полукруглым навершием. ТИП 2 — мечи с треугольным или подтреугольным составным навершием. ТИП 3 — мечи с трехчастным навершием и с бабочковидным перекрестьем.

КОПЬЯ: ТИП 1 — копья с ланцетовидной формой пера и шириной втулки не превышающей ширину лезвия. ТИП 2 — копья с ланцетовидным пером и диаметром втулки, превышающим ширину лезвия. ТИП 3 — черенковые копья. ТИП 4 — копья с ромбическим пером и втулкой длиной не меньше половины длины лезвия. ТИП 5 — копья с ромбическим пером и втулкой, не превышающей по длине половины длины лезвия.

СТРЕЛЫ: ТИП 1 — двушипные черенковые стрелы без упора длиной не более 6 см. ТИП 2 — черенковые ромбические стрелы. ТИП 3 — ланцетовидные черенковые стрелы без упора с черенком не более длины пера. ТИП 4 — срезни треугольной формы длиной не менее 5 см. ТИП 5 — одношипные стрелы. ТИП 6 — лавролистные черенковые стрелы с длиной пера менее длины черенка. ТИП 7 — черенковые стрелы без упора, близкие к ромбической форме с ассиметричным пером. ТИП 8 — двушипные черенковые стрелы без упора, размерами не менее 7 см. ТИП 9 — срезни трапецевидной формы длиной не более 5 см.

ТОПОРЫ: ТИП 1 — топоры с широким трапецевидным лезвием и с узким пластинчатым обушком. ТИП 2 — топоры с выемкой, опущенным лезвием и с дугообразным переходом между шековицей и затылочной частью обуха. ТИП 3 — топоры с выемкой и опущенным лезвием, с выраженными щековицами и с дугообразной, или с образующей с обухом тупой угол, спинкой. ТИП 4 — топоры-секиры с двумя парами щековиц и шириной лезвия не превышающей 14 см. ТИП 5 — топоры с узким треугольным лезвием и с обушком круглого или квадратного сечения. ТИП 6 — топоры с подтреугольным лезвием, с прямой спинкой и с одной парой щековиц. ТИП 7 — топоры с выемкой и опущенным лезвием, с двумя парами щековиц и обухом, усиленным двумя отростками. ТИП 8 — топоры с выем-

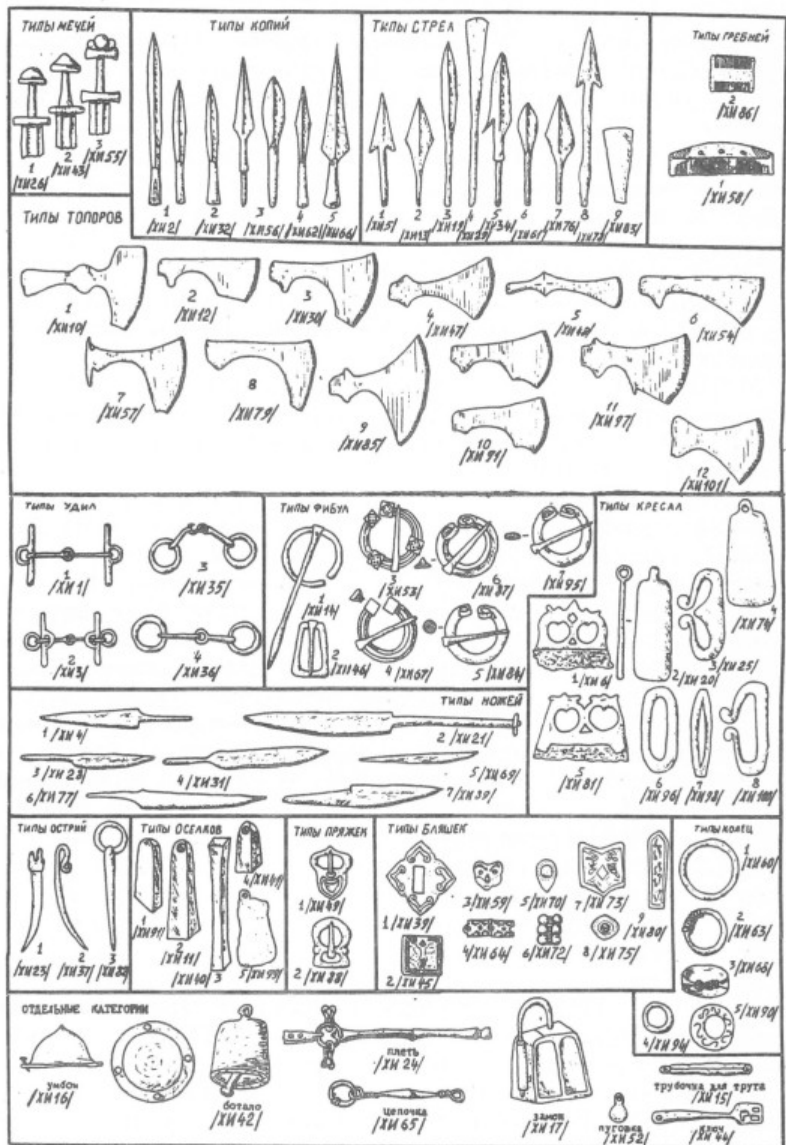

Рис. 1. Типы вещей юго-восточного Приподожья.

кой и опущенным лезвием, изогнутой спинкой и с прямым переходом от обуха к щековице. ТИП 9 — топоры-секиры с двумя парами щековиц и с лезвием шириной более 14 см. ТИП 10 — топоры с выемкой и опущенным лезвием, с вогнутой площадкой на лезвии; закономерности в форме щековиц и в их наличии — нет. ТИП 11 — топоры с выемкой и опущенным лезвием, с двумя парами щековиц, часто в лезвийной части имеется зуб. ТИП 12 — топоры с симметрично расширяющимся лезвием, без щековиц и с желобчатым обухом.

УДИЛА: ТИП 1 — двухчастные удила с прямыми псалиями без поводного кольца. ТИП 2 — двухчастные удила с прямыми псалиями и трензельным кольцом. ТИП 3 — трехчастные кольчатые удила. ТИП 4 — двухчастные кольчатые удила.

ФИБУЛЫ: ТИП 1 — подковообразные фибулы с иглой, длина которой в несколько раз превышает диаметр фибулы. ТИП 2 — пластинчатые трапецевидные замкнутые фибулы. ТИП 3 — подковообразные фибулы с четырьмя гранеными шипастыми головками. ТИП 4 — подковообразные фибулы с гвоздевидными головками. ТИП 5 — подковообразные спиралеконечные фибулы из дрота круглого сечения. ТИП 6 — подковообразные спиралеконечные фибулы из дрота треугольного или подтреугольного сечения. ТИП 7 — подковообразные спиралеконечные фибулы из дрота овального или прямоугольного сечения. ТИП 8 — подковообразные фибулы с гранеными головками¹².

КРЕСАЛА: ТИП 1 — кресала с бронзовыми рукоятями в виде обращенных друг к другу зверей, пасти которых образуют ромб. ТИП 2 — пластинчатые кресала с ушком для подвешивания, перпендикулярным плоскости кресала. ТИП 3 — калачевидные кресала с язычком. ТИП 4 — пластинчатые кресала с ушком для подвешивания, расположенным в одной плоскости с кресалом. ТИП 5 — кресала с бронзовыми зооморфными рукоятями, пасти зверей не образуют ромба или не проработаны. ТИП 6 — овальные кресала. ТИП 7 — кресала овальные заостренные. ТИП 8 — калачевидные кресала без язычка.

НОЖИ: ТИП 1 — ножи с лезвием клиновидной формы (лезвие и спинка равномерно сходятся к острию) и с двумя уступами. ТИП 2 — ножи с параллельными спинкой и лезвием, с двумя уступами и приспособлением для закрепления рукояти на конце черенка. ТИП 3 — ножи с прямой спинкой, имеющие только нижний уступ. ТИП 4 — ножи с параллельными спинкой и лезвием, имеющие два уступа. ТИП 5 — ножи, не имеющие уступов, отделяющих лезвие от черенка. ТИП 6 — ножи с лезвием клиновидной формы, с двумя уступами и со спинкой параллельной оси черенка. ТИП 7 — ножи с лезвием клиновидной формы, имеющие только верхний уступ и со спинкой параллельной оси черенка.

ОСТРИЯ: ТИП 1 — костяные изогнутые острия, нерабочий

конец которых оформлен в виде головки дракона. ТИП 2 — изогнутые металлические острия с ушком для подвешивания. ТИП 3 — прямые металлические острия с подвижным кольцом для подвешивания.

ГРЕБНИ: ТИП 1 — односторонние наборные костяные гребни. ТИП 2 — двусторонние цельные костяные гребни.

ОСЕЛКИ: ТИП 1 — призматические оселки небольших размеров без отверстия со скошенным основанием. ТИП 2 — призматические оселки с отверстием для подвешивания, длиной не менее 5 см. ТИП 3 — оселки большого размера, четырехугольные в сечении, без отверстия. ТИП 4 — призматические оселки с отверстием, длиной менее 5 см. ТИП 5 — оселки из необработанных кусков сланца с отверстием для подвешивания.

ПРЯЖКИ: ТИП 1 — пряжки с литым щитком. ТИП 2 — пряжки с приемником для ремня.

БЛЯШКИ: ТИП 1 — четырехугольные бляшки больших размеров со стилизованным растительным орнаментом и прямоугольной прорезью в центре. ТИП 2 — четырехугольные литые бляшки со стилизованным растительным орнаментом. ТИП 3 — бляшки в виде антропоморфного или зооморфного изображения. ТИП 4 — литые бляшки с геометрическим орнаментом, которые составляли на ремне непрерывный узор. ТИП 5 — бляшки щитовидной или сердцевидной формы с полусферическим украшением в центре. ТИП 6 — бляшки с выпуклым бордюром по краю. ТИП 7 — литые бляшки в форме геральдического щита, украшенные пальметкой. ТИП 8 — бляшки овальной формы с пальметкой в центре. ТИП 9 — наконечники пояса с растительным орнаментом.

КОЛЬЦА: ТИП 1 — замкнутые кольца круглого сечения диаметром не менее 4 см. ТИП 2 — кольца из круглого дрота с завязанными концами. ТИП 3 — широкосерединовые пластинчатые кольца («усатые» и с завязанными концами). ТИП 4 — замкнутые кольца из круглого дрота диаметром не более 4 см. ТИП 5 — орнаментированные кольца.

В мужских погребениях юго-восточного Приладожья найдены предметы, разделение которых на хронологические типы невозможно. Среди таких категорий предметов необходимо отметить лепную и кружальную керамику, находки браслетов, замков кубической формы, железные трубочки для трута, ведра, чаши, рога для питья, литые шаровидные пуговицы с ушком, фрагменты весов, отдельные гири и наборы разновесов, железные цепочки, умбоны полусферической формы, металлические ботала, шумящие плети, отдельные корабельные заклепки, пластинчатые ключи, находки кремней в погребениях. Кроме того, при анализе встречаемости учтены находки в погребениях медвежьих фаланг и сопутствующие мужским погребениям безынвентарные погребения коней.

Для анализа совстречаемости типов вещей в погребальных комплексах нами учтено 143 мужских погребения. Непременным требованием к погребальному комплексу являлось то, чтобы инвентарь содержал не менее двух серийных вещей. Для разделения материала мы применили прием широко известный в современной археологии¹³. Данные о совстречаемости типов вещей в комплексах представлены в виде таблицы (Рис. 2), где по вертикали расположены погребальные комплексы, а по горизонтали — выделенные нами на первом этапе типы вещей — хронологические индикаторы (далее «ХИ»). Изменением порядка «ХИ» и погребальных комплексов необходимо добиться такого расположения, чтобы точки, которые отмечают находки «ХИ» в погребальных комплексах группировались бы как можно плотнее и были бы расположены максимально близко к диагонали таблицы. Резкие сдвиги в монотонности изменения набора «ХИ», характеризующиеся исчезновением одних «ХИ» и одновременным появлением новых — позволяют нам определить границы групп комплексов (или групп «ХИ»). Непременными требованиями к выделенным группам являются, во-первых, наличие в выделенной группе трех категорий «ХИ» («ХИ» переживающие из предыдущей группы; «ХИ» характерные только для выделенной группы; «ХИ» сохраняющиеся в последующей группе)¹⁴; во-вторых, невозможно существование «ХИ» характерного для двух несоседних групп.

Нами выделены четыре большие группы погребений, отвечающие изложенным выше требованиям (Рис. 2). Более подробное разделение без применения методов кластерного анализа достаточно трудно. Основные трудности связаны с существованием ряда «ХИ», характерных более чем для двух групп комплексов. Тем не менее, мы считаем возможным выделить более мелкие группы. Выделение большинства из них вполне корректно, если признать возможным существование «ХИ», бытующих в трех и более группах. Отдельно следует рассмотреть вопрос разделения группы «А». Действительно, при выделении группы «А₂» невозможно выделить «ХИ», характерные исключительно для нее. Однако, вполне вероятно ее существование как переходной группы между погребениями группы «В» и «А₁». Таким образом, на основании совстречаемости «ХИ», с различной достоверностью, выделено семь групп погребений, отражающих относительную хронологию.

Кроме относительной хронологии культуры важно установить также время начала и конца периода совершения исследуемых погребений, а также время смены одного периода другим. Абсолютная датировка выделенных периодов возможна за счет соотнесения их со стратиграфическими горизонтами поселенческих памятников. Слой или группа слоев, набор типов вещей в котором максимально близок набору типов вещей выделенного нами периода, принимается за синхронный.

Естественно, привязка рубежей периодов к абсолютным, часто с точностью до года, дендродатам — довольно условна¹⁵.

Результаты сопоставления вещевых наборов стратиграфических горизонтов Земляного городища Старой Ладogi и выделенных нами периодов приведены на Рис. 3. Как уже отмечалось, материалы раскопок Старой Ладogi, за редким исключением, представлены несерийными находками. Так, например, в нижней части горизонта E_1 обнаружено всего семь находок, имеющих аналогии в юго-восточном Приладожье. Особенно интересна находка игрушечного копья из дерева с имитацией «готического» орнамента на втулке, которое является подражанием некоторым экземплярам копий типа 1 («ХИ»—2). Бедностью нижних слоев горизонта E_1 нельзя объяснить отсутствие находок стрел типа 2 («ХИ»—13), поскольку находки их не известны и в достаточно богатом горизонте E_2 , но подобные стрелы встречены в более позднее время в Новгороде. Вопрос о причинах расхождений в датировках вещей в Старой Ладoge и в Новгороде невозможно решить в рамках данной работы, и мы только констатируем запаздывание стрел типа 2 («ХИ»—13) в погребениях юго-восточного Приладожья, по отношению к Ладoge, минимум на 30 лет. Таким образом, период « D_2 » синхронен нижней части горизонта E_1 (около 865 — ок. 894 гг.)¹⁷, а дата начала сооружения приладожских курганов вряд ли может быть отнесена ко времени ранее 860-х гг.¹⁸

Находки типов вещей, относящихся к периоду « D_1 » обнаружены в Старой Ладoge в слоях, связанных с постройкой около 894 г. «большого дома»¹⁹. Расхождения имеются в датировках ножей типа 2 («ХИ»—21) и стрел типа 4 («ХИ»—29), аналоги которым в Старой Ладoge известны только в горизонте E_2 . Поскольку находки этих типов вещей известны и в более позднее время²⁰, мы и здесь констатируем запаздывание этих двух типов вещей по отношению к древностям Старой Ладogi минимум на 30 лет. После разборки пришедшей в негодность «большой постройки» горизонта E_1 на ее месте на рубеже 920-х — 930-х гг. сооружается сходный комплекс горизонта D ²¹. Со временем существования связанных с ним построек соотносится максимальное количество находок вещей приладожских типов периода « C_2 ». Особо следует отметить хронологические расхождения: находка стрелы типа 3 («ХИ»—19) происходит непосредственно с настила, разделяющего горизонт D и, видимо, время ее попадания в слой мало отличается от времени сооружения настила, а значит и от времени существования нижних слоев горизонта D . Более сложен вопрос о находке ножа типа 3 («ХИ»—28), поскольку единственный известный нам экземпляр из горизонта D отличается от других экземпляров этого типа по пропорциям. Оселки типа 3 («ХИ»—40) и гребни типа 1 («ХИ»—58) представлены

во всех горизонтах Староладожского городища, но максимальное их количество найдено в нижней части горизонта Д. Находки пластинчатого ключа («ХИ»—44) и копья типа 4 («ХИ»—62) невозможно с уверенностью соотносить с каким-либо одним горизонтом, хотя наиболее вероятное время их попадания в культурный слой частично совпадает с периодом бытования этих вещей в юго-восточном Приладожье. На Земляном городище известны также вещи, даты которых значительно отличаются от их датировок в Приладожье — ботал («ХИ»—42) и копье типа 3 («ХИ»—56). Но находки ботал известны и в Новгороде в гораздо более позднее время²². Черенковые копья также распространены на значительной территории на протяжении большого хронологического периода, причем этот тип копий в целом не характерен для Руси²³.

После пожара в Ладоге около 954 г. часть сооружений поселения была перестроена²⁴. С находками этого периода соотносятся типы вещей, характерные для периода «С₁». Верхняя хронологическая граница существования построек, возникших после пожара, видимо, близка к началу последнего сохранившегося в Ладоге строительного периода, достигшего расцвета к середине 990-х гг.²⁵ Однако, этот строительный период представлен очень фрагментарно и надежно соотносить с ним вещевые находки крайне трудно. С самыми верхними слоями горизонта Д соотносится большинство типов вещей периода «В». Исключением является только находка фибулы типа 5 («ХИ»—84), происходящая из горизонта Е₂. Но подобные спиралеконечные фибулы имеют очень широкие хронологические рамки.

Данные о более поздних хронологических периодах могут быть получены на основании материалов раскопок Новгорода. Работа по датировке новгородских материалов проделана Ю. М. Лесманом, что облегчает нашу работу²⁶. Однако, характер бытования новгородских вещей значительно отличается от бытования вещей в предшествующее время. Это связано с тем, что новгородские материалы в большинстве представлены массовыми серийными находками профессиональных новгородских ремесленников, о чем говорят широкие рамки бытования типов вещей и высокая степень унификации изделий. Поэтому при сопоставлении периодов развития вещевого инвентаря Приладожских курганов с материалами Новгорода нас, в первую очередь, должно интересовать время появления того или иного типа вещей в культурном слое Новгорода, а не весь период их бытования.

Набор вещей, представленных в погребениях периода «С₁» известен в Новгороде в 28—23 ярусах и не может быть надежно соотнесен с каким-либо более узким хронологическим промежутком. Единственное расхождение имеется в отношении находок браслетов («ХИ»—71). Поскольку технология изготов-

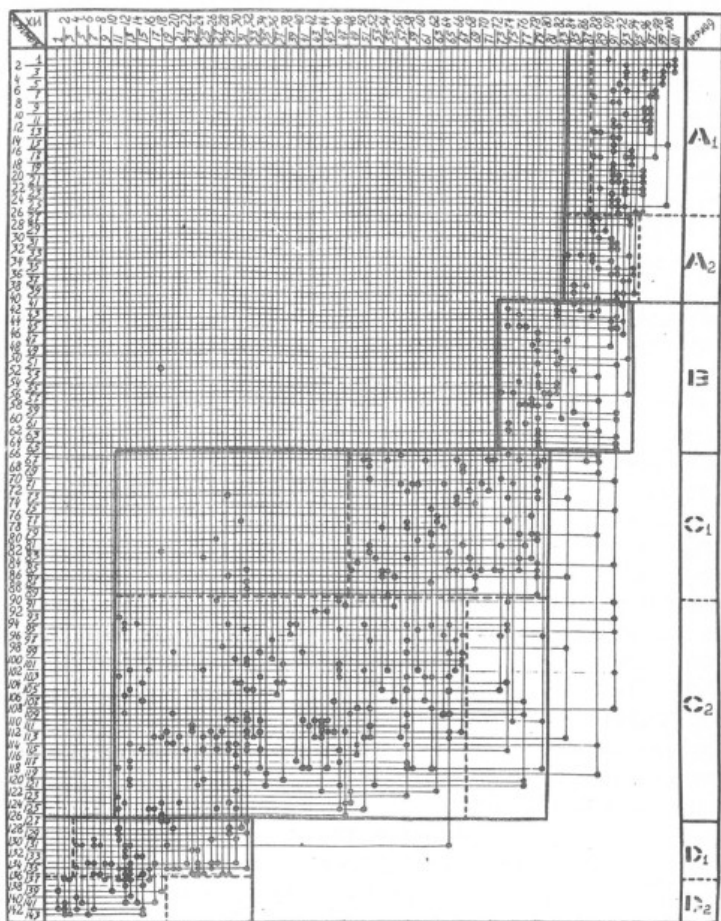

Рис. 2. Совстречаемость типов вещей в погребальных комплексах юго-восточного Приладожья.

ХИ: 1 — удила 1; 2 — копьё 1; 3 — удила 2; 4 — нож 1; 5 — стрела 1; 6 — кресало 1; 7 — медвежьи кости; 8 — лодейная заклепка; 9 — оселок 1; 10 — топор 1; 11 — оселок 2; 12 — топор 2; 13 — стрела 2; 14 — фибула 1; 15 — трубочка для трута; 16 — умбон; 17 — замок; 18 — лепная керамика; 19 — стрела 3; 20 — кресало 2; 21 — нож 2; 22 — весы; 23 — острие 1; 24 — плетъ; 25 — кресало 3, 26 — меч 1; 27 — гирьки; 28 — нож 3; 29 — стрела 4; 30 — топор 3; 31 — нож 4; 32 — копьё 2; 33 — ведро; 34 — стрела 5; 35 — удила 3; 36 — удила 4; 37 — острие 2; 38 — безынвентарное погребение коня; 39 — бляшка 1; 40 — оселок 3; 41 — оселок 4; 42 — ботало; 43 — меч 2; 44 — ключ; 45 — бляшка 2; 46 — фибула 2; 47 — топор 4; 48 — топор 5; 49 — пряжка 1; 50 — чаша; 51 — рог для питья; 52 — пуговка; 53 — фибула 3; 54 — топор 6; 55 — меч 3; 56 — копьё 3; 57 — топор 7; 58 — гребень 1; 59 — бляшка 3; 60 — кольцо 1; 61 — стрела 6; 62 — копьё 4; 63 —

кольцо 2; 64 — бляшка 4; 65 — цепочка; 66 — копые 5; 67 — фибула 4; 68 — кольцо 3; 69 — нож 5; 70 — бляшка 5; 71 — браслет; 72 — бляшка 6; 73 — бляшка 7; 74 — кресало 4; 75 — бляшка 8; 76 — стрела 7; 77 — нож 6; 78 — стрела 8; 79 — топор 8; 80 — бляшка 9; 81 — кресало 5; 82 — острие 3; 83 — стрела 9; 84 — фибула 5; 85 — топор 9; 86 — гребень 2; 87 — фибула 6; 88 — пряжка 2; 89 — нож 7; 90 — кольцо 5; 91 — топор 10; 92 — гончарная керамика; 93 — кремь; 94 — кольцо 4; 95 — фибула 7; 96 — кресало 6; 97 — топор 11; 98 — кресало 7; 99 — оселок 5; 100 — кресало 8; 101 — топор 12.

КОМПЛЕКСЫ: 1 — Кяргино—Круглицы 3—1; 2 — Кяргино—Горняки 4—1; 3 — Кяргино—Круглицы 1—1; 4 — Карлуха 32—1; 5 — Кирилина 93—1; 6 — Каменка 6—2; 7 — Щипняк 3—5; 8 — Подбережье 122—1; 9 — Кяргино—Горняки 1—1; 10 — Кузнецы—Чалых 1—2; 11 — Мергино 14—1; 12 — Нововесь 25—1; 13 — Видлицы 2—3; 14 — Новая Деревня II 32—1; 15 — Рабола 4—2; 16 — Сязнига IV 47—2; 17 — Видлицы 4—1; 18 — Видлицы 5—1; 19 — Сязнига IV 47—1; 20 — Сязнига II 2—3; 21 — Шахново 118—1; 22 — Середка 113—1; 23 — Муратово 4—1; 24 — Новая Деревня II 29—1; 25 — Кузнецы—Чалых 1—1; 26 — Подбережье 122—2; 27 — Красная Заря 10—1; 28 — Рабола 5—1; 29 — Шуковищина II 43—1; 30 — Часовенская 7—1; 31 — Ганьково III 4—1; 32 — Чемихино 17—1; 33 — Красная Заря 8—1; 34 — Чемихино 4—1; 35 — Сязнига V 51—3; 36 — Кирилина 92—2; 37 — Саконьково 110—1; 38 — Рабола 4—1; 39 — Карлуха 12—1; 40 — Сязнига VII 5—1; 41 — Кургино 5—1; 42 — Орехово 7—5; 43 — Балдино 21—1; 44 — Ганьково 1—1; 45 — Пирозеро 6—1; 46 — Ильино II 4—2; 47 — Крючково III 18—2; 48 — Костино 99—1; 49 — Галично III 1—7; 50 — Большие Горы 4—1; 51 — Галично III 1—8; 52 — Ганьково III 1—4; 53 — Красная Заря 3—1; 54 — Гайгово 8—1; 55 — Ганьково III 3—1; Подъяндебское 1—1; 57 — Чемихино 5—2; 58 — Яровщина 7—1; 59 — Рочевщина 14—1; 60 — Сязнига II 11—1; 61 — Чемихино 5—1; 62 — Капшейла 1—1; 63 — Ганьково III 3—2; 64 — Новосельск 6—5; 65 — Заозерье 6—1; 66 — Новосельск 14—1; 67 — Леоново 112—1; 68 — Вахрушево II 117—1; 69 — Новая Деревня II 33—1; 70 — Шуковщина III 2—1; 71 — Рабола 3—2; 72 — Акулова Гора 16—1; 73 — Капшейла 1—2; 74 — Карлуха 6—1; 75 — Сязнига II 2—1; 76 — Рочевщина 15—1; 77 — Вихмесь 71—1; 78 — Шангеничи—лес 18—1; 79 — Горка 14—1; 80 — Кирилина 90—3; 81 — Саконьково 109—1; 82 — Залющик 2—1; 83 — Вихмесь 71—2; 84 — Кашино 9—1; 85 — Кашино 7—1; 86 — Капшейла 1—5; 87 — Капшейла 1—3; 88 — Карлуха 6—2; 89 — Галично I 1—4; 90 — Сязнига II 10—1; 91 — Сязнига VI 65—4; 92 — Пиркинское 1—1; 93 — Карлуха 20—3; 94 — Сязнига VI 60—4; 95 — Сязнига VI 58—1; 96 — Чемихино 1—1; 97 — Вихмесь 69—2; 98 — Костино 102—1; 99 — Подъелье 104—1; 100 — Галично II 3—5; 101 — Костино 102—5; 102 — Заозерье 6—4; 103 — Подъелье 104—2; 104 — Галично II 3—2; 105 — Сязнига VI 60—1; 106 — Галично I 2—6; 107 — Кирилина 88—1; 108 — Сязнига VIII 1—1; 109 — Кашино 8—1; 110 — Заозерье 6—3; 111 — Галично I 2—1; 112 — Вахрушево II 116—2; 113 — Усть Рыбжино I 19—1; 114 — Сязнига VI 60—2; 115 — Шугозеро 1—1; 116 — Костино 100—1; 117 — Городище 3—1; 118 — Залющик 1—1; 119 — Вихмесь 69—1; 120 — Вихмесь 72—1; 121 — Конбежка—Костино 95—1; 122 — Гиттола 1—1; 123 — Городище 127—1; 124 — Сязнига III 45—2; 125 — Кирилина 89—2; 126 — Сязнига VI 59—2; 127 — Сязнига VI 59—4; 128 — Карлуха 9—1; 129 — Городище 126—1; 130 — Галично I 1—7; 131 — Сязнига VI 61—1; 132 — Городище 128—1; 133 — Галично II 3—7; 134 — Вахрушево II 116—4; 135 — Сязнига III 45—1; 136 — Городище 124—1; 137 — Сязнига VI 65—1; 138 — Городище 124—3; 139 — Прилуки 10—2; 140 — Кучевийский ручей 85—1; 141 — Костино 101—1; 142 — Кучевийский ручей 84—1; 143 — Карлуха 17—1.

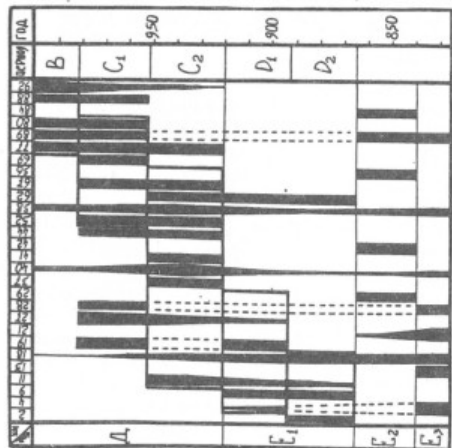

РИС.3

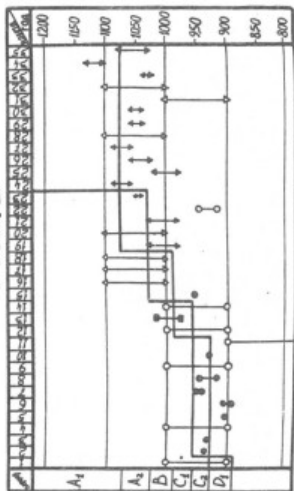

РИС.5

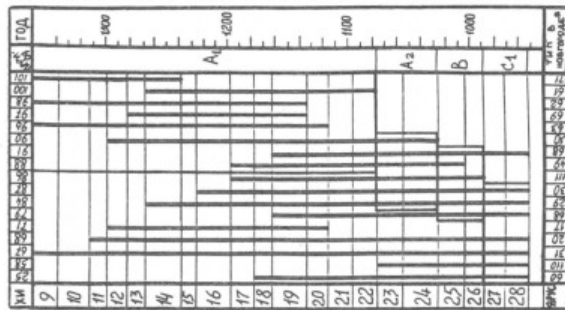

РИС.4

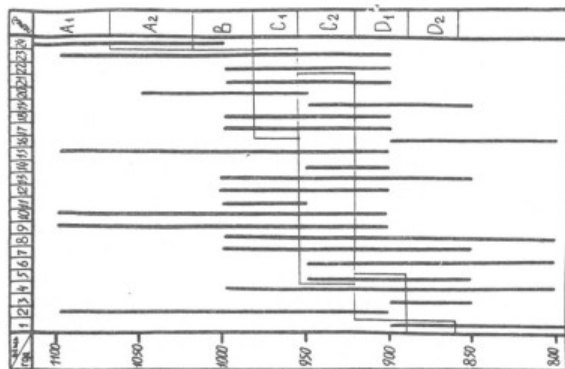

РИС.5

* НОМЕРА ТИПОВ МОНЕТ В НОВОРОДЕ
ПРИВЕДЕНЫ ПО ПРИЛОЖЕНИЮ I К
СТАТЬЕ ЛЕСМАН Д.М. УК.СОЧ. С.134-140.

● АРАБСКАЯ МОНЕТА
▲ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ МОНЕТА
■ ИСПАНИЙСКАЯ МОНЕТА
○ БРЕЖНЯ ЧЕКАНКИ МОНЕТЫ НЕИЗВЕСТНО

Рис. 3. Находки вещей приладожских типов на Земляном городище Старой Ладоги.

Рис. 4. Находки вещей приладожских типов в Новгороде.

Рис. 5. Находки вещей скандинавских типов в юго-восточном Приладожье
1 — копьё типа «Е» по Я. П.; 2 — меч типа «Х» по Я. П.; 3 — меч типа «М»-ос. по Я. П.; 4 — браслет типа ЯП рис. 186; 5 — фибула типа ЯП рис. 235; 6 — меч типа «Н» по ЯП; 7 — меч типа «I» по ЯП; 8 — топор типа «G» по ЯП; 9 — копьё типа «Н» по ЯП; 10 — копьё типа «К» по ЯП; 11 — меч типа «Т-2» по ЯП; 12 — топор типа «F» по ЯП; 13 — цепочкодержатель типа ЯП рис. 224; 14 — топор типа «J» по ЯП; 15 — топор типа «L» по ЯП; 16 — меч типа «E» по ЯП; 17 — меч типа «S» по ЯП; 18 — топор типа «K» по ЯП; 19 — копьё типа «F» по ЯП; 20 — копьё типа «G» по ЯП; 21 — меч типа «V» по ЯП; 22 — фибула типа ЯП рис. 227; 23 — меч типа «Y» по ЯП; 24 — топор типа «M» по ЯП.

Рис. 6. Находки монет в юго-восточном Приладожье

1 — саманиды X в.; 2 — саманиды, Наср ибн Ахмед, Маедин 936—937 гг. *; 3 — саманиды, Наср?, Самарканд 930—931 гг. *; 4 — Аббасиды X в. *; 5 — калиф ибн Мухтаф 901—907 гг. *; 6 — Измаил ибн Ахмад 891—907 гг. *; 7 — саманиды, Нух ибн Наср 943—953 гг. *; 8 — саманиды, Наср ибн Ахмед 913—942 гг. *; 9 — саманиды X в.; 10 — саманиды, Наср?, Андераба 923 г. 11 — аббасиды VIII—IX вв. *; 12 — саманиды X в.; 13 — Византия, Василий II, Константин VIII 976—1025 гг. *; 14 — саманиды X в.; 15 — саманиды, Нух ибн Наср 950—951 гг.; 16 — Германия XI в. *; 17 — Зап. Европа XI в.; 18 — Зап. Европа XI в.; 19 — Англия, Этельред II 979—1016 гг. *; 20 — Зап. Европа XI в. *; 21 — Англия, Этельред II 979—1016 гг. *; 22 — подражание: саманиды, Наср? 913—943 гг. *; 23 — Германия Генрих III 1037—1043 гг.; 24 — Германия, Эвер, Герман ум. 1086 (1059—1086) *; 25 — Англия, Этельред II 979—1016 гг.; 26 — Германия, Девентер, еп. Бернольд 1027—1054 гг. *; 27 — Германия, Эвер, Герман ум. 1086 г. (1059—1086 гг.) *; 28 — Германия XI в.; 29 — Богемия, Бржетислав I 1034—1055 гг.; 30 — Германия, Генрих III 1039—1056 гг.; 31 — Германия, Брейзах X в.; 32 — подражание: Германия, Кельн XI в.; 33 — Германия, Конрад II 1024—1039 гг. *; 34 — Германия, Генрих V 1106—1126 гг. *; 35 — Германия, еп. Бернольд или Вильгельм 1029—1076 гг.

1 — Сязнига VI 61—1; 2—3 — Гитола 1—1; 4 — Конбежка—Костино 95—1; 5—9 — Залющик 1—1; 10 — Заозерье 6—3, 4; 11 — Подъелье 104—2; 12 — Кирилина 90—3; 13—14 — Залющик 2—1; 15 — Большие Горы 4—1; 16 — Галично III 1—7, 8; 17 — Балдино 21—1; 18 — Новинка—Село II 5—1; 19—22 — Карлуха 12—1; 23 — Красная Заря 8—1; 24—25 — Новая Деревня II 29—1; 26 — Сязнига IV 47—1; 27 — Новая Деревня II 32—1; 28 — Нововесь 25—1; 29—35 — Кирилина 93—1.

* — монета происходит из стратиграфически одновременного комплекса.

ления приладожских браслетов нам не известна, они достаточно условно соотносены нами с кручеными браслетами. Но браслеты с имитацией витья известны в древностях Скандинавии и относятся к типу 191 типологии Я. Петерсена (далее Я. П.) — X—XI вв.²⁷

Нижняя дата периода «В» устанавливается на основе появления цельных двусторонних костяных гребней («ХИ»—86), датированных в Новгороде не ранее 26 яруса. Таким образом, дата начала периода «В» на материалах Ладоги и Новгорода практически совпадает. В погребениях периода «В» появляются также пряжки типа 2 («ХИ»—88), известные в Новгороде не ранее 25 яруса. Но эти пряжки не характерны для периода «В» и широко распространяются только в периоде «А₂», что делает предпочтительной датировку на основе даты появления в Новгороде костяных гребней. Кажущимся противоречием является датировка топоров типа 10 («ХИ»—91) в Новгороде. Тип 68 по Ю. М. Лесману объединяет как находки топоров типа 8 («ХИ»—79), так и топоров типа 10 нашей типологии. Поэтому, характеризуя комплекс находок в целом, этот тип не может служить основой датировки.

Ранняя дата периода «А₂» устанавливается на основе находок орнаментированных поясных колец («ХИ»—90), известных в Новгороде с 25 яруса. Сложнее вопрос о датировке периода «А₁», поскольку в нем представлено большое количество находок, начальные даты бытования которых сильно различаются. Вещами с наиболее ранней датой появления среди материалов периода «А₁» являются находки кресал типа 8 («ХИ»—100), неизвестных в новгородских слоях ниже 22 яруса. Общая датировка периода «А₁» оказывается очень широкой. Верхняя хронологическая граница не может быть отнесена ко времени ранее появления в Новгороде топоров сходных с топорами типа 12 («ХИ»—101) в 14 ярусе. Но встречаемость типов вещей не дает возможности разделить погребения этого периода более подробно, и вопрос о хронологии этого периода можно решить только непосредственно на материалах Новгорода. Неслучайность обозначенных нами хронологических границ периодов косвенно подтверждается распределением в новгородских слоях всех датированных типов вещей, представленных на рисунке 2г в работе Ю. М. Лесмана. Максимальные количества наиболее ранних и наиболее поздних дат типов вещей, в интересующий нас период времени приходятся на 26, 24 и 22 ярусы, то есть на выделенные нами хронологические границы периодов²⁸.

Тем не менее, по нашему мнению, даты периодов, полученные на основе синхронизации с дендродатированными горизонтами поселенческих памятников нуждаются в проверке. Такой проверкой может стать сопоставление датировок по нашей хронологической системе с датировками этих же вещей, полу-

ченными на основании других хронологических систем. Поскольку для интересующего нас периода существует только одна типо-хронологическая шкала древностей, разработанная Я. Петерсеном для материалов Скандинавии²⁹, мы вынуждены оперировать довольно ограниченным кругом скандинавских древностей (Рис. 5). Расхождения в датировках имеются в двух случаях: запаздывание находки меча типа «Е» по Я. П. (Рис. 5, 16) и некоторых экземпляров копий типа «F» по Я. П. (Рис. 5, 19). Однако, датировка мечей типа «Е» по Я. П. расширена А. Стальсберг на материалах Скандинавии до границ первой четверти X в.³⁰ К выводу о возможности датировки копий типа «F» по Я. П. в Скандинавии и второй половиной X в. пришла П.-Л. Лехтосало-Хиландер³¹. Таким образом, в Приладожье, в мужских погребениях нам неизвестна ни одна скандинавская находка, которая с уверенностью могла бы быть отнесена ко времени, выходящему за пределы периода бытования в Скандинавии.

Другой возможностью проверки корректности датировок, выделенных нами периодов, является анализ на непротиворечивость вещевых и нумизматических дат. В Приладожье известно достаточно большое количество монет, чеканенных в различных центрах арабского Востока, Византии, Западной Европы (Рис. 6). Ни в одном случае дата чеканки монет не противоречит дате периода. Можно также установить время наиболее активного поступления монет в юго-восточное Приладожье. Оно связывается с арабскими монетами с датами чеканки между 910-ми и 950-ми гг. Таким образом, мы считаем вполне корректным разделение времени совершения в юго-восточном Приладожье погребений под курганной насыпью на семь, в различной степени связанных между собой, хронологических периодов: «A₁» — после 1070-х гг. «A₂» — 1020-е — 1070-е гг. «B» — 980-е — 1020-е гг., «C₁» — 950-е — 980-е гг., «C₂» — 920-е — 950-е гг., «D₁» — 890-е — 920-е гг., «D₂» — 860-е — 890-е гг. Естественно, предложенное хронологическое деление не является самоцелью и нуждается в культурно-исторической интерпретации, но очевидно, что такая работа не может быть проведена в рамках данного исследования³².

1. Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы.— М., 1977; Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород // Археологические исследования Новгородской земли.— Л., 1984.

2. Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога.— Л., 1985; Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ, 1976.— Вып. 17; Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА, 1988.— № 1.

3. Лесман Ю. М. Указ. соч.— С. 126.

4. Там же.— С. 122—123.

5. Petersen J. 1) De norske vikingesverd. Kristiania, 1919; 2) Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928; 3) Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951.
6. Лесман Ю. М. Указ. соч.— С. 120—122.
7. Об этих работах см.: Шукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник Черняховской культуры III—IV вв. н. э.— Кишинев, 1986.
8. Лесман Ю. М. Указ. соч.— С. 121.
9. Станкевич Я. В. 1) Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья IX—XIII вв.— Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06.— Л., 1947; 2) Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья // КСИИМК, 1947.— Вып. XIV.
10. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв.— Л., 1973.— С. 114—129.
11. Здесь и далее под типом понимается группа вещей, обладающих рядом специально оговоренных общих признаков, которая может получить хронологическую привязку.
12. В дальнейшем фибулы типа 8 не рассматриваются, поскольку они равномерно распределены на всем периоде бытования культуры.
13. Шукин М. Б., Щербакова Т. А. Указ. соч.— С. 202.
14. Очевидно, что исключениями являются крайние группы погребений.
15. Лесман Ю. М. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА, 1981.— Вып. 166.
16. Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Ладога и ее округа в VIII—X вв. // Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии.— М., 1989.
17. Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Указ. соч.— С. 91.
18. См. также: Богуславский О. И., Яблоник Д. Л. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли.— Новгород, 1987.
19. Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Указ. соч.— С. 93.
20. Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА, 1959.— № 65.— С. 155—156.
21. Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Указ. соч.— С. 93—97.
22. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, 1959.— № 65.— С. 75.
23. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ, 1966. Е-1—36.— Т. 2.— С. 17.
24. Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Указ. соч.— С. 97.
25. Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги // Средневековая Ладога.— Л., 1985.— С. 122.
26. Лесман Ю. М. Погребальные памятники...
27. Petersen J. Vikingetidens smykker... S. 157—158.
28. Лесман Ю. М. Погребальные памятники...— С. 150.
29. Petersen J. Vikingetidens smykker... Abb. 191.
30. Stalsberg A. Zu Datierungen dei frihen wikingertzeitlichen Funde scandinavisher Herkunft in der alten Rus // Acta Universitatis Upsaliensis Figura, 1981. N 19.
31. Lehtosalo-Hilander P.-L. Vikinkiajan aseiatä Leikkyä luvuilla ja lihikäärmeillä // SM, 1985. S. 8.
32. Об этом см.: Богуславский О. И. К изучению юго-восточного Приладожья IX—XII вв. // Новгород и Новгородская земля.— Новгород, 1989.

АЛТАРНЫЕ ПРЕГРАДЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЗОДЧЕСТВЕ X—н.— XIII в. (хронологический аспект)

Один из важнейших элементов убранства христианского храма — алтарная преграда, темплон. Темплон был непременным атрибутом культового интерьера и в русском домонгольском зодчестве. Тем не менее, архитектура древнерусских алтарных преград не изучена.

Ни один домонгольский темплон не сохранился в первоначальном виде. При архитектурно-археологических исследованиях в 24 памятниках X — н. XIII в. были сделаны находки, атрибутируемые как фрагменты или следы темплонов. Для нескольких памятников на основании этих данных и материалов лапидариев, в которых хранятся архитектурные детали, происходящие из древнерусских домонгольских храмов, были выполнены реконструкции. В большинстве же случаев возможно лишь выделение ряда весьма поверхностных признаков, таких как материал, местоположение темплона, расположение относительно предалтарных столбов; при этом единственный признак, устанавливаемый для всех памятников, — материал. Рассмотрим их, используя этот признак, в хронологическом контексте.

Для X—XI вв. фрагменты (достоверные и предполагаемые) или следы темплонов зафиксированы в 6 памятниках. В 4 из них (Десятинная ц. ¹, Спасский соб. в Чернигове ², Софийский соб. в Киеве ³, Успенский соб. Киево-Печерской Лавры) ⁴ темплоны были выполнены из камня — мрамор, шифер; в одном случае (Спасский соб. в Чернигове) шифер, вероятно, сочетался с деревом.

В Софийском соб. в Новгороде алтарная преграда была сооружена из дерева ⁵, в Спасской ц. в Переяславе-Хмельницком из плинфы ⁶. Отметим, что это разнообразие материалов отражает отсутствие какой-либо регламентации материала известное уже в раннехристианский период ⁷. Если Софийский соб. в Новгороде относится к той же строительной традиции, что и киево-черниговские памятники X—XI вв., то Спасскую ц. в Переяславе-Хмельницком П. А. Раппопорт связывал с появлением на Руси новой строительной артели ⁸. Появление кирпичного темплона следует, вероятно, рассматривать как отражение артельной традиции (мы не можем судить о том, насколько темплон из плинфы становится типичным для переяславльской школы, т. к. не имеем данных об алтарных преградах других домонгольских памятников Переяслава-Хмельницкого).

Каменные темплоны Десятинной ц., Софийского соб. в Киеве, Успенского соб. Киево-Печерской Лавры реконструируются

разными исследователями как высокие преграды-портики с парапетами, архитаврами, колоннами, известные по памятникам византийского архитектурного периода. Реконструкция единственной известной для XI в. деревянной преграды Софии Новгородской позволяет сделать вывод о том, что и деревянный темплон повторял принцип каменных конструкций киево-черниговских памятников, положив начало традиции деревянных высоких алтарных преград XII в. Ею будет затронуто и Среднее Поднепровье.

Для XII — н. XIII вв. данные об алтарных преградах получены при исследовании 18 храмов. В 12 из них открыты следы деревянных темплов. Они известны в Среднем Поднепровье (ц. Бориса и Глеба в Чернигове⁹, ц. Апостолов в Белгородке¹⁰) в памятниках Смоленска (Васильевская ц.¹¹, Воскресенская ц.¹², Собор на Протоке¹³), Пскова (Собор Ивановского монастыря¹⁴, ц. Дмитрия Солунского¹⁵), Новгорода (ц. Рождества Богородицы Антониева монастыря¹⁶, ц. Благовещения на Мячине¹⁷, ц. Спаса Нередицы¹⁸, Пантелеймоновская ц.¹⁹), Гродно (Нижняя ц.²⁰).

Деревянные алтарные преграды реконструируются даже на уровне типа лишь в редких случаях.

Наиболее подробно изучены новгородские деревянные темплены п. п.— к. XII в. Для трех памятников (ц. Рождества Богородицы Антониева монастыря, ц. Благовещения на Мячине, ц. Спаса Нередицы) М. В. Ковалевой на основании архитектурно-археологических исследований выполнены реконструкции, выявившие конструктивную общность преград, характеризующуюся, прежде всего, «весьма значительной высотой», подчеркнутым вертикализмом композиции²¹.

Лишь в 5 памятниках XII— н. XIII вв. открыты следы каменных алтарных преград или найдены каменные архитектурные детали, атрибутируемые исследователями как фрагменты темплов. Три из этих пяти памятников относятся к школам, сформировавшимся и развившимся под влиянием романской архитектуры — Галицкой и Владимиро-Суздальской, что обусловило формирование здесь в XII в. местной традиции каменных темплов.

Вероятно, из камня были выполнены алтарные преграды ц. Бориса и Глеба в Старой Рязани²² и Благовещенского соб. в Чернигове²³, т. е. в памятниках тех строительных центров XII в., в которых существовала традиция использования резного камня в убранстве построек из плинфы.

Лишь в одном храме XII в.— ц. Иоанна Богослова в Смоленске — в галереях, перед придельными алтарями были открыты преграды, сложенные из плинфы. Они были оштукатурены и украшены фреской²⁴.

Таким образом, именно дерево в XII в.— н. XIII в. становится основным материалом для сооружения алтарных пре-

град. Смена мраморных и шиферных темплов деревянными отразила степень использования в разные периоды поделочного камня в домонгольской архитектуре в целом. Если X—XI вв.— время относительно широкого применения мрамора и в особенности шифера, то для XII—н. XIII вв. эти материалы менее характерны. Предпочтение же дерева плинфе, вероятно, объяснялось стремлением сохранить тип высокой преграды с горизонтальными тягами-тяблами, заменившими архитавры каменных темплов, и вертикальными стойками-опорами.

Именно в древнерусском зодчестве XII в с преобладанием в нем деревянных темплов должно было развиваться, усложняться живописное убранство алтарных преград. Византийские преграды всегда оставались прежде всего архитектурным сооружением, не спеша, по выражению В. Н. Лазарева, превращаться в «простую подставку для икон»²⁵. Это было обусловлено в значительной мере, а может быть и преимущественно, материалом, использовавшимся для сооружения темплов.

Мрамор подразумевал, прежде всего, в качестве основного декоративного приема резьбу. Дерево, в отличие от камня, естественно сочеталось с росписью, и ведущая роль в развитии живописного убранства темплов должна была принадлежать деревянным алтарным преградам, на которые впервые росписной эпистиль должен был занять место резного архитрава каменной преграды.

В. Н. Лазарев полагал, что в Византии деревянные темпловы в XI—XII вв. сооружались лишь «в самых бедных храмах»²⁶. На Руси помещение деревянной алтарной преграды в монастырские, княжеские храмы требовало от нее художественного соответствия их интерьеру.

Еще Е. Е. Голубинский касался вопроса о роли и месте икон в убранстве темплов²⁷. Открытие высоких деревянных преград XII в. вновь подчеркнуло важность этой темы. Рассмотрение фонда русских икон домонгольского периода в сопоставлении с архитектурой темплов должно явиться наиболее плодотворным методом решения этой проблемы.

Увеличение икон в регистрах, увеличение числа иконных регистров на алтарных преградах должно было не противоречить развитию литургии, обряда. Т. Мэтьюз отмечает, что одной из тенденций в эволюции восточнохристианской богослужбной практики было усугубление обособленности литургии от мирян²⁸. Молящиеся могли быть свидетелями все меньшего числа обрядовых действий, происходящих в алтаре. Эти изменения в литургической практике, обозначившиеся по мнению Т. Мэтьюза, не позже в. п. XI в., обусловили изменения в храмовой архитектуре. К ним Т. Мэтьюз относит развитие «непрозрачности» алтарной преграды, т. е. превращение преграды из условной границы между бемой и наосом, позволяющей мирянам видеть происходящее в алтаре действо, в соору-

жение препятствующее этому. Итогом этого процесса на Руси стало сложение высокого иконостаса.

Появление высоких иконостасов традиционно связывают с рублевской эпохой. Домонгольский темплон отсекается от этого процесса. Это объясняется, прежде всего, неизученностью древнерусских преград XII—н. XIII вв.

При этом рассмотрение данных, полученных при археологических исследованиях домонгольских алтарных преград, в сопоставлении с памятниками древнерусской иконописи в контексте византийского культурного круга в целом позволяет предположить, что именно в домонгольский период, в XII—XIII вв. темплон начинает превращаться из преимущественно архитектурного сооружения в носителя определенной живописной программы.

1. Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Тр. XII АС. Т. III.— М., 1905.— С. 6.

2. Холостенко Н. В. Мошеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси.— Л., 1974.— С. 200.

3. Айналов Д. В. Указ. соч.— С. 8; Лебединцев Г. Г. О святой Софии Киевской // Тр. III АС.— Т. I.— Киев, 1878.— С. 53—93; Нельговский Ю. Матеріали до вивчення первісного вигляду оздоблення інтер'єра Софії Київської // Питання історії архітектури та будівельної техніки України.— Київ, 1959.— С. 5—29; Пуцко В. Фрагмент мраморного архитрава алтарної прегради Софії Київської // Археолошки Музеј на Македонја. Зборник. Книга X—XI томе. Скопје, 1983.— С. 101—104.

4. Лебединцев П. Киево-Печерская Лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии.— Киев, 1896.— С. 10—11; Холостенко М. В. Успенский собор Печерского монастыря // Стародавній Київ.— Київ, 1975.— С. 134—137.— Рис. 26.

5. Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода.— М., 1968.— С. 95—98.

6. Каргер М. К. Раскопки в Переславле-Хмельницком в 1952—1953 гг. // СА. 1954. XX.— С. 14.

7. Голубинский Е. Е. История алтарной преграды или иконостаса в православных церквях // Православное обозрение. 1872. Второе полугодие.— С. 574; Delvoe C. Cancelli // Reallexikon zur Buzantinischen Kunst. Lief. 6. Stuttgart; 1965. Sp. 903—904.

8. Раппопорт П. А. Строительные артели Древней Руси и ее заказчики // СА. 1985.— № 4.— С. 80—89.

9. Холостенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967.— № 2.— С. 188—210.

10. Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья.— Киев, 1913.— С. 80—81.

11. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв.— Л., 1979.— С. 155, 158; Клетнова Е. Н. О раскопках на Смядны // ИАК. 1910. Прибавление к вып. 34.— С. 166; Фотоархив ЛОИА. Н—76694.

12. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска...— С. 240, 243; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников // САИ, 1982. Е1—47.— С. 88—89; Архив ИА. Р—1.— № 2972, 2972а.

13. Воронин Н. Н. Смоленская живопись XII—XIII веков.— М., 1977.— С. 21.

14. Михайлов С. П. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура X— пп. XIII вв.— М., 1988.— С. 95—100.

15. Архив ИА. Р-1.— № 3038.— Л. 13.

16. Ковалева В. М. Алтарные преграды в трех Новгородских храмах XII в. // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции.— М., 1977.— С. 62—65.

17. Там же.— С. 58.

18. Там же.— С. 60.

19. Архив И. А. Р-1.— № 6935, 6935а.— Л. 5, 6; Архив ЛОИА. Ф. 35.— 1977. Кп.— 2163.— Л. 1.

20. Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА, 1954.— № 41.— С. 114—117.

21. Ковалева В. М. Указ. соч.— С. 64.

22. Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. 1965. № 49.— С. 78.

23. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. 1949.— № 11.— С. 86; Архив ИА АН УССР, 1946/26.— Л. 62.

24. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска...— С. 123, 125—126; Архив ИА. Р-1.— № 2287.— Л. 8—9.

25. Лазарев В. Н. Три фрагмента росписных эпистилиев и византийский темплон // Лазарев В. Н. Византийская живопись.— М., 1971.— С. 126.

26. Там же.— С. 125.

27. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви.— Т. 1.— Ч. 2.— М., 1904.— С. 200, 209—212, 224.

28. Mathews T. «Privat» Liturgy in Byzantin Arhitecture: Toward a Re-appraisal // Cahier Arheologiques, 1982. XXX. p. 127.

Таблица 1 *

Памятники	Дата	Материал		
		камень	плинфа	дерево
1	2	3	4	5
1. Десятинная ц.	к. X	+		
2. Спасский с. в Чернигове	пп. XI	+		+
3. Софийский с. в Киеве	пп. XI	+		
4. Софийский с. в Новгороде	пп. XI			+
5. Успенский с. в Киево-Печерской лавре	вт. п. XI	+		
6. Спасская ц. в Переяславле-Хмельницком	к. XI		+	
7. Ц. Бориса и Глеба в Чернигове	н. XII			+
8. Ц. Бориса и Глеба в Ст. Рязани	пп. XII	+		
9. Благовещенский с. в Чернигове	вт. п. XII	+		
10. Ц. Апостолов в Белгородке	к. XII			+
11. Нижняя ц. в Гродно	к. XII			+

* Следы домонгольских деревянных алтарных преград, по сведениям Г. М. Штендера, обнаруживаются между предалтарными столбами Никольского соб. на Ярославском двореце, Пятницкой ц. в Новгороде, ц. Георгия в Старой Ладге.

12. Ц. Иоанна Богослова в Смоленске	вт. п. XII		+
13. Васильевская ц. в Смоленске	к. XII		+
14. Воскресенская ц. в Смоленске	к. XII—н. XIII		+
15. Собор на Протоке в Смоленске	к. XII—н. XIII		+
16. Рождественский с. в Боголюбове	вт. п. XII	+	
17. Успенский с. в Галиче	с. XII	+	
18. Храм в Васильеве	XII—XIII	+	
19. С. Ивановского м-ря в Пскове	пп. XII		+
20. Ц. Дмитрия Солунского в Пскове	пп. XII		+
21. Ц. Рождества Богородицы Антониева м-ря	пп. XII		+
22. Ц. Благовещения на Мячине	вт. п. XII		+
23. Ц. Спаса Нередицы	к. XII		+
24. Пантелеймоновская ц. в Новгороде	н. XIII		+

НЕВСКАЯ НАВИГАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОВГОРОДСКОГО СУДОСТРОЕНИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вопросы, касающиеся невской навигации, неразрывно связаны с проблемами торговли, военно-политической борьбы и новгородской колонизации, что и предопределило их традиционное рассмотрение в контексте этих проблем. Обращает на себя внимание малочисленность средневековых древностей на побережье Невы, что входит в противоречие с ее ролью важнейшего участка международных торговых путей, известной по письменным источникам.

К эпохи викингов здесь относятся два клада куфических монет, обнаруженных у самого устья (Васильевский остров, откуда сохранилась монета 780 г. и Петергофский клад, состоявший из 82 монет, младшая из которых датируется 804/805 гг.)¹. Существует свидетельство, что еще во времена Рюрика Ладога и Ижорская земля были переданы в лен представительнице правящей династии. Позже в 1020—1050 гг. они входили в состав Ладожского ярлства великой княгини Ингигерд. Только в конце XI — начале XII вв. эта территория переходит под контроль собственно новгородской администрации². Выплата варяжской дани во времена Олега-Ярослава требовалась для содержания небольшого отряда, способного обеспечить безопасность коммуникаций в Финском заливе³. Все эти факты свидетельствуют о том, что в период функционирования трансконтинентальных торговых путей, охрана их наиболее важного — общего — участка, проходившего по Ладоге, Неве и Финскому заливу, была поручена варягам.

Немногочисленные украшения XII—XIII вв.: овально-выпуклые фибулы, спиралевидные и шумящие подвески, цепедержатели, происходящие предположительно из разрушенных погребений Ижоры, были найдены в нескольких местах, на некотором удалении от Невы. К этому же времени относится начало освоения Ижорской земли русским населением⁴. На самом побережье Невы пока известны лишь остатки древнерусских поселений, датируемых по белоглиняной керамике XV—XVI вв. (окрестности Орешка⁵, Невский Пятачок, Усть-Ижора). Исходя из этого, а также из анализа письменных источников, можно предположить, что массовое заселение этой территории русским населением относится ко времени после основания Орешка в 1324 г. и установившегося здесь с сер. XIV в. продолжительного мирного периода. Писцовая книга Вотской пятины 1500 г. уже фиксирует в этом регионе сложившуюся поселенческую структуру.

Следовательно, до второй четверти XIV в. непосредственный контроль Невского пути возлагался на Ижору, впервые упоминаемую Новгородской летописью, в связи с участием ее в отражении набега ими в Ладогу в 1228 г. Ижора, выставившая по требованию Новгорода воинские контингенты, сохраняла, тем не менее, до момента включения в состав русского государства, определенную автономию. Одна из статей проекта новгородско-ганзейского договора, составленного между 1209 и 1270 гг. гласила, что преступление совершенное в Ингрии подлежит суду ижорского ольдермана⁶. Механизм контроля на Невском пути показан в «Житии Александра Невского», где упомянута морская стража старосты земли ижорской Пелгусия. Местом ее расположения традиционно считается о. Котлин, называемый обычно в договорах, наряду с Березовыми островами, как крайняя точка новгородских владений, от которой новгородцы гарантировали безопасность прохода иноземных судов. В задачу стражи вероятнее всего входила не охрана, а оповещение центральной администрации и в первую очередь ладожан о приближении неприятеля. Так, после шведского рейда в Ладогу в 1283 г. «идоша ладожане в Неву и бишася с ними», а в 1293 г. они, совместно с новгородцами преграждают путь шведам в истоке Невы⁷. С основанием Орешка-городского центра Ижорской земли-свободный вход в Ладогу был перекрыт, однако и после этого надежный контроль на Невском пути установлен не был, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные факты. В 1392 г. зашедшие в Неву пираты «взяша села по обе стороне реке за 5 верст до городка, до Орешка... князь Семеон с гордцаны сугнавше иных избиша, а иных разгониша...», однако в 1396 г. пираты захватили целую артель новгородских купцов. О том, что подобные факты не были редки говорит заявление дерптских должностных лиц в 1426 г., что если новгородцы хотят посещать Неву и Финский залив, то они сами должны заботиться о своей безопасности⁸.

Несмотря на многочисленные опасности водного пути до Новгорода, Ганза отдавала ему предпочтение по сравнению с сухопутными. Согласно предписанию 1346 г. плыть в Новгород можно было только известным путем от Риги, Пернова и Ревеля. Как известно, немецкие и готские купцы прибывали в Новгород дважды в год: на лето и на зиму⁹. Они останавливались в устье Невы, где, по-видимому, была традиционная стоянка, и выбирали ольдермана двора. В договорах обычно содержался пункт, по которому ганзейским купцам разрешалось вести торговлю в Неве и в Финском заливе, рубить лес для починки судов и дрова для приготовления пищи¹⁰, что свидетельствует о наличии стоянок в пределах Невы, которые, судя по отсутствию подобных разрешений для дальнейшего участка пути, являлись, вероятно, крайними пунктами

маршрута ганзейских судов. Выбор места стоянки по-видимому, определялся находящимися у устья Тосно Ивановскими порогами. Хотя, судя по свидетельствам XVI—XVIII вв., о сквозном проходе по Неве морских судов с большой осадкой, причем иногда в «малую воду», эти пороги были проходимы, с них начинался наиболее опасный участок пути, включавший штормовую мелководную южную Ладогу, и, практически непроходимые для морских судов, Волховские пороги. Все эти препятствия были устранены в более позднее время: в нач. XVIII в. был прорыт Ладожский обводной канал вдоль южного берега озера, в первой половине XIX в. были проведены работы по приспособлению фарватеров в районах Ивановских и Гостинопольских порогов, улучшившие судоходство на Неве и Волхове. В средневековье же после значительного увеличения осадки судов в XIII—XIV вв., с переходом к использованию в качестве основного грузового судна — когга, эти трудности, не столь ощутимые для судов викингов с их маневренностью и незначительной осадкой, существенно возросли, тем более, что само передвижение против течения реки было довольно затруднительным. Так, даже для пассажирских судов в России в XVI—XVII вв. в среднем оно составляло 25—46 км, а для грузовых судов XVIII в. — 9—24 км в сутки¹¹. Все эти сложности вынуждали иноземных купцов к фрахтовке у местного населения малых речных судов. Судя по торговым договорам XIII в., в это время в Неве уже действовали две взаимосвязанные организации лоцманов и лодочников-судовладельцев. Регламентация оплаты труда лоцманов, формулировкой платить «то что издавна, но не более» свидетельствует о древности этого промысла, сложившегося, вероятно, как и вся система навигации на Неве еще в эпоху викингов, косвенным подтверждением этого может служить упоминание в Писцовой книге Вотской пятины, пяти деревень с названием «варягово», расположенных здесь¹². Оплата фрахтовки устанавливалась в зависимости от места перегрузки на Неве — следовательно таких мест было несколько. Лодочник, нанятый на проезд по Неве вниз и опять вверх, должен был получить пять марок кун или окорок ветчины¹³. Подобная натуральность оплаты также может свидетельствовать о древности промысла. Унификация же оплаты, вероятно была связана с перевозкой определенного количества груза, а следовательно с определенным типом судна, способного его перевезти. Вероятнее всего это был ушкуй, реконструированное Б. А. Колчиным по новгородским археологическим материалам плоскодонное судно¹⁴, перевозившее 15 тонн груза и имеющее незначительную осадку. Суда такого типа несомненно успешнее преодолевали пороги и мелководья. Тем не менее, и для них этот маршрут был достаточно сложен, так как согласно условиям договора лодочники не несли ответственности за сохранность перевозимого товара, в случае гибели судна.

Основной базой судовладельцев, по-видимому, первоначально была Ладога, затем она перемещается в Орешек и в поселения на побережье Невы. Во время археологического изучения Орешка был обнаружен оборонительный ров-канал, служивший одновременно гаванью для стоянки судов¹⁵. Учитывая, что перегрузка с морских судов на речные происходила в Неве, можно предположить, что в качестве гаваней для их стоянки использовались устья рек: Охты, Славянки, Ижоры и Тосно, находившиеся перед Ивановскими порогами. Предположение по поводу такого пункта в устье Ижоры утвердилось в историографии с нач. XIX в. Его придерживались Н. М. Карамзин, М. Бережков, В. В. Мавродин. Согласно Писцовой книге Вотской пятины 1500 г. на р. Ижоре в семи верстах от ее устья, располагался «рядок у клетей» великого князя, в котором жили торговые люди. К нему тяготел целый комплекс сельскохозяйственных поселений. Все это позволило интерпретировать его как зарождающийся городской центр. Характерно, что после прекращения ганзейской торговли, подати с его населения были снижены¹⁶. Расположение этого торгового пункта за порогами позволяло проходить сюда любым судам, а некоторая удаленность от Невы предохраняла от военных катаклизмов. Ниже по течению Ижоры была расположена деревня Ушкино. На шведских картах XVII в. она обычно обозначается как *Uskin hof*. Подобный топоним фиксируется на них и в устье Тосно *Boritsua Uskina*. А в одном из ганзейских документов 1412 г. немецким купцам запрещается пользоваться на Неве услугами ореховецких лодочников Уски и Луки, неумеренно завышавших плату за перевозки¹⁷. В устье Ижоры, в процессе археологических исследований 1988—1989 гг. были обнаружены следы поселений упоминаемых в вышеназванной Писцовой книге. В условиях плотной застройки и распашки культурного слоя, они фиксировались по локальным скоплениям фрагментов белоглиняной и красноглиняной посуды XV—XVI вв. (атрибуция керамики была любезно сделана В. И. Кильдюшевским).

Учитывая вышеупомянутые факты, свидетельствующие о возможности существования в устье Ижоры места стоянки судов, можно предположить, что остановка здесь шведского флота в 1240 г. не была случайной. Рассматривая это событие в общем контексте экспансии западных государств в Восточную Прибалтику, нетрудно заметить, что основой утверждения их владычества, было сооружение многочисленных замков и крепостей. И если первоначально вторжения крестоносцев в земли финских федератов Новгорода, носили характер устрашающих и грабительских, то впоследствии, с укреплением позиций завоевателей в соседних землях, начинают предприниматься попытки утвердиться и здесь. Так, через год после Невской битвы тевтонцы попытались основать крепость в земле води

(Копорье), шведы же в 1256 г. начинают сооружать укрепления в устье р. Нарвы, в 1297 г. основывают в землях корелы Выборгский замок, а в 1300 г. предпринимают попытку закрепиться в Ижорской земле, построив при впадении р. Охты в Неву крепость Ландскрону. Такое развитие событий позволяет предположить, что подобная цель ставилась и в 1240 г. в местечке при впадении Ижоры в Неву, обладающем удобным с военной и торговой точек зрения географическим положением и несомненными топографическими преимуществами для сооружения укреплений. Наиболее удобным местом для этого можно признать возвышенность в северо-западной части мыса, защищенную с одной стороны высоким берегом Ижоры, а с двух других оврагами. Именно здесь в Петровское время была сооружена земляная фортеция, входившая в оборонительную систему по южному берегу р. Невы. В таком случае легко объясняется, как промедление шведов, так и поспешность выступления новгородцев.

Другим чрезвычайно удобным местом для контроля за судоходством по Неве было вышеупомянутое устье Охты, образующее удобную для стоянки судов гавань и узкий мыс, который легко можно было отделить от остального берега фортификационными сооружениями. Основание Ландскроны было не единственным случаем его использования. Известно, что во время отступления в 1555 г. от Орешка Якова Багги, шведы несколько дней, из-за сильного встречного ветра стояли в устье Охты, отбиваясь от наступавших русских войск. А в 1611 г., задолго до заключения столбовского мира, здесь уже были сооружены шведские укрепления, составившие основу города Ниеншанца. Нева в условиях отсутствия портов на Балтике, служила естественным устьем как для русской торговли, так и для военно-морских предприятий. Во время войны с Орденом, в 1444 г. по сведениям выборгского наместника, полученным в Неве, русские готовились послать под Нарву лодейный флот, который должен будет доставить туда войска в составе 2500 человек, весь провиант и снаряжение. Поход этот, завершившийся победой у устья Нарвы, где были захвачены 3 неприятельских корабля, состоялся в 1447 г. Следующая военно-морская акция должна была состояться в период русско-орденской войны, когда по словам шкипера, плававшего в устье Невы — в реке находилось много людей, а в деревнях и на полях лагерем стояло много воинских людей с пушками. В задачу флота, собранного в 1502 г., входила переброска артиллерии из-под Выборга, осада которого была снята, к Нарве¹⁸. Однако, судя по тому, что в 1555 и 1574 гг. шведские военные корабли беспрепятственно проходят по Неве до Орешка, Россия не имела здесь постоянного военного флота. Он формировался на случай войны из грузовых судов и выполнял, преимущественно, транспортные функции.

Расцвет русского торгового мореплавания, базой которого на северо-западе Новгородской земли являлась Ладога, приходится на сер. XII в. Основой его можно считать длительные славяно-скандинавские культурные контакты в этом регионе, в процессе которых новгородцы овладели мореходными навыками. К этому времени относятся упоминания посещений русскими купцами Готланда, Швеции, Дании. Затем, после длительного периода военного противостояния со Швецией и Орденом, оно вновь оживает в конце XIV — начале XV вв., но в новом качестве, ограничиваясь, в основном, пределами Финского залива. Базами для каботажных плаваний здесь становятся, с одной стороны, Орешек и освоенное русским населением побережье Невы, с другой, Ревель, Рига и Або. Причинами неразвитости русского судостроения и мореплавания в средневековье традиционно называется: враждебное отношение к нему балтийских соседей и в первую очередь Ганзы, стремившейся к сохранению своей торговой монополии на Балтике, незаинтересованность новгородского боярства — основной силы государства — в развитии этих отраслей и направленность новгородской колонизации на северо-восток¹⁹.

Исследование русского средневекового судостроения имеет богатую историографию, однако, если до последнего времени оно сводилось преимущественно к интерпретации письменных источников, то сейчас ключевой является проблема идентификации, имеющих в них названий типов судов с конкретными археологическими, иконографическими и этнографическими материалами. Помимо слов, употреблявшихся для обозначения крупного судна вообще, как корабль и ладья, и терминов, заимствованных на Балтике и в Средиземноморье и употреблявшихся преимущественно по отношению к иностранным судам (шнека, лойва, буса, галея)²⁰ существует ряд названий, связанных вероятно, с конкретными типами древнерусских судов, — это упоминаемые в Русской правде: челн, учан, струг, набойная и заморская лодьи (XI в.), а также, появляющиеся позже насад (XII в.) и ушкуй (XIV в.). Исследования показывают, что название в ряде случаев отражает существенные черты технологии постройки судна, параметры же, в каждом отдельном случае, обуславливались его целевым назначением и имевшимися в распоряжении строителей материалами. При этом с появлением новых типов судов, старые сохраняли, зачастую свое значение, а некоторые из них сохранялись в традиционном судостроении вплоть до наших дней.

К настоящему времени существует опыт реконструкции на археологических материалах, с привлечением этнографических и иконографических свидетельств: чеона, набойной лодьи, ушкуя, морской лодьи. В отличие от подобных реконструкций в странах Балтики, где они делаются обычно на основании ос-

татков судов, включающих значительную часть конструктивных деталей, наши реконструкции производились на различных принципах: если «ушкой Колчина» стал в некотором роде собирательным образом, реконструкция которого основывалась на массовом, но находившемся в рассредоточенном виде материале, то «морская лодья Орлова» была восстановлена на основании одного штевня²¹ и поэтому не может быть признана убедительной, тем более, что с накоплением судостроительного материала в Новгороде, в последующие годы, не было находок, которые могли бы быть атрибутированы, как детали морской лодьи. Тип судна, названный в Русской правде заморской лодьей, обозначавший, по-видимому, первоначальное скандинавские корабли, приходившие на Русь, судя по всему был освоен новгородцами в процессе продолжительного культурного взаимодействия в Южном Приладожье. Именно здесь, в Старой Ладогe могли останавливаться большие морские суда. В ходе археологического исследования этого памятника, были изучены: скандинавский курганный могильник с трупосожжениями в лодьях и с частями лодьи²², а также более 10 скоплений корабельных и лодочных деталей, находившихся как правило во вторичном использовании в качестве полов построек и деталей уличной мостовой в различных частях поселения²³.

Археологические материалы, полученные на памятниках Северо-Запада, к настоящему времени позволяют выделить некоторые характерные черты новгородского судостроения. В первую очередь это безусловное преобладание речных типов: простых однодревок или с нашитыми бортами, а также появившихся несколько позже дощатых плоскодонных судов. Существенные особенности прослеживаются и в отдельных элементах технологии. Например, бортовая обшивка вгладь известная по находкам в Старой Ладогe²⁴ и в оригинальном варианте с планкой, входящей в треугольный зазор в месте соединения досок, в Новгороде²⁵. На Балтике обшивка вгладь появляется только в XV в. до этого же употреблялась только в Средиземноморье. Крепление шпангоутов с обшивкой с помощью деревянных нагелей диаметром 2,5 см находит аналогии в западнославянском судостроении. Доски обшивки новгородских судов отличаются большей шириной и толщиной, по сравнению с применявшимися в странах Балтики. У долбленок с внутренней стороны борта в верхней его части, оставались клампы для закрепления шпангоутов, имевших для этого специальные пазы. Шпангоуты для крупных плоскодонных судов были составными из двух кокор тупоугольной формы (ок. 105°). Характерно, что наиболее ранние корабельные шпангоуты с Неревского раскопа относятся ко второй, а доски и фрагменты бортов к четвертой четверти XII в. Гребные весла имели лопасть шириной до 12 см и противовесы со стороны ручки.

К борту они крепились с помощью уключин. Свидетельством о существовании на Руси судов с весельными портами может служить фигурка шахматной лодьи XII в. из Гродно²⁶. Рулевые весла, наибольшая длина которых достигала 2,40 м имели в отличие от скандинавского симметричную форму и поперечную планку на верхнем окончании вместо румпеля. Крепились они к планширной доске с помощью троса. Кормовые рули, появляющиеся на Балтике в сер. XIII в. в наших материалах до XVI в. пока не известны.

Существенный вклад в изучение новгородского средневекового судостроения могло бы внести подводно-археологическое обследование бассейнов Северо-Запада.

Рассмотренные материалы позволяют выделить в Невской навигации эпохи средневековья три основных периода.

Варяжский: сер. VIII—XI вв. Сообщение по Невскому пути осуществлялось и контролировалось скандинавами, портовой базой которых была Старая Ладога. В навигационном обслуживании пути принимало участие местное население (лоцманы, лодочники).

Новгородско-ганзейский: XII — нач. XIV вв. Невский путь переходит под непосредственный контроль Новгорода и находящейся в зависимости от него Ижоры. На начало этого периода приходится активизация новгородского мореплавания на Балтике, естественным выходом для которого служила Нева. С увеличением грузоподъемности и осадки морских судов, начинают практиковаться комбинированные перевозки, когда часть пути проходили на морских, а часть на речных судах. Основной базой новгородского судоходства по-прежнему остается Старая Ладога.

Новгородский: нач. XIV — кон. XV вв. Основание Орешка, заселение побережья Невы русским населением, разграничение владений Швеции и Новгорода, позволили последнему усилить контроль на невском пути и превратить саму реку в базу флота (Орешек, поселения на Неве), что позволило русским лодочникам обслуживать участки водных путей в Финском заливе.

1. Дубов И. В. Великий Волжский путь.— Л., 1989.— С. 246—247.
2. Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси, 1988.— Вып. 1.— С. 51, 61.
3. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— С. 221.
4. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена Северной Руси // Историко-археологическое изучение Древней Руси, 1988.— Вып. 1.— С. 126—128.
5. Кирпичников А. Н. Древний Орешек.— Л., 1980.— С. 31.
6. Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // ИЗ, 1940.— Т. VI.— С. 130.
7. Кирпичников А. Н. Ладога...— С. 76.
8. Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.— СПб, 1879.— С. 255.

9. Там же.— С. 149.
10. Гадзяцкий С. С. Вотская...— С. 131.
11. Дулов А. В. Географическая среда и история России.— М., 1983.— С. 121.
12. Гиппинг А. И., Куник А. А. Нева и Ниеншанц.— Т. 1. СПб.— 1970.— С. 10.
13. Гадзяцкий С. С. Вотская...— С. 131.
14. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ, 1968. Е1—55.— С. 62, 63.
15. Кирпичников А. Н. Древний Орешек...— С. 69.
16. Гадзяцкий С. С. Вотская...— С. 147.
17. Кирпичников А. Н. Древний Орешек...— С. 32.
18. Клейнберг И. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденой агрессии 1443—1448 гг. // История СССР. Т. 4.— М., 1958.— С. 116, 122,
19. Бережков М. О торговле...— С. 254.
20. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело до-Петровской Руси.— К., 1920.— С. 385—395.
21. Орлов С. Н. Новая находка деталей корабля XII в в Новгороде // СА, 1958.— № 4.— С. 207—209.
22. Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога.— Л., 1985.— С. 156—269.
23. Петренко В. П. Путь по р. Нарове и раннесредневековое судостроение на северо-западе Руси // Нарва, Ивангород, Принаровье (тезисы докладов конференции). Нарва, 1989.— С. 44—46.
24. Там же.
25. Колчин Б. А. Новгородские древности...— С. 58—63.
26. Линдер И. М. Шахматы на Руси.— М., 1975.— С. 93.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СРЕДНЕВЕКОВОГО КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Обращение к методическим аспектам изучения ремесленной деятельности средневековых русских кожевников становится остро актуальным при современном состоянии археологических источников, чрезвычайно быстрое накопление которых опережает процессы обработки и осмысления наличных материалов, которые, надо помнить, подвержены разложению на воздухе, и требуют поэтому незамедлительного научного описания, соблюдения определенных условий хранения и консервации. Археологическая кожа, условия ее нахождения и находки, связанные с кожевным производством отражают, с одной стороны, уровень развития ремесла, а с другой, позволяют проводить достаточно четкое хронологическое членение находок, в частности, на основании технических и технологических приемов работы с сырьем, время появления и бытования которых могут служить основой для реконструкции, не только форм одежды, обуви, предметов быта, но и истории развития научных представлений и техники в русском средневековом обществе.

Рассматриваемые в работах С. А. Изюмовой, Е. И. Ояевой, Г. В. Штыхова, С. В. Тарасова и др. методические вопросы изучения русского средневекового кожевного производства, требуют их дальнейшей разработки, с учетом опыта зарубежных исследователей¹ и одним из направлений может стать повышение информативности источников, влияющее на качественный анализ археологических материалов — исследование технологии выделки кожи, реконструкции и хронологическое членение процессов и техники раскроя и пошива — с одной стороны, и рассмотрения их в конкретном социально-экономическом контексте, в частности, организации производства и сбыта продукции, закономерностей развития средневековой моды и отдельных моделей, привлекая письменные, иконографические и др. источники — с другой. Эти возможности практически безграничны, зная объем настоящих коллекций (крупнейшие из которых находятся в Новгороде и Пскове) и постоянный быстрый процесс накопления источников.

Основы информационных возможностей материала определяются на этапе их полевого изучения, начиная с разборки культурного слоя. Органические предметы, как правило, хорошо сохраняются в сильно увлажненной почве с большим содержанием навоза в качестве консерванта и без доступа кислорода, что характерно для городов лесной зоны. Условия и формы археологизации, составляя предмет исследования,

дают существенную информацию. Распределение находок в слое, их количественный и качественный состав, характеризуют, среди прочего, нормы жизнедеятельности обитателей. В русских городах всевозможные отходы использовались для наращивания культурного слоя, откладываясь непосредственно возле жилых и производственных комплексов. Скопления кожаных предметов и обрезков, в сочетании с находками деревянных колодок, инструментария и оборудования, как правило, являются индикатором производственных мастерских² и указывают на характер, интенсивность и другие особенности деятельности. Важна комплексность признаков производственной деятельности³, что при насыщенности ряда слоев кожными предметами, делает заключения обоснованными. Подобные же принципы формирования культурных отложений отмечены в польских городах⁴, в то время как в других регионах Европы, в частности, в Англии (Лондон), органические остатки сосредоточены более всего вдоль речного берега в составе мусора, собиравшегося при сооружении деревянных набережных⁵. Эти и другие черты жизнедеятельности предполагают соблюдение при разборке слоев комплексности формирования коллекций с фиксацией индивидуальных и массовых находок по слоям и квадратам, и аналогичное их хранение и последующую обработку, не выделяя лучше сохранившиеся находки, т. к. обрезки, порой, важны для определения характера производственной деятельности или ее отсутствия⁶.

Недостаточно разработаны информативные возможности сырья, признаки, указывающие на способы и качество выделки кожевенного товара. В этом направлении перспективным может быть визуальное определение породы животного по естественному рисунку шерсти, где видны расположение и форма каналов волосяных сумок и их устьев, индивидуальные для каждого вида животного⁷. Сравнительно легко различаются рисунки крупного (равномерное распределение волосяных каналов по всей поверхности, округлое устье), мелкого рогатого скота (более или менее выраженная рядность в сочетании с вытянутой формой устьев, направление которых перпендикулярно рядам) и свиньи (относительно редкие, составляющие пучки из трех волос, расположенных треугольником). На основании этих признаков определялись материалы некоторых коллекций из раскопок Пскова (1958), относимые к XI—XV вв., где из общей массы поддающихся определению предметов, включая детали и обрезки, выявлено: 132 ед. крупного и 101 — мелкого рог. скота, с преобладанием последнего среди элементов верха туфель (в основном относящихся к XI—XIII вв.)⁸. Для Кировского раскопа Новгорода соотношение крупный — мелкий рог. скот — свинья составляет 58:40:2. По материалам Ивангорода за 1988 г. соотношение крупный — мелкий рог. скот 37:5 (находки в большинстве, из слоев вт. пол. XVI — нач. XVII вв.).

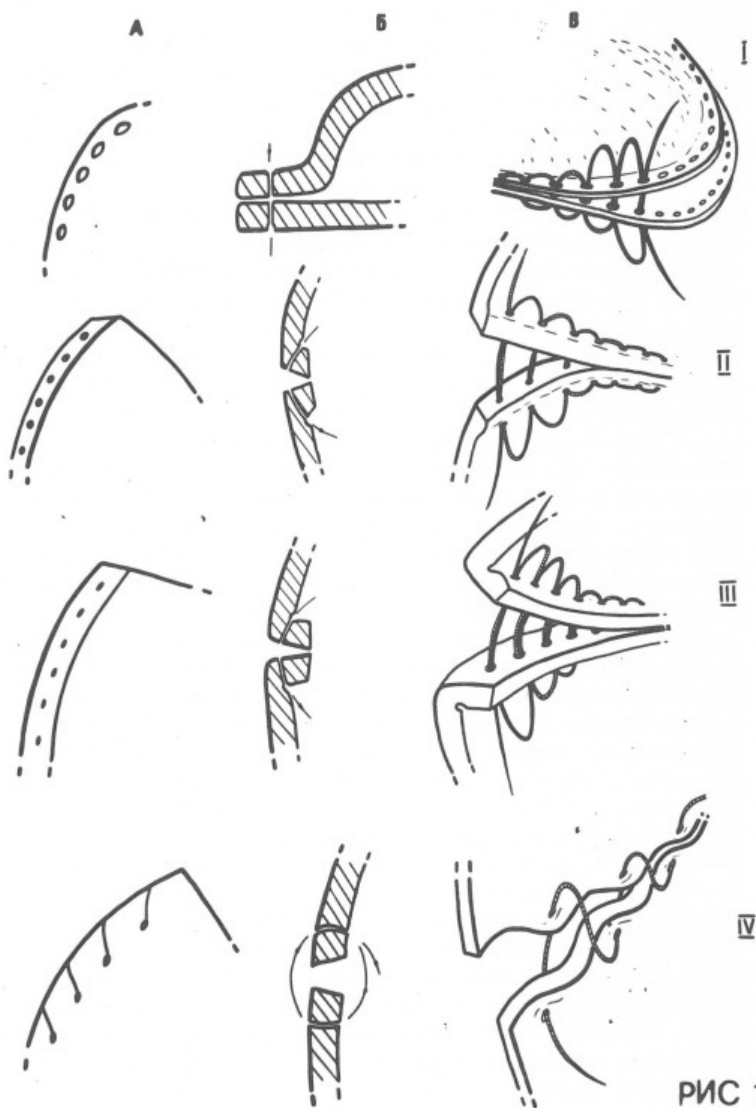

Рис. 1. Схемы швальных соединений: А — графическое изображение шва; Б — разрез соединения; В — реконструкция шивания, эскиз. I — сандаальный шов; II — тачной шов; III — выворотный шов;

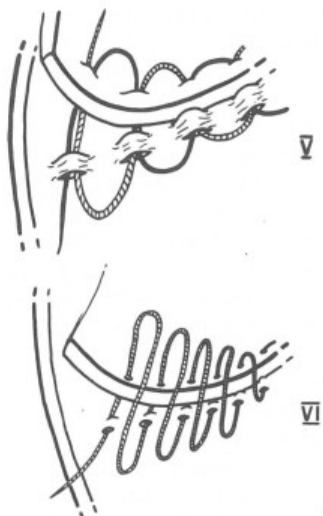
A

Б

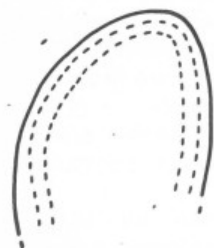

B

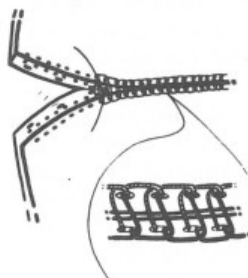

V

VI

VII

VIII

IV — шов «через край»; V, VI — варианты потайного шва на деталях верха;
 VII — соединение головки и подошвы «в подтай»; VIII — сочетание вариантов точных швов.

Для Чернигова отношение 17:9, по материалам, по-видимому, XV—XVII вв. Повышение роли крупного рогатого скота в кожевенном сырье к XV—XVI вв. стоит в связи с развитием технологии выделки шкур и изменениях в технике пошива, где важное значение имеет толщина материала, которая в среднем у овец—коз — 1—2 мм, коров—быков — до 4—5 мм. Видно, что свиные кожи представлены в коллекциях разного времени достаточно мало. Отметим, что подобные изменения в кожевенном производстве происходили в Лондоне в XIII в., связываемые с торговыми проблемами¹⁰.

В работах отечественных исследователей указывается, что сырьем для кожевенных изделий, как правило, служат шкуры домашних животных (крупного и мелкого скота)¹¹. Здесь в зависимость ставится их преобладание в костном материале из городских слоев¹². Неправомерность такого подхода можно выяснить на примере, скажем, Северо-Запада, где по заключению специалистов значительное место, по костям, отводится свинье¹³, и в то же время слабо представленная среди археологической кожи.

Кроме рисунка мерей визуально могут определяться и другие признаки кожи, выражаемые в количественных и качественных категориях. Это — толщина, степень сгонки волоса, качество продуба, мездрения, а также разглаживание и лощение поверхности, окраска. По наблюдениям, например, находки из слоев XI—XIII вв. имеют значительный процент расслоения, больший, чем для XV—XVI вв., что может определять качество выделки, в частности, дубления. В настоящее время ограниченное число опытных экземпляров, и, может быть, несовершенство методики, не позволяет опираться на результаты физико-механического и химического анализов древних кож¹⁴, которые по мнению Ю. П. Зыбина, могли определяться и условиями археологизации.

Эластичность кожи позволяет сохраниться на деталях различным следам, в том числе читаются размеры и форма отверстий стежков, способ соединения деталей, рисунок и техника нанесения орнаментации, отпечатки несохранившихся элементов, индивидуальные особенности соединений (по которым детали можно подбирать), эксплуатационная деформация изделий, их износ, неравномерность и степень которого указывает, достаточно точно на принадлежность обуви правой или левой стопе, и многое другое. На коже проявляются и вторичные признаки — повторного использования, археологизации, способов обработки и хранения после изъятия из культурного слоя, тогда как часть первичных следов может исчезнуть. Ряд характеристик материала изменяется от условий хранения и консервации. При обработке ивангородской коллекции отмечено, что высушенные предметы уменьшаются в размерах: подошвы на 0,8—1,0 см, а детали верха обуви —

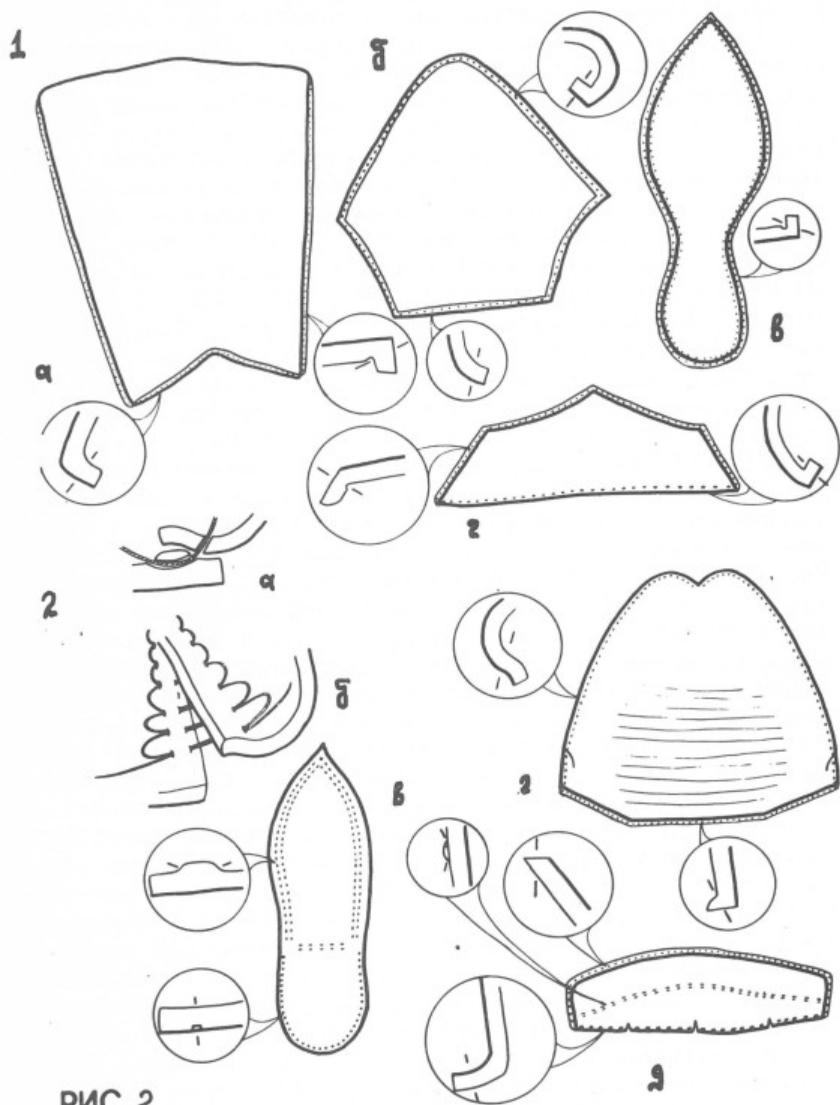

РИС 2

Рис. 2. Конструктивные детали обуви

- 1) Детали сапога: а) голенище; б) головка; в) подошва; г) задник.
 2) Детали сапога: а) разрез и б) эскиз шва «в подтай»; в) подошва; г) головка; д) задник.

на 1,0—1,5 см. Применение консервирующих составов¹⁵ приводит к потере первоначальных качеств кожи — упругости, прочности, цвета. Поэтому научная обработка коллекции должна предшествовать консервации, и проводиться с влажными деталями при минимальной их очистке. Предусматривается отображение технических признаков раскроя — первичный или вторичный обрез (последний, в большинстве, лучше сохраняет углы), выполнен ли под прямым или острым углом (Рис. 2; 3), реальная передача на чертеже отверстий швов (форма, расположение, плотность), варианты их закрепления в толще кожи. Различаются: сквозное отверстие, проходящее через обе поверхности кожи (Рис. I, I, IV), и точное, захватывающее одну поверхность с выходом в торец (Рис. I, II, III, VIII) или на ту же сторону (Рис. I, V—VII). Сочетание этих способов прохождения нити дает все многообразие швальных соединений, графически изображенных на Рис. 1. Предлагаемая схема соединений основана на изучении ряда коллекций Ивангорода, Новгорода, Пскова, Торопца, Чернигова, Орешка и Ст. Ладоги, охватывающих период с VII/VIII по XVII/XVIII вв., а также использования советских и зарубежных публикаций. Варианты швов, их сочетание в узлах одного изделия имеет и хронологические признаки. Так, Рис. 1, I распространяется в русских городах с конца XIII века¹⁶, а форма Рис. 1, VIII в настоящее время выделена среди ивангородских находок кон. XVI — нач. XVII вв. Выбор соединения определялся, видимо, не только материалом, но и профессиональными навыками, и традицией. Существовали определенные закономерности выбора формы и размеров стежков, особенно заметные в предметах XV—XVI вв., где учитывалась плотность шва и механическая нагрузка на него при ходьбе. Для сапог «жесткой» конструкции наименьшая длина стежка стабильна в соединениях боковых обреза задника с крыльями головки — 3—4 мм. Колебание размеров стежков в одном шве может быть количественным параметром, определяющим мастерство изготовителя¹⁷. Существующее мнение о возможно применявшейся в этих случаях «колесной басме»¹⁸, нельзя в настоящее время считать обоснованным, учитывая особенности расположения отверстий и отсутствие этого инструмента в кожевенных комплексах многих городов. Определенную информацию несет сравнение сечений обреза деталей, отражающих износ, а также и конструктивные особенности (Рис. 2; 3), и надрез вдоль потайного шва на подошве (с одной или двух сторон, и соответствующее выскабливание бахтармы)¹⁹.

Реконструкции моделей правильнее строить на основе монолитом взятых из слоя предметов или подбора деталей, используя индивидуальные черты швов, что возможно только при сохранении всех находок из слоя. Восстанавливаются и моделируются процессы сборки, принципы конструирования,

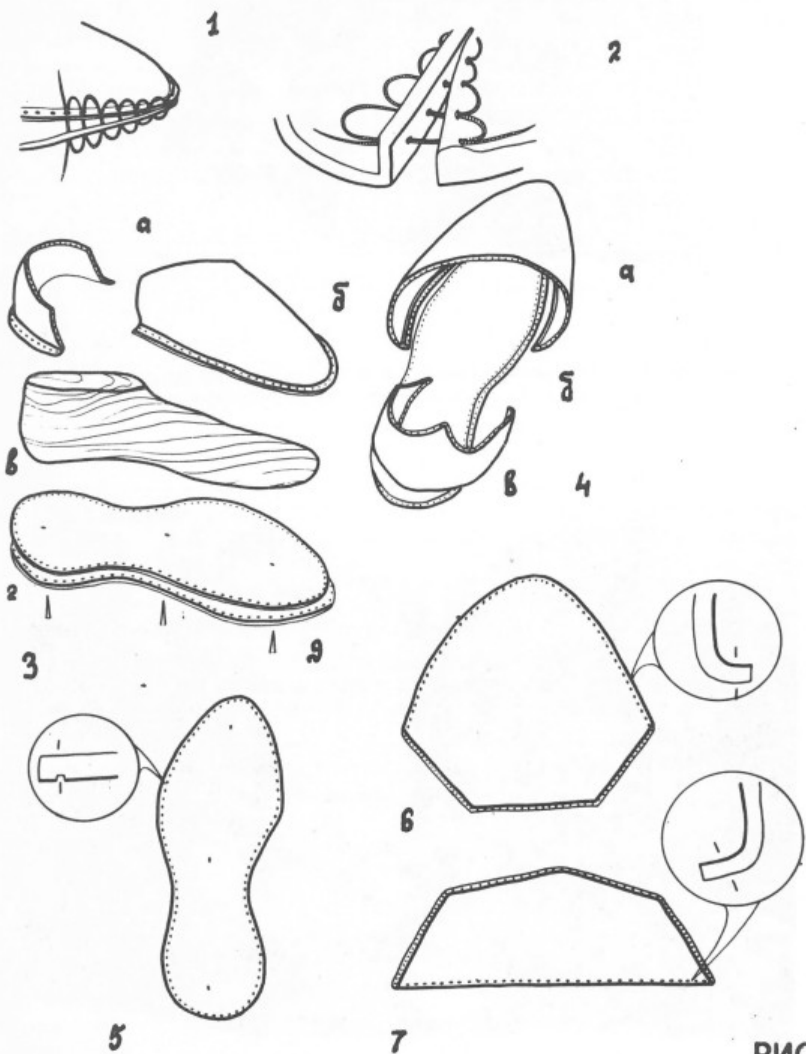

РИС 3

Рис. 3. Конструктивные элементы обуви

1) Эскиз соединения головки и подошвы (к рис. 3.3)

2) Эскиз соединения головки и подошвы (к рис. 3.4)

3) Схема сборки модели: а) задник, б) головка, в) деревянная колодка; г) составная подошва; д) деревянные шпеньки.

4) Схема сборки модели: а) головка, б) подошва, в) задник.

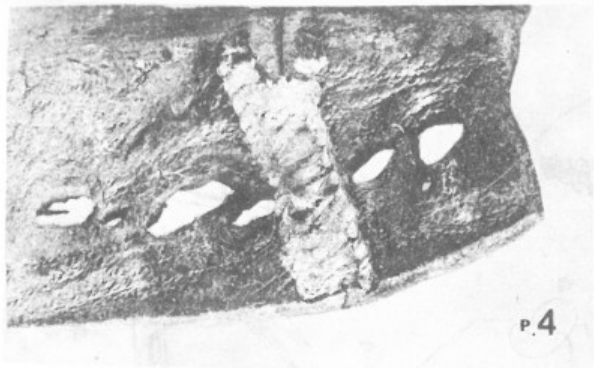

Рис. 4. Карман задника сапога. Деталь. Вариант тачного шва. Сохранившийся участок соединения.

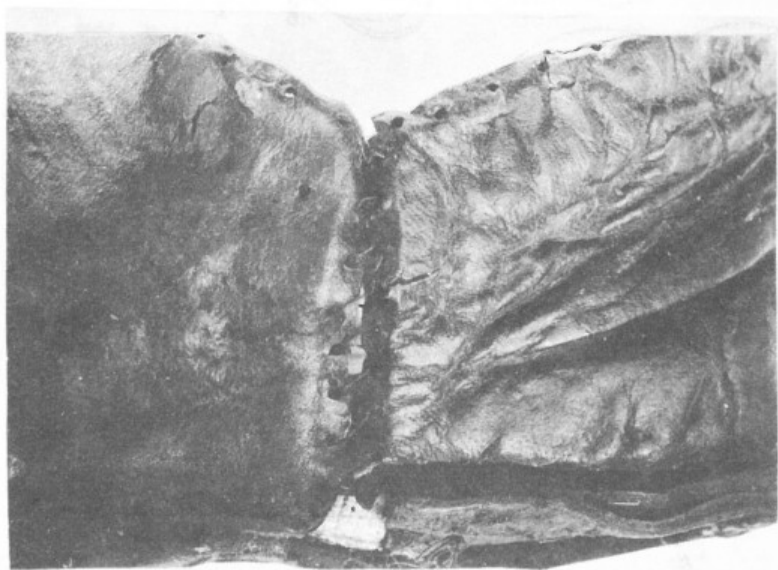

Рис. 5. Реконструкция сапога (Ивангород). Деталь. Срединение бокового обреза задника (справа) с обрезом крыла головки (слева). Выворотный шов.

техника пошива²⁰. Например, на коллекции из Кировского раскопа Новгорода прослежена сборка одной модели обуви, подошва которой состояла из 2—3 слоев кожи, которые скреплялись вместе деревянными шпеньками на обувной колодке, а затем к ним пришивались элементы верха сандальным швом (Рис. 3, 1, 3, 5—7). Следы и сами шпеньки встречены на некоторых колодках и из других раскопов. Такая форма, характерная для ряда русских городов в XI—XIV веках, в последующее время сменяется другой, что могло быть причиной сильного уменьшения числа колодок в слоях XV—XVII вв., или даже их полное отсутствие (см. материалы Ивангорода, Торопца, Пскова, Чебоксар), что позволяет усомниться в однозначной трактовке этих предметов, как приспособления для обивки и затяжки готовой обуви²¹.

При слабой отраженности в письменных источниках до XVI века кожаная производственная терминология может включать как принятые в современном производстве, так и известные ранее наименования, адекватные в первом. В отечественной литературе древнерусская обувь разделяется на поршни, туфли, башмаки и сапоги, что соответствует современному делению по принципу закрывания стопы и голени (туфли — обувь с берцами, не закрывающими тыльную часть стопы; ботинки — обувь с высокими берцами, имеющими устройство для закрепления на ноге; сапоги — обувь с глубокими голенищами, закрывающими голень, а иногда и бедро²². Аналогичное разделение принято и в западной литературе²³. Особым видом обуви в русских городах были своеобразные рабочие боты — «скрешни» (по В. Далю) «сапоги, у которых обрезаны голенища»²⁴, выделенные в Ивангороде²⁵ и Чебоксарах²⁶. Для закрепления их на ноге пользовались ремennыми оборами, продернутыми через несколько прорезов в головке и заднике.

Изложенное показывает необходимость углубленного, детального изучения кожаных предметов, несущих разнообразную технологическую и культурную информацию, в комплексе с данными других источников.

1. Eberle L. Polskie rzimioslo skorzane w sredniowieczu // *Studia i materialy z historii kultury materialnej*, 1971. XLV. S. 9—19; Milewska M. A method of recording late medieval footwear finds // *Archaeologia Polonia*, 1980. XIX. p. 115—136; Goubits O. The drawing and registration of archeological footwear // *Studies in conservation*, 1984. V. 29. N 4.

2. Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ, 1962.— Вып. 4.— С. 42, 47, 75; Рабинович М. Г. О древней Москве.— М., 1964.— С. 194—198.

3. Краснов Ю. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары.— М., 1978.— С. 78.

4. Wiklak H. Obuwie gdanskie z XIII—XIV wieku // *Gdansk wczesno-sredniowieczny*, 1967. VI. S. 166—168.

5. Grew F., de Neergaard M. Shoes and pattens // *Medieval finds from excavations in London*. Vol. 2, 1988. p. 1.

6. Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Чернигова // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. (в печати).
7. Справочная книга обувщика.— Т. 1.— М.—Л., 1935.— С. 294.— Рис. 28.
8. Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ, 1962.— Вып. 4.— С. 77—81.
9. Курбатов А. В. Указ. соч.
10. Grew F. Op. cit. p. 44, 46. Tab. 13.
11. Тарасов С. В. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI—XVIII вв.) // Памятники науки и техники 1987—1988.— Мн., 1989.— С. 164; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. IX—XIII. Мн.: 1975.— С. 72.
12. Лысенко П. Ф. Берестье.— Мн., 1985.— С. 302.
13. Цалкин В. И. Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА, 1956.— № 51.— С. 147—153. Прил. 14—16.
14. Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА, 1963.— № 4.— Табл.; Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. Мн., 1984.— Табл. 6, 7; Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII—XVI вв. // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности, К. 1958.— № 6.— С. 38—39.
15. Курбатов А. В., Николаева А. Л. Вопросы изучения, реставрации и консервации кожаных изделий из раскопок Ивангорода // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология.— Нарва: 1989.— С. 31—32.
16. Оятева Е. И. Указ. соч.— С. 87.
17. Milewska M. Op. cit. S. 125—126.
18. Тарасов С. В. Указ. соч.— С. 168.
19. Курбатов А. В. Коллекция...— Рис. 1, 2, 2, 1, 3.
20. Рабинович М. Г. Указ. соч.— С. 108—109; Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из раскопок Ивангорода в 1980—1986 гг. (в печати).
21. Тарасов С. В. Указ. соч.— С. 170.
22. Зыбин Ю. П. Конструирование изделий из кожи.— М., 1963.— С. 29.
23. Grew F. Op. cit. p. 4.
24. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.— Т. IV.— СПб., 1909.— С. 202.
25. Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из раскопок Ивангорода... Рис.
26. Краснов Указ. соч.— Рис. 76, 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВМУ	Вестник Московского Государственного университета. М.
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО	Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА	Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР	Институт археологии АН Украинской ССР
ИАК	Известия Археологической комиссии. СПб.
ИЗ	Исторические записки. М.
ИИЭА АН Каз. ССР	Институт истории, этнографии и археологии АН Каз. ССР. Алма-Ата
ИМКУз	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИОЛЕАЭ	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М.
ИООН АН Тадж. ССР	Известия Отдела общественных наук АН Тадж. ССР. Сталинабад.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.—Л.
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАО	Московское археологическое общество
МАВГР	Материалы по археологии Восточных губерний России. М.
МАР	Материалы по археологии России. СПб.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НИС	Новгородский исторический сборник. Л.
НТ Таш. Гу	Научные труды Ташкентского Государственного университета. Ташкент.
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
Тр. АС	Труды Археологического съезда.
Тр. ОУАК	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург.
ТТКАЭЭ	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.
УЗ ТНИИЯЛИ	Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института. Кызыл.
ЭВ	Эпиграфика Востока. М.
ESA	Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki.
SM	Suomen Museum. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Л. Б. Вишняцкий, Е. М. Колпаков. Периодизация в археологии	5
В. В. Питулько. Проблемы переходных этапов по археологическим материалам приполярной зоны	12
Н. В. Кандакова. Проблемы периодизации памятников с каменным инвентарем в бассейне Шексны	22
М. Б. Рысин. Поселение Старчики и проблема периодизации эпохи средней бронзы Западного Кавказа	32
В. Ю. Зуев. Курган 1888 г. у поселка Черниговского	42
Н. Н. Николаев. К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль	54
П. П. Азбелев. К исследованию культуры могильников Чааты I—II	61
П. В. Шувалов. Разработка формализованного языка исторической хронологии (на примере геральдических поясов)	69
Н. Ф. Саввониди. Керамика IX—X вв. древнего Пенджикента	77
С. Л. Кузьмин. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли)	87
О. И. Богуславский. К хронологии юго-восточного Приладожья IX—XII вв.	99
Т. А. Чукова. Алтарные преграды в древнерусском зодчестве X—нач. XIII вв. (хронологический аспект)	115
П. Е. Сорокин. Невская навигация и некоторые вопросы новгородского судостроения в эпоху средневековья	121
А. В. Курбатов. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства	130
Список сокращений	141

Подписано к печати 19.08.91. Заказ 1848. Тираж 1100 экз. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. 9 печ. л. Цена 3 р. 50 к.

ПО-3 «Ленуприздата».

191104. Ленинград, Литейный пр., дом № 55.